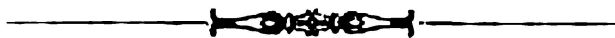

РЕЛИГІОЗНЫЕ ОБРЯДЫ ЧЕРЕМИСЬ.

ИЗДАНИЕ

Православнаго Миссіонерскаго Общества.

БАЗАНЬ.

Типографія и Литографія В. М. Ключникова,
Большая Проломная улица, соб. домъ.

1887.

Отъ Совѣта Братства Св. Гурія печатать дозволяется. Февраля 5 дня 1886 года

Предсѣдатель Совѣта, *Кирилль Епископъ Чебоксарскій.*

Предлагаемая книжка составлена мною главнымъ образомъ для православнаго духовенства, трудящагося въ черемисскихъ приходахъ съ цѣлію просвѣщенія этого народа свѣтомъ Христова ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый священникъ въ своемъ мѣстѣ прилагаетъ всевозможныя усилія, чтобы исполнить указанное ему Господомъ Богомъ дѣло. И однако не всегда и не вездѣ можно видѣть какіе либо плоды этихъ трудовъ: черемисы и доселѣ коснѣются въ язычествѣ. Причинъ этого неутихительнаго явленія много: кромѣ упорной приверженности черемисъ къ старинѣ, бесплодность трудовъ духовенства зависитъ часто отъ незнанія Священниками языка, а большею частію отъ незнанія быта черемисъ, ихъ вѣрованій, убѣжденій, и отъ неумѣнья примѣнить къ степени ихъ пониманія. Самые прекрасныя наставленія, при этомъ условіи, будутъ пропадать безслѣдно.

Но православный Священникъ (изъ Русскихъ) даже не имѣетъ возможности узнать религіозныя заблужденія черемисъ. По своему сану, онъ не долженъ и самъ не рѣшится не только присутствовать на ихъ религіозныхъ праздникахъ, но даже пириествовать вмѣстѣ съ ними (гдѣ бы могъ наблюдать ихъ обычаи и изучать ихъ вѣрованія), потому что ихъ пиры безобразны. Даже родившійся въ черемисахъ Священникъ объ ихъ вѣрѣ узнать ничего не можетъ. Съ малолѣтства растетъ онъ въ православномъ семействѣ, и не можетъ видѣть ихъ религіозныхъ обрядовъ; потомъ учится въ учебномъ заведеніи, вдали отъ этого народа; а затѣмъ снова становится въ условія, препятствующія сближенію съ народомъ. Плохимъ помощникомъ Священнику въ изученіи черемисской вѣры будетъ даже и всякій русскій, хотя бы онъ родился и выросъ среди черемисъ. Черемисы, съ давнихъ временъ находясь подъ вліяніемъ различныхъ народовъ (Болгаръ, Татаръ и Русскихъ), разнообразно старавшихся отвести ихъ отъ вѣры отцовъ, стали недоверчивы и скрытны. Потому съ Русскими о вѣрѣ бывають не разговорчивы, ничего не высказываютъ, на безкровныя мольбища допускають ихъ неохотно, считая ихъ присутствіе препятствіемъ къ благоуспѣхности своей молитвы предъ богами, а на кровавыя жертвами,

пожалуй, и совѣсть не допустятъ. И самъ русскій человѣкъ, считая черемисскую вѣру поганой, не будетъ усиливаться увидѣть все и разузнать, а удовольствуется только тѣми свѣдѣніями, кои даются, такъ сказать, сами собою. Такимъ образомъ православный Священникъ лишень всякой возможности изучать вѣрованія Черемисъ.

Родившись отъ родителей черемисъ, я выросъ въ средѣ этого народа. Хотя мои родители не были особенно привержены къ черемисской вѣрѣ, и болѣе придерживались христіанскихъ обычаевъ и обрядовъ; я все-таки лѣтъ до пятнадцати имѣлъ возможность видѣть всѣ религіозныя обряды черемисъ, узнать всѣ ихъ вѣрованія, а въ исполненіи многихъ обрядовъ участвовалъ и самъ. Возросши, изъ среды горныхъ черемисъ я переехалъ на жительство къ луговымъ, и поступилъ въ духовное званіе. Съ этого времени всякое участіе въ черемисскихъ праздникахъ и личное наблюденіе для меня, конечно, прекратилось. Тѣмъ не менѣе и теперь для меня всегда есть возможность разузнать или разныя подробности въ совершеніи какого либо праздника, или отличіе въ обрядахъ черемисъ луговыхъ и горныхъ. Такъ какъ въ общихъ и главныхъ чертахъ всѣ вѣрованія и обряды черемисъ мнѣ извѣстны: то при распросахъ о разныхъ подробностяхъ мѣстныхъ обычаевъ, ни одинъ черемисинъ совратъ мнѣ не смѣетъ, такъ какъ изъ самыхъ вопросовъ моихъ видить, что сущность ихъ вѣрованій и порядковъ совершенія ими разныхъ моленій въ главныхъ чертахъ мнѣ уже извѣстны.

Эти-то свѣдѣнія, отчасти извѣстныя мнѣ изъ собственныхъ воспоминаній, отчасти собранныя чрезъ распросы черемисъ въ недавнее время, я и предлагаю къ свѣдѣнію православному русскому Священнику, служащему въ черемисскомъ приходѣ, чтобы онъ могъ знать, противу чего онъ долженъ сражаться, какія суевѣрія долженъ искоренять въ своихъ прихожаняхъ. Что я разсказалъ неполно, или неясно, то прошу своихъ собратій и сотрудниковъ о Господѣ или покрыть христіанскою любовію, или восполнить своими трудами и изслѣдованіями по указанному пути.

Священникъ сельца Уньжи *Гавріилъ Яковлевъ*.

О б о г а х ъ.

Прежде чѣмъ описывать различные обряды черемисъ, необходимо имѣть понятіе о тѣхъ божествахъ, которымъ поклоняются черемисы. Черемисы вѣруютъ не въ одного бога, хотя въ числѣ почитаемыхъ ими боговъ есть и такія имена, которыя напоминаютъ христіанскія понятія о Творцѣ и Промыслителѣ вселенной. Предки черемисъ не имѣли ни грамоты, ни книгъ; потому о прежнихъ ихъ вѣрованіяхъ преданій не сохранилось. Можно предполагать, что черемисы въ древности поклонялись единому Творцу вселенной; но смотря на прекрасныя творенія Божіи и желая выразить величіе, могущество и славу Его, придавали Ему единому различныя названія, выражающія разныя проявленія Его могущества, каковы суть: владыка и предопредѣлитель міра, богъ или творецъ солнца, и подобныя имена. Такое предположеніе оправдывается тѣмъ, что и въ Христіанскомъ вѣроученіи различныя свойства и качества Божіи выражаются различными именами, какъ то: Творецъ, Промыслитель, Царь, Владыка и другими. Народъ-же, не имѣющій опредѣленнаго, неизмѣннаго руководства въ своемъ вѣроученіи, различныя качества и проявленія божеской силы единого существа, выражаемыя разными именами, стали представлять себѣ въ видѣ особыхъ отдѣльныхъ существъ, завѣдующихъ каждое особымъ дѣломъ. Но какъ бы ни объяснялось происхожденіе многобожія, черемисы въ настоящее время имѣютъ и почитаютъ многихъ боговъ, и при томъ эти боги, въ ихъ представленіи, разнаго достоинства и чести, что выражается между прочимъ и тѣмъ, что разнымъ богамъ приносятся разныя жертвы.

Боговъ у луговыхъ черемисъ считается (съ матерями, піамбарами, виднѣзями, праздничными и поминальными божествами) приблизительно около 140, у горныхъ¹⁾ 70. Названія свои они получаютъ отъ той части вселенной, которою завѣдуютъ, или отъ своей спеціальной дѣятельности. У каждого главнаго бога есть подчиненныя, или какъ бы помощники. Названія этихъ второстепенныхъ боговъ при каждомъ богѣ одинаковы: 1) *пуйршо*, 2) *юмон аба*, 3) *піамбар*, 4) *суксо* или *витнезе*.

¹⁾ Луговые черемисы при каждомъ главномъ богѣ, или богинѣ представляютъ цѣлый штатъ боговъ подчиненныхъ, второстепенныхъ, какъ это будетъ видно ниже; горные черемисы этихъ второстепенныхъ боговъ не признаютъ, или признаютъ меньше; отъ того и вообще у нихъ боговъ меньше.

1) Пуйршо—создатель, зиждитель, предопредѣлитель будущей судьбы всѣхъ. Юмо тѣням пуйрен — значить: богъ создалъ міръ. Также говорятъ: юмо туге пуйрен— значить: богъ такъ предопредѣлилъ. Судя по значенію имени этого божества, можно предполагать въ немъ какого-нибудь важнаго, главнаго бога: въ дѣйствительности же, по представленіямъ черемисъ, это только не особенно высокая должность при какомъ-либо богѣ.

2) Юмон абажы—(такого-то) бога мать. Откуда почти у каждаго бога явилась мать, никто, даже сами старики изъ черемисъ объяснить не могутъ. Только предполагать брачныя отношенія между богами, какъ въ греческой міѳологіи, нельзя: даже подобная мысль въ представленіи черемисъ считается нечестивой. Юмон абаже въ числѣ сопутствующихъ главному богу божествъ не только не имѣетъ особаго предпочтенія, но занимаетъ или послѣднее, или предпослѣднее мѣсто, и жертвы ей приносятся уже не очень дорогія, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

3) Піамбар. Это слово персидско - татарское, значить пророкъ. Вслѣдствіе того, что въ древнія времена черемисы состояли подъ владычествомъ татаръ, а многіе и теперь живутъ въ сосѣдствѣ съ ними, названія многихъ боговъ татарскія; значеніе этихъ именъ теперешнимъ черемисамъ большею частію не понятно, и объяснить его они не умѣютъ, употребляютъ же по преданію. Таковы имена боговъ: он (ханъ)—царь, піамбар—пророкъ, предстоящій предъ богомъ, каба или кява.

4) Сухсо¹⁾—ангелъ и витнезе докладчикъ—одно и то же. Это служебный духъ, исполняющій велѣнія своего бога, или приносящій ему людскія просьбы. Изъ числа божествъ это самый младшій, и ему приносятся жертвы самыя дешевыя.

Вотъ имена боговъ у луговыхъ черемисъ:

Поро²⁾ кугу юмо, тѣня кугу юмо³⁾,
тѣня кугу пуйршо,
тѣня ѳмбал шочын аба,
піамбаржа, виднезыжо.

Ош-кечы кугу юмо
ош-кечы кугу пуйршо

Великій добрый богъ, великій богъ вселенной,
предопредѣлитель будущей судьбы міра,
мать рожденія, или зачатія міра,
пророкъ его, докладчикъ его.

Великій богъ бѣлаго (свѣтлаго) дня,
великій создатель бѣлаго дня,

¹⁾ „Сухсо,“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется „Сакче“. Слово татарское Са к чы значить хранитель.

²⁾ „Поро“—добрый, западные черемисы говорятъ „пуоро“.

³⁾ Козмодемьянскіе и подцаревококшайскіе черемисы, вселенную называютъ „сяндалык“.

опш-кечы шочын аба.
піамбаржо, виднезыжо.

Каба¹⁾ кугу юмо,
каба кугу пуйршо,
каба юмон абажо,
піамбаржо, виднезыжо.

Мэр кугу юмо,
мэр кугу пуйршо,
мэр шочын абажа,
піамбаржо, виднезыжо.

Кугижан кугу юможо,
кугижан пуйршожо,
кугижан юмон піамбаржо,
кугижам аралышо суксо, витнезе.

Эр кечы²⁾ кугу юмо,
эр кечы пуйршо,
эр кечы суксо, касс суксо.

Вуй ўмбал кугу юмо,
вуй ўмбал кугу пуйршо,
вачы ўмбал сукса.

мать рожденія, или бытія бѣлаго дня,
пророкъ его, доклячикъ его.

Великій богъ кабы,
предопредѣлитель будущей судьбы кабы,
мать божіей кабы,
пророкъ его, доклячикъ его.

Великій богъ міра, или народа,
предопредѣлитель судьбы міра,—народа,
мать зачатія міра,
пророкъ его, доклячикъ его.

Великій богъ царя,
предопредѣлитель будущей судьбы царя,
пророкъ царскаго бога,
ангелъ хранитель царя, докладчикъ предъ
богомъ за царя.

Великій богъ утренняго дня,
создатель, или судьба утренняго дня,
утренній ангелъ и вечерній ангелъ.

Великій богъ надъ нашей головой,
великій создатель надъ нашей головой,
ангелъ, находящійся надъ нашими плечами.

¹⁾ Каба кугу юмо. Горные Козмодемьянскіе и луговые Царевokokшайскіе черемисы сами не понимаютъ, что значить слово каба, или по-горному—кява: но по смыслу и теченію рѣчи и въ ихъ молитвахъ каба кугу юмо, каба кугу пуйршо значить великій богъ основатель вселенной, основатель рода человѣческаго, основатель самаго зачатія каждаго человѣка и предопредѣлитель будущей судьбы человѣка. Изъ перевода свящ. книгъ восточнаго Уфимскаго черемисскаго видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небо называется Каба; поэтому и можно полагать, что въ старину Каба кугу юмо означало: великій богъ неба и создатель. Каба слово арабское, гава—воздухъ, вошло въ черемисскій языкъ отъ татаръ въ значеніи неба.

„Каве“ одна изъ старшихъ языческихъ богинь финскихъ, она считается богинею, или духомъ природы; въ древнее время финляндцы молились ей объ излеченіи отъ разныхъ болѣзней, а женщины наипаче во время родовъ. „Каве“ въ книгѣ „Калевалъ“ называется „самой старшей изъ женщинъ“. Это свидѣніе получено мною отъ ученаго финляндца доктора Вольмари Поркка, въ 1885 году путешествовавшего по Казанской губерніи для изученія черемисскаго языка.

²⁾ Черемисское слово кече значить и день, и солнце. Потому и фразу эту можно переводить двояко: или—богъ дневнаго утра, или—богъ утренняго солнца. Смыслъ останется одинъ и тотъ же.

Суртым аралышо кугу юмо,
сурт кугу пуйршо,
сурт ўмбал суксо.

Кугарня кугу юмо,
кугарня кугу пуйршо,
кугарня юмон абажа.

Рушарня кугу юмо,
рушарня кугу пуйршо,
рушарня юмон абажа.

Шым суксо, индэш піамбар, шым шо-
чын аба.

Кюдырче кугу юмо,
кюдырче кугу пуйршо,
піамбаржо, виднезыжо.

Волгенчы кугу юмо,
волгенчы кугу пуйршо,
піамбаржо, виднезыжо.

Кечы пуйршо кугу юмо,
кечы он,
кечы аба.

Тўлзы пуйршо кугу юмо,
тўлзы он,
тулзы аба.

Юмон он или юмо-он.

Шюдыр-шамычым пуйршо кугу юмо,
шюдыр он,
шюдыр аба.

Великій богъ хранящій домъ,
предопредѣлитель судьбы дома,
ангелъ дома т. е. ангелъ хранитель дома.

Великій богъ пятницы,
великій создатель судьбы пятницы,
мать бога пятницы.

Великій богъ воскресенья,
создатель воскресенья,
мать бога воскресенья.

Семь ангеловъ, девять пророковъ, мать
семи прибылей, или урожаявъ.

Великій богъ грома,
судьба, или создатель грома,
пророкъ его, докладчикъ его.

Великій богъ молніи,
судьба или создатель молніи,
пророкъ его, доклагчикъ его.

Великій богъ создатель солнца,
царь солнца,
мать солнца.

Великій богъ создатель луны,
царь луны,
мать луны.

Царь боговъ или царь (царствующій) богъ.

Великій богъ создатель звѣздъ,
владыка звѣздъ,
мать звѣздъ.

Мардэж он кугу юмо,
мардэж пуйршо,
мардэж аба.

Ўмыр кугу юмо,
ўмыр кугу пуйршо.

Вюд он кугу юмо,
вюд пуйршо,
вюд аба.

Тэнгыж он кугу юмо,
тэнгыж кугу пуйршо,
тэнгыж аба.

Тул он кугу юмо,
тул пуйршо,
тул аба.

Мландо он кугу юмо,
мландо кугу пуйршо,
мландо аба,
мландо суксо,
мландо казначей,
мландо аралыша,
піамбар и суксо.

Киндо шочын кугу юмо,
киндо шочын кугу пуйршо,
киндо суксо,
киндо казначей,
киндо сэрлагшы.

Икшыбо-шочын кугу юмо,
икшыбо кугу пуйршо,
юмо эргы той.

Великій богъ, владыка вѣтровъ,
создатель вѣтровъ,
мать вѣтровъ.

Великій богъ тишины, ведра,
предопредѣлитель тишины—ведра.

Великій богъ, владыка воды,
создатель воды,
мать воды.

Великій богъ, владыка моря,
великій создатель моря,
мать моря.

Великій богъ, владыка огня,
создатель огня,
мать огня.

Великій богъ, владыка земли,
великій создатель земли,
мать земли,
ангелъ земли,
казначей земли т. е. надѣляющій землею,
хранитель земли,
пророкъ и ангелъ земныхъ благъ.

Великій богъ урожаявъ хлѣба,
великій предопредѣлитель урожаявъ хлѣба,
ангелъ урожаявъ,
надѣлитель урожаявъ,
хранитель хлѣба.

Великій богъ рожденія дѣтей,
предопредѣлитель судьбы дѣтей
богъ дающій сына.

Перке кугу юмо,
перке кугу пуыршо,
перке аба.

Саска кугу юмо, пуыршо.

Пундо¹⁾ почын кугу юмо.
пундо пуыршо,
пундо суксо,
пундо казначей,
пундо серлагшы.

Волик почын кугу юмо.
волик почын кугу пуыршо,
волик почын аба,
волик суксо,
волик казначей
волик серлагшы.

Мюкш почын кугу юмо,
мюкш пуыршо
мюкш суксо
мюкш казначей,
мюкш серлагшы.

Тутура кугу юмо
тутура кугу пуыршо.

Покшым кугузай кубай.

Сурт кугу юмо,
сурт кугу пуыршо.
Сурт орт.

Великий богъ прибыли, .
создатель прибыли,
мать прибылей.

Великий богъ и создатель плодовъ.

Великий богъ урожая (денегъ) металловъ,
создатель металловъ,
ангелъ металловъ
надѣлитель металлами (деньгами),
хранитель денегъ.

Великий богъ прибыли скота
великий создатель прибыли скота,
мать прибыли скота,
ангелъ (хранитель) скота,
надѣлитель скотомъ,
хранитель скота.

Великий богъ расплодитель пчелъ,
создатель пчелъ,
ангелъ (хранитель) пчелъ,
надѣляющій пчелами,
хранитель пчелъ.

Великий богъ владыка тумана,
предопредѣляющій судьбу тумана т. е. росы.

Дѣдушка и бабушка инея—утренниковъ.

Великий богъ дома,
великий предопредѣлитель судьбы дома.
Домовой духъ (чутье).

¹⁾ Пундо—означаетъ металлическую звонкую монету—золотую, серебрянную и мѣдную. Это слово старинное, употребляемое только въ молитвахъ, а не въ разговорѣ; по этому молодые ребята и значенія этого слова не понимаютъ.

Сурт кугузай, кубай.

Кугэчы пайрам кугу юмо
кугэчы кугу пуйршо,
кугэчын юмон абажи.

Ага пайрам кугу юмо, пуйршо.

Домовой дѣдушка и бабушка.

Великій богъ праздника пасхи,
великій предопредѣлитель судьбы пасхи.
мать божіей пасхи.

Великій богъ праздника агапайрама, предопредѣлитель.

И въ прочіе праздники такимъ же образомъ поминають праздничныхъ боговъ.

Во время свадьбы:

Шым¹⁾ йод кугу юмо,
шым йод кугу пуйршо.

Великій богъ семи чужбинъ—странъ,
великій предопредѣлитель будущей судьбы
семи чужбинъ—странъ.

У горныхъ божества почти тѣже, только названія боговъ отличны на столько же на сколько отличается луговое нарѣчіе отъ горнаго. Къ именамъ нѣкоторыхъ боговъ представляется вмѣсто он—хан. Тўня юмо у горныхъ называется свѣтъ юмо. У горныхъ есть сотня юмо, котораго у луговыхъ нѣтъ. Сотня, вѣроятно, составилось изъ двухъ словъ сота—свѣтъ и тўня (татарское дўнья) міръ, вселенная. У луговыхъ этотъ богъ называется мэр-юмо—богъ міра, или народа. Горные черемисы не знаютъ самаго названія подчиненныхъ боговъ піамбара, витнезе, казначея и серлагышо. Для каждаго бога у нихъ нѣтъ отдѣльныхъ молитвъ. По устному преданію, молятся они одной и той же молитвою всѣмъ богамъ, мѣняя только ихъ имена. Напримѣръ, если они молятся великому, доброму богу, то при каждомъ прошеніи повторяютъ: „Кугу юмо, или поро кугу юмо“, т. е. боже великій, или боже великій добрый; если же молятся великому богу вселенной „тўня кугу юмолан“, тогда приговариваютъ; тўня кугу юмо т. е. боже великій (создатель) вселенной, и т. д.

¹⁾ Йод - йынг—чужой человѣкъ, или странникъ; шым-йод пуйршо старинное черемисское выраженіе—значить предопредѣлитель будущей судьбы семи странъ свѣта. Изъ семи странъ свѣта богъ посылаетъ или жениха для невѣсты, или невѣсту для жениха, такъ какъ онъ предопредѣляетъ будущую судьбу ихъ еще при зачатіи или рожденіи ихъ.

Вотъ для примѣра одна молитва, записанная со словъ одного почтеннаго, хорошо знающаго черемисскіе обряды, крещенаго черемисина. Эта молитва обращена къ великому доброму богу, но прошенія какъ этому богу, такъ и прочимъ вездѣ одинаковы.

Тычмаш киндом пыштэна кугу юмолан. Тычмаш шарбам (пура коркам) тэмена, кугу юмолан кугу ши сортам чуктэна, тычмаш¹⁾ ѓмбачын йодына: тазалыком, йеш перкем, волик перкем, киндо перкем, йешлан тннысьлыком, шулыком тазалыком поро кугу Юмо гычен¹⁾ йодына, — юмо нэмнан сорбальмынам колыштон, ме йодмына перкем пужо ыле.

Ындэ тыдэ тычмаш ѓмбачын нуршерышко воликом луектон колтэна; вара воликлан тазалыком, тннысьлыком поро кугу юмо пу. Воликом кочкышожом йѓшыжым, поро кугу юмо, ашыком (віаным) иштэ.

Воликом нур шерышко колтыменгэ, осал мардэжъ-гычен, кельго корэм гычен, кельгы лавра гычен, осал шинча и осал йылмы гычен, локтоза тушман гычен, тѓрлю канисыр гычен. пирры гычен, маска гычен и тѓрлю тѓрлю кѓчан (осал) кайк гычен, кугу юмо, арало-сакло.

Поро кугу юмо! исыржым тѓжым иштэ, кангажым коям иштэ, нуршеремжым кумдам иштэ, чыла тѓрлю воликом тѓл вуяным иштэ; поро ку-

Великому богу предлагаемъ непочатой (цѣлый) хлѣбъ. Наливаемъ полный ковшъ пива, зажигаемъ большую серебряную свѣчу великому богу, съ полными предложеніями просимъ отъ великаго добраго бога, здоровья, прибыли семейства, прибыли скота, прибыли хлѣба, семейству согласія и здоровья, чтобы, услышавши наши молитвы, нами просимую прибыль далъ намъ богъ.

Вотъ съ этими полными предложеніями, скотину выпускаемъ на волю въ поле; добрый великій боже, дай скотинѣ здоровье и спокойствіе. Боже великій и добрый! пищу и питье скотинѣ сдѣлай питательными.

Когда мы выпустимъ скотину на волю, великій боже сохрани ее отъ вредныхъ вѣтровъ, отъ глубокихъ овраговъ, отъ глубокой грязи—тины, отъ худаго глаза и языка, отъ портящаго колдуна, отъ всѣхъ нарушителей спокойствія, отъ волковъ, отъ медвѣдей и отъ всякихъ хищныхъ звѣрей.

Боже великій добрый! безплодный скотъ сдѣлай плодовитымъ, тощій сдѣлай жирнымъ, пастбища имъ сдѣлай привольными, всякій скотъ расплоди. Боже великій, доб-

¹⁾ Тычмаш ѓмбачын съ полными предложеніями т. е. непочатыми хлѣбами и полно налитыми ковшами пива просимъ...

гу юмо! чыла тўрлю волик гычен нэм-
нам йыбыртыктэ.

Шошым паша шуменгы, пасушкы
лэктэн пашам ишташ тўнгалменгына,
куралын ик пырчын ўдышна, кугу
юмо, вожшым лопкам иштэ, кыдал-
жым пэнгыдем иштэ, мучашыжом ши
полтош гая тугом иштэ. Тыдэ ўдымо
киндылан, кугу юмо, лева юром пу,
юд умыром пу, йўшто-гычен арало,
йўшто шолэм-гычен аралы, талы мар-
дэж-гычен аралы, и Шокшы-гычен,
кугу юмо, саклы-аралы.

Поро кугу юмо! ындэ тыдэм кюк-
тэн шуктыменгет, куда йеш дэнэ кан-
гашен пасу ўмбака мiэн-шогалын сор-
лам кучен тўредаш шогалменгына:
кормыжешат перкем пу, кылташтат
перкем пу, кылта тўшкашат перкем
пу, копнашат перкем пу, копна гы-
чен орвалкы опташ тўнгалмына го-
домат, поро кугу юмо, перкем пу;
нур пусак йыдэ опташат, поро кугу
юмо, перкем пу; идым кўргы кабанэ-
шат, поро кугу юмо, перкем пу, ка-
бан-гычен рончен шарымашешат, са-
понды коклашат и мардэж коклашат,
поро кугу юмо, перкем пу, кышылэ-
шат, поро кугу юмо, перкем пу, Юл
ошма гая куэн чумырмо кинды кы-
шылэш перкем пу.

Поро кугу юмо! чыла атэ шўре-
шат киндэ перкем пу. Тыдэ киндэм

рый! всякою скотиною обрадуй насъ!

Когда, по наступленіи времени весенней
работы, мы, вышедши на поле работать,
распахавши посѣемъ по зернышку, боже
великій, корни ихъ ты сдѣлай широкими,
стебли крѣпкими, вершины (колосья) ихъ
подобно серебрянымъ пуговицамъ сдѣлай
полными. Боже великій! этому посѣянному
хлѣбу дай теплые дожди, ночную тиши-
ну, сохрани отъ холода и отъ холодныхъ
градовъ, сохраняй отъ сильныхъ вѣтровъ
(бурь), сохраняй и отъ жаровъ, великій
боже.

Великій и добрый боже! Когда ты это
возрастишь, а мы, посовѣтовавшись съ се-
мействомъ, придемъ на поле, и взявши
серпы станемъ жать; дай прибыль и въ
горстахъ, и въ снопахъ дай прибыль, и
въ кучкахъ сноповъ дай прибыль, и въ
копнахъ дай прибыль; когда снопы бу-
демъ скидывать изъ копны въ телѣгу,
боже великій и добрый, и тогда дай при-
быль. Добрый и великій боже, когда на
полѣ во всѣхъ краяхъ будемъ ставить
клады, дай прибыль; добрый и великій
боже, и въ поставленныхъ на гумнѣ кла-
дахъ дай прибыль; при раскладкѣ изъ
кладей и стелькѣ (на токѣ), подъ цѣпами
и въ вѣтрѣ (при вѣяніи) дай прибыль,
боже великій и добрый, въ ворохѣ зеренъ
дай прибыль, подобно волжскимъ пескамъ
пригрести дай прибыль хлѣба.

Боже великій и добрый! во всѣхъ по-
судахъ дай прибыль хлѣба. Когда, этотъ

кюктэн, шужен толшым тэмен колтэн, йодын толшылан пуэн колтэн, ик ужакшым ончыкы пыштэн, кок ужакшым шенгеке пыштэн, кугижалан пушашлыком төрлэн, родо-шамыч дэнэ и шымлу шым тангдэнат кочкон йфн туганыдэмо киндэ перкем пу. Поро кугу юмо! киндэ перке-чычен нэмам йыбыртыкто.

Поро кугу юмо! Тый гычет мюкш перкем йодына. Тый мюкшын шулдыржом пешкыдом иштэ. Эр лубышлан чонгөштэн мэн сай саскалан, поро кугу юмо, ваш иштэ; сурт куда печышна омартам шогалтэна, сурт кудапечешна, поро кугу юмо, мюкш перкем пу, сай саска гычен мюкшлан мю перкем пу. Кожлашко (чодрашко) кочайн кугэзе кочайн тыстэ корношко лэктэн кайменгы, чфнкше кайк гая төрген кюзен, сурыр гая карашшамычом пörдыктэн налын, кашка йыдэ канэн—канэн нумал толаш, мюкшлан мю перкем пу.

Тушечын ныт пусакан суртошко толон-пурымангы, ик ужакшым ончыко пыштэн, кок ужакшыжом шенгелько пыштэн, ик ужакшыжо дэнэ шыштожым пунчалын, шыштожы дэнэ тэмдан гая поро кугу юмолан, ши сортам пфтырэн, тэмдан гая кугу юмом удолон, тудо гычен кодшожы дэнэ кугижалан пушашым төрлэн, адак

хлбб испекши, голодными приходящихъ накормивши отпустимъ, просить приходящимъ давъ отпустимъ, и одну часть впередъ положимъ, двѣ части назадъ (въ запасъ) положимъ и царю слѣдующее уплатимъ: съ родственниками и съ семьдесятъ семью друзьями ѣсть и пить неистощимую прибыль хлбба дай. Боже великій и добрый, прибылью хлбба обрадуй насъ.

Боже великій и добрый! просимъ у тебя прибыль пчеламъ. Крылья у пчелъ ты сдѣлай крѣпкими. Боже великій и добрый! къ утреннимъ росамъ летающимъ пчеламъ приведи встрѣтиться съ хорошими плодами. Когда въ домѣ на своемъ дворѣ поставимъ мы ульи, боже великій и добрый, въ домѣ во дворѣ нашемъ дай прибыль пчеламъ, а пчеламъ отъ хорошихъ плодовъ дай прибыль въ меду. Когда мы, вышедши въ лѣсъ, (идемъ) къ сдѣланнымъ дѣдами и прадѣдами мѣткамъ (т. е. бортямъ), какъ дятель скача влѣзши, подобно караваю хлбба сотовъ скативъ взявши, на каждомъ пенекѣ отдыхая принести бы,—дай пчеламъ прибыль меда.

Оттуда въ четырехугольный домъ возвратившись, одну часть впередъ положивши, двѣ части назадъ положивши, и одну часть сотовъ выжавши, подобнымъ вамъ великимъ добрымъ богамъ восковую серебряную свѣчу сдѣлавши, и подобнымъ вамъ великимъ богамъ помолившись, отъ того оставшимся царю слѣдующее уплативши, еще и отъ того оставшимся съ родствен-

вара тудо-гычен кодшыжо дэнэ рода шамыч дэнэ, шымлу шым тангдэнат кочкын йѳн тѳгандэмо мю казна перкем пу. Поро кугу юмо! Мюкш перке гычен, мю перке гычат мэмнам йыбыртэкто.

Поро кугу юмо! пасушко лэктон каймо годом, нур кюдѳрэт уло, нур мизет уло, чыла тѳрлю моло кайкетат уло: тудом ваш иштэ; поро кугу юмо, кайк бузсы перке-гычен нэмнам йыбыртэкто.

Поро кугу юмо! Кожлашко пикш йонгежом ѳшталын лэкменгы, казанга¹⁾ рыбыжет уло, казанга губар шурмангшет²⁾ уло, казанга луйет, казанга мерангет уло, казанга йѳсет уло, и чыла моло тѳрлю казанга кайкетшамыч уло; ындэ тудо чыла тѳрлю-тѳрлю кайк перкем, поро кугу юмо, мэланна ваш кондо, чыла тѳрлю кайк перке гычен мэмнам йыбыртэкто.

Поро кугу юмо! вюд воктэн коштмо годом, вюд колэт уло, вюд комат уло, вюд шашкет уло, вюд ѳшкыжет, вюд кюзанэт уло; вюд кол перке дэнэ и чыла тѳрлю вюд кайк перкеэт дэнат кугу юмо мэмнам йыбыртэкто.

никами и съ семьдесятю семью друзьями въ ѳдѣ и питьѣ неистощимую прибыль дай въ меду. Боже великій и добрый! прибылью пчелъ и прибылью меда обрадуй насъ.

Боже великій и добрый! когда выходимъ на поле, тамъ есть у тебя глухари, тамъ есть у тебя рябчики, тамъ есть у тебя разныхъ породъ птицы, съ ними встрѣтиться приведи; боже великій и добрый, прибылью птицъ обрадуй насъ.

Боже великій и добрый! когда, опоясавшись лукомъ со стрѣлами, мы выйдемъ въ ельникъ (лѣсъ); тамъ есть у тебя лисицы, пестрые шурмангешы есть тамъ, есть тамъ у тебя бѣлки, тамъ есть у тебя куницы, тамъ есть у тебя зайцы, тамъ есть у тебя горностаи, тамъ есть у тебя всякихъ разныхъ-разныхъ породъ звѣри; боже великій и добрый, съ сими всѣми разными звѣрями приведи намъ встрѣтиться, прибылью всѣхъ породъ звѣрей обрадуй насъ.

Боже великій и добрый! когда ходимъ у берега воды, тамъ есть у тебя въ водѣ живущія рыбы, въ водѣ живущіе бобры, въ водѣ живущіе шашки, въ водѣ живущіе водяные быки, есть въ водѣ живущіе хорьки; боже великій, прибылью рыбы и прибылью всѣхъ звѣрей живущихъ въ водѣ обрадуй насъ.

¹⁾ Слово „казанга“ черемисы и сами не понимаютъ.

²⁾ Что за птица шурмангша, не могутъ объяснить и сами черемисы; поэтому и по русски оставлено „шурмангша“.

Поро кугу юмо! Кюшычен чонгеш-тэн коштышы чыла тўрлю-тўрлю кайкет, лудэт уло, йуксет комбет уло; тудэ кайк перкем мэланна ваш иштэн-кондо; поро кугу юмо, кайк перкегычен нэмнам йыбыртэкто.

Поро кугу юмо! Тудо чыла тўрлю кайк сатум кугижан пазарышко оптэн лэкменгы, поро кугу юмо, кычкымэ имни шамычлан тазалыком пу, сату дэнэ кошташ шкаланэмат тазалыком пу. Тудо сатум сай ужалаш шкаланэмат уш-акылым пу, тудэ оптэмо сатулан перкем пу. Тўрлю-тўрлю канысыр-гычен саклы—арало, суаскоштан-гычен саклы-арало, руш коштан гыченат арало-саклы. Тудэ сату дэнэ кугижан пазарышко мiэн шогалменгына, тудо оптомо ужалашлык сатум шергештары, налшашлыком шулдэштары. Поян сай купецъ шамыч дэнэ, юмо, ваш иштэ, купецъ дэнэ ваш лин, сай лыбыргё йылмы дэнэ ойлэн, ужалашлык шергештарэ, налшашлык шулдэштаро.

Тудо сатум ужалыменгы, кугижан купецъ дэнэ амiонъ дэнэ лудон налын пытарыдэмо ши пундо казна перкем пу. Поро кугу юмо, ши пундо казнагычен йыбыртэкто мемпам.

Тудэ сатум ужалэн, тудэ казна дэнэ ныль пусакан суртэшко пёртөлэн толменгы, тудэ казна дэнэ кугижалан пушаш палшашым чыла тўрлатэн,

Боже великiй и добрый! у тебя есть въ высотѣ летающiя всякихъ породъ дикiя птицы, утки, дикiе гуси и лебеди; приведи намъ встрѣтиться съ этою прибылью птицъ; боже великiй и добрый, прибылью птицъ обрадуй насъ.

Боже великiй и добрый! когда, всякихъ разныхъ породъ звѣрей и птицъ для продажи товаръ наклавши, выѣзжаемъ въ дорогу на царскiй базаръ, боже великiй и добрый, запряженнымъ лошадямъ дай здоровья, и самому съѣздить съ товарами дай здоровья, распродать тѣ товары хорошо дай мнѣ ума-разума; накладеннымъ тѣмъ товарамъ дай прибыль. Сохрани отъ всякихъ непрiятностей, сохрани отъ татарскихъ коштановъ, сохрани и отъ русскихъ коштановъ. Когда съ тѣми товарами прiѣдемъ на царскiй базаръ, для продажи накладенные товары сдѣлай дорогими, а которые нужно купить, тѣ сдѣлай дешевыми. Съ богатыми честными купцами встрѣтиться приведи, боже, а встрѣтившись съ купцами, поговоривъ ласково, продажные товары сдѣлай дорогими, а что нужно купить, то сдѣлай дешевымъ.

Когда, продавши тѣ товары, съ царскаго купца милiонъ сосчитавши получимъ, неисчислимую прибыль серебряной казны дай. Боже великiй и добрый, обрадуй насъ прибылью серебра и денегъ.

Распродавши тѣ товары, съ вырученными деньгами въ четырехугольный домъ возвратившись, тѣми деньгами царю слѣдующее уплативши, а потомъ отъ того остав-

варажи тудлечын кодшыжо дэнэ родо-
шамыч дэнэ, шымлу-шым танг дэнэ
кочкин йѣн тѣгандэмо ши пундо каз-
на перкем пу. Поро кугу юмо, ши
пундо казна перке гычен мэмнам
йыбыртэкто.

Поро кугу юмо! Шке пылпомыш
тѣтѣратом (лубшетом) ѣлыкѣ волто,
мландо тѣтѣрам кюшко кюзыка; кок
тѣтѣра коклаш, поро кугу юмо, ѣдэ-
мо киндылан перкем пу, умыр мардэ-
жым, тннысьлыком пу, чыла кум
тѣрлю волик перкем пу, тѣль вульным
иштэ, воликлан тннысьлыком тазалы-
ком пу, куда—йеш перкем пу. куда
йешлан тннысьлыком пу, шокша-гы-
чен (тул-гычен) вюд гычат аралы.

Поро кугу юмо! Ындэ кечы гая
волгалтон, тѣлзэ гая нѣлталалтон,
тэнгыж тэмын-шычма гая чыла тѣр-
лю-тѣрлю киндэ перке гычен, йеш
перке гычен, волик перке гычен, ши
пунда казна перке гычен, тѣрлю-
тѣрлю кайк перке гычат, поро кугу
юмо, нэмнам йыбыртэкто.

Варасенга гая вачмалтэн, порсын
гая ѣмырым—курум шуэн, ото гая
койшланэн, курук гая куанэн иляш
полшо.

Мэ ырвеза-да ырвеза шыгш йымал
калык улна; мэ ала шенгелан каласы-
шашлыкшом ончылан каласышна, он-

шимся съ родственниками и съ семьдесятъ
семью друзьями ѣсть пить не истощимую
прибыль серебра и денегъ дай. Боже ве-
ликій и добрый, обрадуй насъ прибылью
серебряной казны.

Боже великій и добрый! небесный твой
туманъ (росу) ниспосли, а земной туманъ
вознеси на небо; боже великій и добрый,
посрединѣ двухъ тумановъ посѣянному хлѣ-
бу дай прибыль, пошли тихій вѣтеръ, по-
дай миръ; во всѣхъ трехъ сортахъ скоти-
ны (т. е. лошадей, коровъ и овецъ) дай
прибыль, сдѣлай ихъ плодовитыми, скотамъ
дай миръ и здоровье; дай прибыль семей-
ства, семейству дай миръ и здоровье; со-
храни отъ огня (пожара) и отъ воды (по-
топлениа).

Боже великій и добрый! итакъ теперь
какъ солнце свѣтится, какъ мѣсяцъ вос-
ходитъ, какъ море наполнившись полное
стоитъ: подобно тому прибылью всѣхъ по-
родъ хлѣба, прибылью семейства, прибылью
скота, прибылью серебра - казны, всякою
прибылью, боже великій и добрый, обра-
дуй насъ.

Какъ ласточка щебеча, какъ шелкъ
жизнь растягивая, подобно рошѣ играя и
подобно горамъ радуясь жить помогай.

Мы молоды, даже молодежь подъ-дым-
ная. Можетъ быть, что нужно было ска-
зать впереди, то мы сказали назади, а что

чылан каласышашлыкшом шенгелан
каласышна; упи-акылом пу, тазалыком,
ласкалыком, тнысыыком пу.

Сай иляш полшы, мэмнам сай ара-
лэн ашны, курумнам-ўмырнам кужум
иштэ.

Юмо серлагы, иляш йѳным пу.

нужно было сказать назади, то сказали
впереди: дай ума-разума, вѣжливость, здо-
ровье, миръ.

Помогай жить хорошо, храни насъ въ
благополучіи, жизнь нашу сдѣлай долго-
лѣтней.

Боже помилуй, жить дай удобство.

Эта же молитва говорится и при жертвоприношеніяхъ другимъ богамъ, при чемъ
измѣняется только имя бога. Встрѣчаются изложенія этой молитвы или нѣсколько про-
страннѣе, или нѣсколько короче; но эти разности нисколько не измѣняютъ сущности, со-
держанія молитвы. Разница зависитъ отъ личности карта, читающаго молитву: памятли-
вый не опуститъ ни одного слова, безпамятный иное и забудетъ; сообразительный можетъ
вставить кое гдѣ и свои собственныя мысли.

Краткія молитвы при каждомъ праздникѣ, различныя причитанія и приговоры, при-
личные случаю, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

О лицахъ и мѣстахъ моленій.

При каждой черемисской деревнѣ для жертвоприношенія богамъ есть особыя мѣста —
или на открытомъ полѣ кучка деревьевъ, или въ лѣсу отдѣльный участокъ. Мѣста эти
называются почеремисски „юмо-ото“ божій островъ, или роща. Такія рощи при черемис-
скихъ деревняхъ бываютъ или для всей деревни мер-ото — общественныя рощи, или особыя
для одного рода насыл-ото, тукм-ото — родовая роща. При большихъ черемисскихъ дерев-
няхъ бываетъ такихъ рощъ нѣсколько: на примѣръ, вокругъ д. Уньжи четыре рощи, посвя-
щенныя богамъ, изъ которыхъ одна общественная, — мэр-ото. Въ эту рощу собираются изъ
всѣхъ, принадлежащихъ къ деревнѣ починковъ; иногда съѣзжаются сюда даже и изъ окрест-
ныхъ деревень Уржумскаго и Мамадышскаго уѣздовъ; остальные три рощи для частныхъ
жертвоприношеній, и туда ходятъ только изъ одного семейства, или рода, какъ ходили ихъ
дѣды и прадѣды; вслѣдствіе чего рощи эти и называются родовыми. Рощи эти состоятъ изъ
старинныхъ деревьевъ: липъ, березъ и проч.; держатъ ихъ въ чистотѣ, нѣкоторыя рощи
огорожены праслами; лѣсъ изъ нихъ не берутъ ни на дрова, ни на постройки, развѣ
только иногда валежникъ для жертвоприношеній, или загороди этихъ же рощъ. Жертвопри-

ношенія животныхъ всегда дѣлаются въ рощѣ; только въ праздникъ агапайрамъ, предъ началомъ полевыхъ работъ, моленіе во всѣхъ деревняхъ совершается на открытомъ полѣ, такъ какъ и приношенія тогда бываютъ лишь изъ хлѣба, блиновъ, ватрушекъ и пива.

При черемисскихъ деревняхъ находятся еще подобныя же рощи для жертво-приношенія не богамъ, а кереметямъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ той рощѣ, въ которой черемисы молятся богамъ, молиться керемету считаютъ за грѣхъ, и во время жертвоприношеній богамъ никогда не упоминаютъ даже имени керемета. Жертвоприношеніе кереметямъ дѣлаютъ всегда въ отдѣльной рощѣ, или укрытомъ мѣстечкѣ.

И горно-козмодемьянскіе черемисы назадъ тому годовъ 20 поступали также: были и у нихъ отдѣльныя рощи и мѣстечки.

У луговыхъ черемисъ здѣшней мѣстности для приношенія жертвы выбираются отдѣльныя лица изъ почтенныхъ, краснорѣчивыхъ стариковъ, которые исправляютъ обязанность жреца, и называются картами. Карт слово татарское, и значить старикъ. При большихъ моленіяхъ ихъ бываетъ много: при каждомъ кострѣ по одному карту и помощнику, котораго называютъ: *ѹссѳ*. *ѹссѳ*, помощникъ карта, обязанъ рѣзать скотину и заниматься работами по приготовленію жертвы и кушанья. Обязанность же карта будетъ описана подробно въ своемъ мѣстѣ. Картами бываютъ не всегда одни и тѣ же лица, но на общественныхъ мольбищахъ берутъ на себя обязанности карта, по выбору общества, а при семейныхъ моленіяхъ по приглашенію домохозяина, разныя лица. Въ карты приглашаются безъ различія крещеные и язычники: иногда бываетъ у крещенаго черемисина картъ язычникъ, и на оборотъ у язычника крещеный. Картовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ мужанами и юзами т. е. ворожецами и наговорщиками: карты бываютъ по своему обряду набожные и религіозные старики, и имѣютъ въ обществѣ почетъ. Ворожеи и знающіе разные наговоры—самые низкіе и обществомъ презрѣнные люди: къ нимъ обращаются только по нуждѣ, при какихъ либо болѣзняхъ, за неимѣніемъ прибѣжища для излѣченія. О дѣятельности ихъ также будетъ сказано въ описаніи моленія кереметямъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О черемисскихъ праздникахъ, или моленьяхъ.

Праздники черемисскіе имѣютъ различный характеръ. Они бываютъ: а) окружные или случайные; б) мѣстные отъ одной общины, совершаемые или всѣмъ міромъ, или одновременно въ каждомъ семействѣ особо, и в) семейные, совершаемые въ одномъ только домѣ по какому нибудь случаю въ семейной жизни.

а) Окружныя моленья. Окружныя моленья бывают не ежегодно и не чрезъ определенный промежутокъ времени, а случайно по поводу какихъ либо необыкновенныхъ несчастій, какъ то: мороваго повѣтрія, падежа скота, войны и подобныхъ событій. Обыкновенно при началѣ такого несчастія въ какой либо большой черемисской общинѣ отыскивается изъ стариковъ сновидецъ, получившій во снѣ какое либо откровеніе. Созвавъ стариковъ своей общины, онъ заявляетъ, что получилъ во снѣ откровеніе или повелѣніе, чтобы для пресѣченія наступившаго несчастія черемиса собрались и принесли такимъ-то и такимъ-то богамъ такіа-то жертвы. Старики обсуждаютъ это заявленіе, составляютъ смѣту расхода, дѣлаютъ раскладку расходовъ по деревнямъ и по домамъ, назначаютъ время моленія, и затѣмъ посылаютъ въ намѣченные мѣстности пословъ для приглашенія на предназначенное моленье. Вѣсть о назначеніи такого мольбища разносится очень скоро. Отъ участія въ мольбищѣ и отъ соединенныхъ съ нимъ расходовъ никто не отказывается: у кого въ назначенное время не случится денегъ на жертвоприношеніе, тотъ остается должнымъ, и всегда свято уплачиваетъ этотъ долгъ. На такое мольбище собираются только взрослые мужчины; молодежь и ребята не участвуютъ, и только развѣ близко живущіе приходятъ посмотреть. Для совершенія такого общаго мольбища не всякая юмо-ото можетъ быть назначена. При нѣкоторыхъ, не многихъ впрочемъ деревняхъ, есть мэр-ото мірскія роши, пользующіяся особеннымъ уваженіемъ у черемисъ, даже очень отдаленныхъ. Изъ этихъ рощъ нѣмнѣ известны въ деревняхъ: Уньжѣ и Варангушахъ Царевококшайскаго уѣзда и въ деревнѣ Кюпрянѣ (Торэш-кюварѣ) Уржумскаго уѣзда, въ Сернурскомъ приходѣ. Можетъ быть, гдѣ вдали есть и еще такіа уважаемыя роши. Одну изъ такихъ общезвѣстныхъ черемисамъ рощъ и выбираютъ для этого необычайнаго мольбища. Какъ пріобрѣтаютъ, какъ выбираютъ животныхъ для этого моленья, съ какими обрядами закаляютъ и ѣдятъ, будетъ рассказано при описаніи праздника „скюрема“: пріемы и обряды всегда одни и тѣже.

б) Общинныя моленья: пасха, агапайрам, скюрэм, осеннее моленіе по снятіи новаго хлѣба, и ежегодные поминки покойниковъ. Изъ этихъ праздниковъ агапайрам совершается на полѣ всей общиной, а скюрэм—жертвоприношеніе въ рощѣ, моленіе при скачѣхъ на полѣ; по домамъ же въ эти праздники, какъ продолженіе ихъ, бываетъ только попойка и взаимное угощеніе. Остальные праздники, пасха, осенній и поминки, хотя исправляются одновременно и каждымъ семействомъ, но въ каждомъ домѣ особо.¹

в) Частные обряды и обычаи, исправляемые только въ одномъ семействѣ, вызываются важнѣйшими событіями человѣческой жизни. Эти событія: рожденіе новаго члена семейства, бракъ, болѣзнь и смерть кого либо въ семействѣ.

Каждый изъ этихъ праздниковъ, какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ, имѣетъ много своихъ особенныхъ обрядовъ; потому каждый будетъ описанъ особо, и въ особой главѣ.

П а с х а.

Луговые Черемиса Казанской и Вятской губерніи проводятъ Святую Пасху одинаково; отличія въ иныхъ мѣстностяхъ незначительныя. Въ своемъ разсказѣ я беру для образца дер. У. Царевококшайскаго уѣзда, гдѣ я самъ бывалъ очевидцемъ того, какъ они проводятъ этотъ праздникъ. Черемиса и сами сознаются, что въ день свѣтлаго Воскресенія Христова въ прежнее время въ церковь ходили очень мало, и то не для исполненія долга христіанскаго, а только изъ любопытства—посмотрѣть торжество христіанскаго праздника. Нынѣ же, хотя они еще не совсѣмъ оставили свои языческіе обряды, но начинаютъ ходить въ церковь болѣе, и число молящихся въ церкви черемисъ ежегодно увеличивается.

Языческій же обрядъ въ самый день Пасхи таковъ.

Утромъ этого дня черемиса парятся въ банѣ, надѣваютъ бѣлыя, чистыя рубашки и до часа, или до двухъ часовъ ничего не пьютъ и не ѣдятъ. Въ этотъ день пекутъ блины, пирожки, лепешки и готовятъ сырцы, или тварожники. Когда эти кушанья будутъ готовы, то около 1-го или 2-го часа пополудни собираются сосѣди—мужчины въ одинъ домъ изъ двѣнадцати, или четырнадцати домовъ т. е. изъ одного околodka, или изъ одного поколѣнія собираются въ одинъ домъ какъ заведено, кому съ кѣмъ вмѣстѣ молиться. Ставятъ восковую свѣчу предъ святыми иконами и одну свѣчу ставятъ на край лянгуса съ пивомъ; если же моленіе совершается у некрещенаго черемисина, то предъ иконами свѣчи не бываетъ, такъ какъ ихъ нѣтъ, а только на краю лянгуса. За тѣмъ каждый изъ участвующихъ въ моленіи лицъ надѣваетъ шапку, такъ какъ безъ шапки никто не встаетъ для приношенія жертвъ; жертвы же на Пасхѣ бываютъ изъ вышеописанныхъ кушаній. Прежде всего выбираютъ изъ своей среды двоихъ картовъ—старшаго и младшаго; потомъ каждый картъ*) и домохозяинъ берутъ въ руки блинъ, ковшъ пива и начинаютъ молиться благоговѣйно съ колѣнопреклоненіемъ, только безъ крестнаго знаменія, произнося молитву вслухъ, отъ чего составляетъ значительный шумъ. Содержаніе молитвъ помѣщено выше при исчисленіи боговъ. Помолившись, они одинъ за другимъ подходятъ къ печкѣ, которую предъ этимъ моленіемъ нарочно затопляютъ, льютъ въ огонь изъ ковша по немногу пива, и отламывая по немногу съ края блина или хлѣба, тоже бросаютъ въ огонь жертвы, и приговариваютъ такъ:

*Юмон виднѣзе налын мѣн вик-
тарэн шуктэн пужо.*

Пусть божій докладчикъ взявши, пошедши, (что неладно) поправивши передастъ.

*) На Пасхѣ нарочитаго карты у нихъ не бываетъ, въ каждомъ домѣ карты мѣняются.

Тул водожь, тыйнат шигшет кужу, йылмет писэ; төрсыром төрлатэн, налын мiэн виктарэн шуктэн пу.

Горно-Козмодемьянскіе черемисы говорили такъ:

Тул ава, тынь тулмаула, төрсыржым төрлө, ирсыржымат ирыкта, налын мiэн шоктэн пу.

Огненный духъ, твой дымъ длинный и языкъ твой острый; что неправильно поправивши, унесши поправленное передай.

Мать огня, ты пересказывай, что неладно то поправь, и что не чисто: то очисти, унесши представивши передай.

Затѣмъ опять встаютъ передъ столомъ и снова молятся только короче, а по окончаніи этой молитвы, въ ковшѣ оставшееся пиво выпиваютъ до дна и, отломивъ кусочекъ блина, ѣдятъ. Потомъ встаютъ въ другой разъ молиться, но только другимъ богамъ. Моленье у нихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всѣхъ боговъ своихъ. Въ первый разъ поминаютъ имена высшихъ боговъ, а въ другой разъ и третій разъ имена низшихъ боговъ. Перебравши имена всѣхъ боговъ, перестаютъ молиться. По окончаніи молитвы всѣмъ богамъ, старшій и младшій карты встаютъ за столомъ, а прочіе черемисы встаютъ за столомъ-же по сторонамъ ихъ. Затѣмъ старшій и младшій карты наливаютъ въ ковши пива, а хозяйнъ и хозяйка встаютъ на колѣни. Въ это время старшій картъ молится великому богу, а младшій картъ богу пасхи; въ молитвѣ же своей говорятъ они тѣже самыя слова. Окончивъ молитву льютъ изъ ковшей пиво въ лянгусъ, а потомъ говорятъ благословеніе хозяйину и хозяйкѣ въ такихъ словахъ:

Поро кугу юмо, кугэче кугу юмо, кугу пуйршо пужо тэланда йеш перкем, тазалыком, тнысьлыком шулыком¹⁾, волик перкем, и чыла тўрлю тўрлю перкем пужо. Киндо шочын аба перкем сабырэн кондыжо Юл ўмбачын, чыла мландо-гычен, тэнгыз ўмбачын; чыла мландо умбалносы перке тэмдан кидэшда лиже, поян лиза, индэкш эрган шым ўдыран лиза, воликда пеш шуко лиже, суртда поян

Великій добрый богъ, великій богъ пасхи, великій предопредѣлитель судьбы да дастъ вамъ прибыль семейства, здоровье, миръ, прибыль скота и всякую прибыль да подастъ; мать прибыли, мать урожая хлѣба да приведетъ вамъ прибыль изъ за Волги, изъ за горныхъ странъ, изъ за моря; со всѣхъ странъ земли да будетъ въ рукахъ вашихъ прибыль, будьте богаты, будьте имѣющими девять сыновей, и семь дочерей, скотъ вашъ да умножится, домъ

¹⁾ „Шулык“ по горно-Козмодемьянскому значитъ здоровье; луговые д. Уньжи черемисы слово „шулык“ употребляютъ только въ молитвѣ.

лиже, оралтыда шуко лиже, чыла тўрлю перке-гычен юмо тэндам йыбыртактоже. Кужу куруман лиза, сур вуян, сур пондашан лимешкыда илэза.

вашъ да будетъ богатъ, строеній у васъ да будетъ много, да обрадуетъ васъ богъ всякою прибылью. Будьте долголѣтнн и живите до тѣхъ поръ, пока не будете сѣдоголовыми и сѣдобородными.

Потомъ все стоящіе вокругъ стола говорятъ:

Сай поро шулук дэне тазан илэза, кугэчы кугу юмо тэланда перкем пужо, поян лиза, воликда тўль-вуян лиже, шке икшыбыда шке кидэпда лиштэ, оралтода шуко лиже.

Живите благополучно въ добромъ здоровьи, да дастъ вамъ великій богъ пасхи прибыль, будьте богаты, скотъ вашъ да умножится, и дѣти ваши да будутъ въ рукахъ вашихъ, построекъ у васъ да будетъ много.

Хозяинъ и хозяйка, слушая ихъ благожеланія, отвѣчаютъ на каждый оборотъ рѣчи: „амен, амен, лиже ыле“ т. е. аминь, аминь, было бы такъ. Послѣ сихъ словъ, старшій и младшій карты, ковши пива, надъ которыми говорили благожеланіе, подаютъ хозяину и хозяйкѣ, а они, стоя на колѣняхъ, выпиваютъ до дна; затѣмъ вставши показываютъ всеѣмъ ковши для того, чтобы все гости выпивали до дна подобно имъ, и говорятъ:

Мэ корка пундашко шумешко йѣмына гаяк, тэат корка пундашко шумешко йѣза.

Какъ мы до дна выпили, также и вы выпивайте до дна.

Потомъ хозяйка наливаютъ въ ковши пива и подаютъ, мужъ старшему, а жена младшему картамъ, а сами встаютъ на колѣни; карты же, отвѣдавъ пива изъ ковша, отдаютъ по обѣимъ сторонамъ, чрезъ человека, а тѣ тоже отвѣдавъ не много, даютъ тѣмъ, чрезъ которыхъ дали карты, и эти, только по немножку отвѣдавъ, подаютъ обратно картамъ, потомъ карты допиваютъ уже до дна; послѣ того карты даютъ еще ковши съ пивомъ хозяину и хозяйкѣ, и они на колѣняхъ опять допиваютъ до дна; затѣмъ уже карты садятся за столъ, и прочіе кругомъ на лавкахъ и на стульяхъ.

Потомъ хозяинъ, начиная отъ старшаго карта въ одну сторону, а хозяйка, начиная отъ младшаго карта въ другую сторону, подчуютъ каждого пивомъ, стоя на колѣняхъ лицомъ къ столу, пока взявшій чашку пива не выпьетъ до дна. Такимъ образомъ обносятъ всеѣхъ находящихся въ избѣ, не исключая и дѣтей. По окончаніи ряда, картамъ подносятъ вновь ковшъ пива, и карты съ прочими благодарятъ и говорятъ послѣднее

благословеніе свое кратко. Если же, по окончаніи ряда угощенія, войдетъ кто нибудь изъ дѣтей, то и ихъ не оставляютъ, а подчуютъ также вставая на колѣнки. Такимъ образомъ обходятъ всѣ двѣнадцать или четырнадцать домовъ, и въ каждомъ домѣ продѣлываютъ тоже, что и въ первомъ. Этотъ переходъ изъ дома въ домъ моленія продолжается до поздней ночи.

На другой день пасхи, въ понедѣльникъ, хозяинъ того дома, гдѣ кончилось въ первый день моленье, около полудня приглашаетъ всѣхъ къ себѣ въ домъ, подчивать въ другой разъ съ колѣнопреклоненіемъ. При входѣ въ избу, входящимъ даютъ лепешку, или ватрушку и сыръ на ней, а входящіе закусивъ немного, кладутъ ихъ на столъ. Затѣмъ хозяева подаютъ гостю ковшъ пива, а гость, принявъ въ руки, помолится и, немножко сливъ въ лянгусъ въ честь боговъ, пьетъ.

Вошедши въ избу, гости садятся и занимаются разговорами до тѣхъ поръ, пока не соберутся всѣ, а хозяева въ это время готовятъ имъ кушанья; кушанья же у нихъ бываютъ по большей части изъ лошадиного мяса. По приглашеніи садятся за столъ и закусываютъ, потомъ изъ среды себя выбираютъ двухъ картовъ и сажаютъ впередъ. Впередъ посаженные старики, ставъ картами, встаютъ за столомъ, и зажигаютъ предъ иконами и на краю лянгуса оставшіяся отъ перваго дня свѣчи. Хозяинъ съ хозяйкой наливаютъ два ковша пива и подаютъ ихъ картамъ, а сами встаютъ на колѣни. Карты же по вчерашнему говорятъ имъ свое вышеписанное благословеніе, и даютъ имъ ковши обратно долитые пивомъ; хозяева, взявши поданные картами ковши пива, стоя на колѣняхъ выпиваютъ до дна. Въ то время, когда карты говорятъ имъ благословеніе, играютъ въ пузырь (въ первый день во время моленія этого не бываетъ). Затѣмъ хозяинъ съ хозяйкою подаютъ картамъ другой разъ ковши съ пивомъ, а они, отвѣдавъ сами, подчуютъ чрезъ человѣка, а тѣ поступаютъ такъ-же, какъ было сказано выше. Потомъ хозяинъ садится на стулъ, а хозяйка начинаетъ подчивать по порядку съ колѣнопреклоненіемъ всѣхъ до одного человѣка, и свѣчи горятъ до того времени, пока не кончится рядъ угощенія съ колѣнопреклоненіемъ; по окончаніи ряда свѣчу гасятъ. Затѣмъ карты и прочіе присутствующіе благодарятъ хозяевъ, и говорятъ краткое благословеніе. Въ то время играютъ въ пузырь. Обрядъ этотъ называется у нихъ „ташлама корка“; корка—значитъ черемисски ковшъ, слово же ташлама ни какого значенія не имѣетъ, а почувашски „ташлама“—значитъ плясать; слѣдовательно слово ташлама вошло въ черемисскій языкъ изъ чувашскаго, а выраженіе ташлама корка значитъ ковшъ пляски.

По окончаніи ряда съ колѣнопреклоненіемъ, хозяинъ начинаетъ подчивать еще обыкновенно. Во время этого подчиванія продолжается игра въ пузырь, а сидящіе рядомъ съ пузырьщикомъ, чтобы придать звука пузырю, хлопаютъ въ ладоши и топаютъ ногами. За-

тѣмъ на средину избы вызывается пара, мужчина и женщина, изъ коихъ первый, надѣвъ шапку, подходитъ къ столу и получаетъ отъ карта ковшъ пива. Отвѣдавъ пива, онъ кланяется карту и отворотившись отъ него, приплясывая и плеща пивомъ, идетъ къ женщинѣ, которая въ то время стоитъ у дверей. Ковшъ пива даетъ ей и пополамъ выпиваютъ; потомъ взявъ порожній ковшъ, отворотаясь отъ нея, приплясывая идетъ къ карту, и отдавъ кланяется ему; затѣмъ приплясывая снова идетъ къ женщинѣ, а она въ свою очередь къ нему, и тогда уже начинается пляска. Ту руку, которою стороною подходитъ къ мужчинѣ, она протягиваетъ къ нему, а мужчина обѣ руки протягиваетъ къ ней, какъ будто хотятъ обнять другъ друга; когда расходятся, руки опускаютъ, а когда другъ къ другу приближаются, протягиваютъ. Поплясавши такимъ образомъ, оба подходятъ къ картамъ, которые во время пляски ихъ приготавливаютъ имъ два ковша пива и ставятъ ихъ на столъ. Плясавшіе, получивши ковши и держа ихъ въ рукахъ, обращаются къ пузырьщику и къ тѣмъ, которые хлопаютъ руками. Женщина приплясывая подходитъ къ пузырьщику и выпиваетъ пополамъ съ нимъ, а мужчина къ хлопающему руками, и также выпиваетъ пополамъ. Получивши ковши, плясавшіе отдаютъ ихъ картамъ, а сами встаютъ опять плясать, и пляшутъ съ тѣми же пріемами, какъ я въ первый разъ. По окончаніи пляски, женщина уходитъ на свое мѣсто, а мужчина, обратясь къ картамъ, кланяется и благодаритъ ихъ, а карты даютъ ему еще ковшъ пива.

Точно также и другихъ заставляютъ плясать по парѣ; мужчина безъ женщины не пляшетъ, а также и женщина безъ мужчины. Со своей женой, или со своимъ мужемъ также не пляшутъ. Пляшутъ они всѣ однообразно, и плясать хорошо не умѣютъ, ходятъ кругомъ по полу, только возятъ ногами. Въ праздникъ пасхи пѣсни не поютъ, только пляшутъ. Всѣ находящіеся въ избѣ ѣдятъ, пьютъ и пляшутъ въ шапкахъ, какъ есть язычники...

Когда должно идти въ другой домъ, то хозяинъ того дома приглашаетъ всѣхъ по имени. Такимъ же образомъ поступаютъ и въ слѣдующихъ домахъ. До полуночи проходятъ только нѣсколько домовъ, а остальные оставляются на другой день. Только когда обойдутъ всѣ до одного дома, оканчивается и праздникъ.²

Примѣчаніе 1. Мѣстные черемиса увѣряютъ, что обрядъ этотъ одинаково совершается черемисами въ Уржумскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ Вятской губерніи. У Козмодемьянскихъ черемисъ никогда не было обычая подчивать пивомъ съ колѣнопреклоненіемъ, кромѣ того, когда родители говорятъ благословеніе дѣтямъ. Только тогда дѣти, подавъ пиво, сами встаютъ на колѣни, и падаютъ ницъ.

Примѣчаніе 2. Черемиса прежде не только между собою, но съ русскими и съ ду-

ховными не умѣли христосоваться, и даже имени Иисуса Христа не знали; нынѣ же, вслѣдствіе различныхъ причинъ и вліяній, начинаютъ перенимать кое что и изъ русскихъ обычаевъ.

А г а - п а й р а м ъ.

Послѣ Пасхи какъ только высохнетъ земля, въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая, луговые черемисы предъ началомъ полевыхъ работъ ежегодно язычески дѣлаютъ праздникъ, который называютъ „ага-пайрамъ“. Ага по черемиски значитъ соха, или плугъ, пайрамъ—праздникъ; итакъ ага-пайрамъ значитъ по русски *праздникъ сохи*.

День этотъ назначаютъ заранѣе на сходкѣ, и ожидаютъ его какъ великаторжественный праздникъ: готовятъ къ этому дню пиво, медъ и вино. Самые бѣдные мужики покупаютъ по полуведру вина, а богатые ведра по два и болѣе. При наступленіи назначеннаго дня, чуть свѣтъ утромъ топятъ бани; вымывшись и одѣвшись въ чистое бѣлье, женщины начинаютъ стряпать: пекутъ блины, ватрушки, варятъ польмони изъ творога и красятъ яйца (на пасхѣ у нихъ крашеныхъ яицъ не бываетъ). Около полудня выходятъ въ поле, къ назначенному мѣсту, и выносятъ приготовленные—фонарь, восковыя свѣчи, изъ каждаго дома по ведру пива, а богатые медъ, блины, ватрушки, пироги и пихтовыя вѣтви для подстилки подъ пищу. Всѣ принесенныя кушанья ставятъ по порядку, затѣмъ ожидаютъ прибытія всѣхъ остальныхъ. Молодыя женщины наряжаются въ зеленые кафтаны изъ тонкаго сукна, надѣваютъ на головы красныя шапки, опоясываются красными кушаками, обуваются въ черныя онучи, края которыхъ бывають обшиты красными нитками и бисеромъ. Мужики въ бѣлыхъ кафтанахъ подпоясаны красными кушаками. Запасаются яйцами и деньгами для игры въ орлянку. Некрещеныя молодыя женщины, вмѣсто красныхъ шапокъ, ставятъ на головѣ такъ называемую шурку. Шурка бываетъ вышиною полторы четверти, подобна плоской дощечкѣ и обвѣшана стариннымъ серебромъ.

Когда со всѣхъ сторонъ соберутся всѣ, тогда старики назначаютъ изъ своей среды двоихъ мужиковъ картами, и готовятъ къ жертвоприношенію. Ставятъ по порядку палки, вѣшаютъ фонари съ поставленными въ нихъ восковыми свѣчами, а для сожженія принесенной жертвы разводятъ костеръ. Затѣмъ ставятъ по порядку ковши налитые пивомъ и медомъ, блины, ватрушки и пироги, и отламывая съ края крошечками, кладутъ въ ковши съ пивомъ. Предъ приготовленными жертвами всѣ встають рядомъ, лицомъ къ востоку; молятся сперва въ шапкахъ, а потомъ всѣ снимають шапки, и встають на колѣни; поклонившись въ землю, встають и надѣваютъ шапки; потомъ молятся опять въ шапкахъ. Молитва говорится общая, записанная на стран. 12. По окончаніи молитвъ своихъ, два карта и одинъ изъ рядовыхъ черемисъ подходятъ къ огню, и выливаютъ изъ

ковшей пиво съ накрошенными кусками блиновъ въ огонь. Выливая пиво въ огонь, говорятъ ту же молитву, какъ и на пасху (см. выше стр. 21). Въ то время когда карты подходятъ къ огню, прочіе молящіеся снимаютъ шапки, когда же карты встанутъ на свои мѣста, то всѣ надѣваютъ шапки, и затѣмъ всѣ по порядку подходятъ къ огню и по немногу всѣ выливаютъ изъ ковшей пиво въ огонь. Потомъ пришедъ на свои мѣста, обращаются къ востоку и, помолившись, выпиваютъ сами.

Послѣ того еще отдѣльно кладутъ впередъ по два блина и по два пирога для жертвъ; вставши въ другой разъ, молятся подобно тому, какъ и въ первый разъ съ колѣнопреклоненіемъ въ шапкахъ, а затѣмъ и безъ шапокъ, и отламывая съ края крошечками пироговъ и блиновъ, кладутъ жертвы въ огонь. По окончаніи молитвъ своихъ сами откусываютъ, и приглашая женъ и дѣтей своихъ, даютъ и имъ откусывать, какъ святыню. Потомъ снова наливаютъ въ ковши пива, встаютъ въ третій разъ и молятся съ пивомъ какъ и въ первый разъ и выливаютъ пиво въ огонь. По окончаніи и этой молитвы, сами, выпиваютъ только немного, а остатки, какъ святыню, каждый даетъ своему семейству, а семейные тоже пьютъ по немногу. Затѣмъ встаютъ опять въ четвертый разъ, молятся какъ прежде съ колѣнопреклоненіемъ въ шапкахъ, а потомъ и безъ шапокъ. Въ каждый пріемъ моленія—поминаютъ боговъ различныхъ, смотря по степени и важности ихъ, сперва главныхъ, потомъ второстепенныхъ и затѣмъ низшихъ. Если же молящихся много, тогда не всѣ молятся одному и тому же богу, но между собою распредѣляютъ имена боговъ, кто какому богу именно долженъ молиться:—кугу-юмолан, или туня-юмолан, мэр-юмолан, или ош-кэчы-юмолан. Въ общественномъ моленіи женщины не участвуютъ: во все время моленія онѣ стоятъ въ сторонѣ.

По окончаніи молитвъ дѣлаютъ, такъ называемый „шилукъ“ изъ досокъ, на подобіе лавокъ. Старики всѣ садятся на этихъ лавкахъ; ведра же пива и блины ставятся передъ ними по порядку на землѣ. По установкѣ „шилукъ“ старики и карты садятся въ одинъ изъ угловъ, а въ другомъ садятся жены картовъ, послѣ чего начинается угощеніе. Первый ковшъ подносятъ мужики картамъ, и кладутъ предъ ними по одному яйцу, блину, пирогу и ватрушкѣ; а женщины подносятъ картовымъ женамъ, и при этомъ угощеніи первымъ ковшемъ пива кладутъ тоже, что и мужчины картамъ. Потомъ уже подчуютъ по порядку другъ друга вышеозначенными кушаньями.

Если между пришедшими на праздникъ есть молодухи, вышедшія замужъ послѣ прошлаго агъ-пайрама, то онѣ подходятъ одна послѣ другой за благословеніемъ къ картамъ: подносятъ старшему карту ковшъ пива и два яйца. Картъ беретъ яйца, и кладетъ ихъ въ кучу, а вмѣсто ихъ даетъ другія два яйца изъ собранной кучи, и отдавая ей, говоритъ свое благословеніе такъ:

Муно гая тычмаш, сай, мотор илэза; кугу юмо тычмашлыком, сайлыком пужо, суртда поли лиже; по-чын аба, перке аба, перкем сабырэн кондыжо; воликда, оралтода, погыда шуко лиже. Индекс эрган, шым ўды-ран лиза; тычмашлыкошто, полнлы-кошто шонгеммешкыда илэза.

Живите хорошо, а благополучіемъ и добротою будьте полны какъ яйцо; да дасть вамъ добрый богъ полноту и доброту; домъ вашъ да будетъ богатъ; мать урожая, мать прибыли да принесетъ вамъ прибыль; скота, построекъ и имущества у васъ да будетъ мно-го; будьте имѣющими девять сыновей и семь дочерей, живите до старости въ довольствѣ и богатствѣ.

По окончаніи благословенія она беретъ яйца, и кладетъ ихъ въ пазуху. Послѣ того картъ беретъ поданный ею ковшъ пива и отвѣдавъ даетъ другому, а другой третьему, а тотъ даетъ обратно карту; и картъ оставшееся пиво допиваетъ все; въ тотъ же ковшъ наливаетъ вновь пива и даетъ ей съ вышенанписаннымъ благословеніемъ, а молодушка, от-вѣдавъ изъ поданнаго ковша пива, даетъ другимъ за ней стоящимъ, другія же не допи-вая даютъ обратно ей, послѣ чего она и допиваетъ все. Потомъ она подноситъ еще снова на-литой ковшъ пива карту, который выпиваетъ его вмѣстѣ съ другими. Получивъ благо-словеніе, молодушка уходитъ, а вмѣсто ея подходитъ другая, если есть, а картъ точно также и ей говоритъ вышенанписанное благословеніе.

За черемисами идутъ на праздникъ и татары, живущіе у нихъ въ рабочихъ, изъ любопытства посмотрѣть на ихъ праздникъ. Черемиса хотя не оставляютъ ихъ совсѣмъ безъ вниманія, но въ свое общество не принимаютъ и кормятъ отдѣльно.

Когда наѣдятся и напьются пива и меду, тогда женщины убираютъ всѣ кушанья, пиво уносятъ домой; мужчины же остаются на томъ мѣстѣ еще на нѣкоторое время, чтобы сдѣлать благодареніе.

Когда дѣлаютъ благодареніе, то встаютъ рядомъ лицомъ къ востоку, молятся стоя въ шапкахъ и снимая шапки на колѣняхъ; по окончаніи молитвъ, три раза всѣ въ одинъ голосъ громко и протяжно кричатъ: ой тау! ой тау! ой тау! т. е. спасибо и благодарю.

Послѣ того молодые мужчины и парни изъ охотниковъ остаются на томъ же мѣстѣ, чтобы показать быстроту своего бѣга и ловкость, а старики идутъ домой впередъ, и остановясь у полевыхъ воротъ, ожидаютъ бѣгущихъ. Парни, оставшіеся на томъ мѣстѣ, встаютъ рядомъ и начинаютъ бѣжать во весь духъ до воротъ; прибѣжавшему прежде всѣхъ картъ даетъ полотенце и десять яицъ, второму полотенце и пять яицъ, третьему пять яицъ, четвертому три яйца и пятому одно, а прочіе остаются безъ награды.

По окончаніи бѣга идутъ въ деревню, и начавъ съ одного конца деревни, ходятъ

по домамъ. Картъ вмѣстѣ съ народомъ посѣщаетъ дома, и за нимъ ходятъ старикъ, старухи и дѣвицы.

При входѣ въ каждый домъ карту для чести даютъ коровай хлѣба (или блинъ) и красное яйцо, на хлѣбѣ же лежитъ сыръ; входя въ избу, онъ говоритъ хозяевамъ дома первое свое привѣтствіе такъ: „сай *ма* илэмаш кутыргымаш?—хорошо-ли житье и бѣсѣдованіе?“—Хозяинъ отвѣчаетъ: „йора *кызыт*—ладно теперь“; потомъ картъ начинаетъ говорить:

Тошто силан тау; суртда поян лиже, йенда перкеан лиже, киндыда перкеан лиже; погыда, оралтода шуко лиже, сай илэза; кугу юмо пуйршо, перке аба перкем пужо, воликда шуко лиже, киндыда шуко лиже, сайн илэза, юмо полшыжо сай, мотор иляшда.

Благодарю за прежнія угощенія; домъ вашъ да будетъ богатъ, да будетъ въ семействѣ вашемъ прибыль, да будетъ въ хлѣбѣ вашемъ прибыль: имуществъ и строенія у васъ да будетъ много, живите хорошо; великій богъ судьбы, мать прибыли да дастъ вамъ прибыли, скота у васъ да будетъ много, хлѣба у васъ да будетъ много, живите честно, да поможетъ вамъ богъ жить честно и хорошо.

Хозяинъ говоритъ въ отвѣтъ: „амен, амен, тугэ лижэ“—аминь, аминь, да будетъ такъ; затѣмъ картъ, откусивъ хлѣба и сыру, даетъ младшему карту, а тотъ откусивъ даетъ уже прочимъ пришедшимъ съ нимъ. Затѣмъ карты садятся за столъ и сидятъ въ шапкахъ; старики, которые ходятъ за картами, при входѣ въ избу, говорятъ первое привѣтствіе свое подобно картамъ.

При угощеніи карта первымъ ковшемъ пива, картъ молится богу въ каждомъ домѣ а потомъ даютъ ему яйцо; принимая яйцо, картъ говоритъ молитву свою такъ:

Поро кугу юмо пуйршо, тўня кугу юмо пуйршо, киндо шочын аба, перке юмо пуйршо! тэвэ мэ ага-пайрамым иштэна; шулуком-тазалыком, тннысьлыком пуза, йеш перкем пуза, муно гая тычмашым перкем пуза, полныкошто тычмапышто иляш полшыза, волик-шамычам тўль вуаным иштэза, тыдэ суртом муно гая тычма-

Боже великій и добрый предопредѣлитель судьбы, великій богъ вселенной, предопредѣлитель судьбы вселенной, великій богъ урожаявъ хлѣба, мать урожаявъ (хлѣба), боже прибыли, предопредѣлитель судьбы прибыли! вотъ мы дѣлаемъ (праздникъ) Агѣ-пайрамъ, дайте намъ здоровья, миръ и прибыли въ семействѣ, дайте какъ яйцо полноту прибыли, въ полномъ богат-

шым пояном иштыза; киндо шочын аба, перке аба, муно гая тычмашлыком перкем пуза.

ствѣ жить помогайте, расплодите число головъ скота нашего, домъ этотъ сдѣляйте какъ яйцо полнымъ богатымъ. Мать урожая (хлѣба), богъ прибыли, дайте какъ яйцо полную прибыль.

Потомъ, обратясь къ хозяину, говорить:

Суртда поян лиже, муно гая тычмашто поянлыкопито илэза.

Домъ вашъ да будетъ богатъ, живите въ полномъ богатствѣ какъ полное яйцо.

Хозяинъ отвѣчаетъ: „амен, амен, тугэ лиже—аминь, аминь, да будетъ такъ; за тѣмъ въ каждомъ дому поютъ пѣсни, пляшутъ и такимъ образомъ ходятъ изъ дома въ домъ до тѣхъ поръ, пока пьяные не свалятся.

Когда карты выходятъ изъ избы, благодарятъ хозяина сими словами:

Силап тау, рахмат ындэ; кугу юмо пуйршо, туня кугу юмо, тѣня пуйршо кугу юмо, киндэ шочын аба, перке юмо, перкем пушта, тычмашышто илэза, суртда поян лиже.

Благодарю за угощеніе, спасибо; великій богъ предопредѣлитель судьбы міра, мать урожая (хлѣба), богъ прибыли да дадутъ вамъ прибыли, живите въ довольствѣ, домъ вашъ да будетъ богатъ.

Хозяинъ отвѣчаетъ: „амен, амен, да будетъ такъ, будьте здоровы, не браните т. е. извините“. Такимъ образомъ ходятъ до свѣта всю ночь. Во время этой ходьбы изъ дома въ домъ, парни играютъ на гумнахъ въ яйца—мячами; такъ какъ этотъ праздникъ они дѣлаютъ предъ посѣвомъ, по этому у нихъ есть особое повѣріе, что если играютъ въ яйца, то зерна посѣяннаго хлѣба будутъ полны какъ яйцо.

На другой день собираются со всѣхъ дворовъ къ старшему карту и приносятъ для угощенія изъ важдаго дома по ведру пива, и нѣсколько блиновъ въ большой чашкѣ. Послѣ угощенія у старшаго карта, идутъ въ слѣдующіе дома по порядку и ходятъ такимъ же образомъ до полуночи. На третій день собираются къ младшему карту; точно также и къ нему приносятъ пива и блиновъ; вмѣстѣ же съ нимъ обходятъ всѣ послѣдніе дома, послѣ чего кончается и обрядъ агъ-пайрама. Послѣ посѣщенія картовъ ходятъ кому куда хочется безъ порядка. Праздникъ продолжается не менѣе пяти сутокъ, въ продолженіи которыхъ, не помня себя, всѣ ходятъ пьяны.

Послѣ праздника *ага-пайрама* начинаютъ сѣять яровой хлѣбъ, а по окончаніи по-

сѣва дѣлають малый агà-пайрàmъ, для котораго пекутъ блины, варятъ кашу и яйца, а затѣмъ и молятся всякъ со своимъ семействомъ отдѣльно въ домѣ, но только безъ пира. Послѣ того идутъ на гумно, по ихъ суевѣрію, играть въ яйца мячами, чтобы посѣянный хлѣбъ выросъ зернистый и полный какъ яйцо.

Примѣчаніе. Горно-Козмодемьянскіе черемисы, подобно луговымъ черемисамъ, особеннаго праздника подѣ названіемъ агà-пайрàма не дѣлали, не пировали и пива въ каждомъ домѣ не варили; но со всѣхъ домовъ собирали солодъ и варили обществомъ у одного человѣка; точно также дѣлали и медъ, а вина не покупали. Карта у нихъ не было: горно-Козмодемьянскіе черемисы не знаютъ и названіе карта. Луговые черемисы агà-пайрамъ дѣлають предѣ посѣвомъ, а горные напротивъ—послѣ окончанія посѣва, въ половинѣ іюня мѣсяца. Выходили также на поле, и выносили каждый отъ себя пшеничный хлѣбецъ и лепешки, а женщины никогда не выходили на это моленіе, и парни при этихъ моленіяхъ не играли никогда, но молились скромно и благоговѣнно. Молились точно также всѣ въ шапкахъ, обращаясь лицомъ къ востоку, и на колѣняхъ; отламывая крошечками съ края хлѣбцовъ и лепешекъ, клали въ огонь, лили также и пиво въ огонь. По окончаніи моленія подобно луговымъ черемисамъ никакихъ обрядовъ не дѣлали, а закусивши, расходились по домамъ.

Молитвенныя слова и имена боговъ у тѣхъ и у другихъ почти что тѣже, какъ выше сказанныя.

Съ горно-Козмодемьянскими черемисами вмѣстѣ я самъ участвовалъ въ общественныхъ и частныхъ моленіяхъ, когда было мнѣ около 12, или 14-ти лѣтъ. Какъ молились дѣдушка и бабушка и какъ причитывали имена боговъ и молитвы, помню хорошо до сего времени. Молитвенное прошеніе какъ у луговыхъ, такъ и у горныхъ черемисъ одинаково. О какомъ предметѣ молятся, имя того бога и призываютъ. Напримѣръ, богу міра молятся о благосостояніи и тишинѣ сего міра, о здравіи, о счастіи, о богатствѣ и т. п., богу прибыли молятся объ урожаѣ и прибыли въ хлѣбъ; богу грома молятся о сохраненіи отъ грозы, града и отъ несчастій.

С ю р э м.

Самый главный изъ обрядовыхъ черемисскихъ праздниковъ „сюрэм“. У луговыхъ черемисъ онъ соединяется съ обрядомъ скачки на лошадахъ и изгнаніемъ бѣсовъ; когда онъ исправлялся черемисами въ древнія времена, не извѣстно, а теперь исправляется ими въ самый Петровъ день, или на другой, или на третій. Дли приношенія жертвъ богамъ черемисы считаютъ нѣкоторые дни лучшими и пріятными богамъ, а иные напротивъ.

Самымъ пріятнымъ днемъ для боговъ считается понедѣльникъ; поэтому какъ для общихъ жертвоприношеній, такъ и для частныхъ моленій со своими семействами черемиса ходятъ въ свои священные рощи болѣе по понедѣльникамъ. Поэтому жертвоприношеніе предъ праздникомъ сюрэма, бываетъ часто не въ самый Петровъ день. Въ 1872 году въ деревнѣ Уньжѣ праздникъ сюрэм и обрядъ изгнанія бѣсовъ дѣлали въ самый Петровъ день. Тогда Петровъ день былъ въ четвергъ; жертвоприношеніе богамъ дѣлали въ рощѣ за четыре дня раньше въ понедѣльникъ, а въ самый Петровъ день, только совершали обрядъ сюрэма, т. е. скачку на лошадяхъ и изгнаніе бѣсовъ. Въ 1875 году Петровъ день былъ въ воскресенье; въ понедѣльникъ они приносили жертвы богамъ, молились въ рощѣ, а сюрэмъ отправляли уже во вторникъ.

Этотъ праздникъ не исправляется непременно каждый годъ, а можетъ быть и оставленъ. Въ иныхъ деревняхъ онъ исправляется ежегодно, въ другихъ чрезъ три, или даже пять лѣтъ.

Если въ которомъ году намѣрены дѣлать жертвоприношеніе богамъ и обрядъ сюрэма—изгнаніе бѣсовъ: то посовѣтовавшись на сходкѣ за четыре или за три недѣли раньше, ходятъ въ рощу дѣлать обѣщаніе принести богамъ жертвы, и предварительно молятся, при чемъ дѣвицы и молодыя женщины приносятъ въ рощу блины; во время причитыванія молитвъ онѣ стоятъ въ сторонѣ, а по окончаніи моленія имъ даютъ блиновъ, которые онѣ отвѣдываютъ какъ святыню.

Предъ наступленіемъ праздника сюрэма, за нѣсколько дней до праздника Петрова для черемисы собираются въ другой разъ на сходку, на которой совѣтуются преимущественно о томъ, какимъ богамъ какую жертву приносить, и гдѣ для жертвоприношеній купить скотъ, и при какомъ кострѣ для какого бога кому быть картомъ и его помощникомъ, котораго называютъ „ѳессѳ“, и въ который день послѣ жертвоприношенія совершать обрядъ „сюрэма“—скачки на лошадяхъ и изгнаніе бѣсовъ.

На сходкѣ кромѣ того возлагаютъ обязанность на пять, или на семь человѣкъ быть „коштыш-йынг“,—т. е. быть ходящими людьми. Обязанность ихъ состоитъ въ выборѣ скота для жертвы. Прежде чѣмъ выбирать скотину, коштыш-йынг моются въ банѣ, надѣваютъ чистое бѣлье, чистыя онучи, новые лапти и праздничную чистую новую одежду. Затѣмъ идутъ они, съ усердіемъ причитывая по своему молитвы, все вмѣстѣ выбирать по домамъ подходящую скотину. Пришедши въ домъ, смотрятъ пристально на скотину, которая имъ нужна: если при взглядѣ ихъ она встрепетаетъ, то говорятъ: „тѣсым пуш—образъ дала“, т. е. посредствомъ вздрагиванія ея богъ далъ имъ знать, что она ему угодна; если не вздрогнетъ, то пойдутъ искать по другимъ домамъ дальше. Такимъ образомъ ищутъ подходящую скотину дня по два и больше. Для жертвоприношенія покупаютъ и

на базарѣ, но только тѣхъ, которыя при взглядѣ на нихъ, или прикосновеніи къ нимъ, вострепнутся. Лошадей, жеребятъ черныхъ и пѣгихъ для жертвъ не принимаютъ, но только рыжихъ, гнѣдыхъ, сивыхъ, саврасыхъ и изрѣдка бѣлыхъ. Коровъ и овецъ черныхъ тоже не выбираютъ.

Эти же лица, по принесеніи жертвъ въ рощѣ, собираютъ въ послѣдствіи „надыр“ — пожертвованія т. е. деньги за скотину. При выборѣ цѣну за животныхъ не назначаютъ, а только уже послѣ праздника хозяину животного всякій отъ себя добровольно жертвуетъ деньгами, кои называются „надыр“ (по арабски нядзрь — обѣтъ).

Когда въ рощѣ совершаютъ жертвоприношеніе, то одного и того же быка, или корову, не всѣмъ богамъ жертвуютъ, а для каждого бога даютъ отдѣльныя жертвы, дѣлаютъ отдѣльные костры, выбираютъ отдѣльныхъ картовъ; но молитва для каждого бога одна и таже, только переимѣняются имена боговъ. Если которому карту назначаютъ принести жертву кугижан юмолан — богу царя, и тотъ молится той же молитвою только за царя, просить царю здоровья, спасенья, мира, прибыли, богатства и т. п.*).

Тѣ домохозяева, изъ домовъ которыхъ должно взять скотину для жертвы, за день ходятъ въ лѣсъ за свѣжими лыками для уздечки, которую называютъ „нукта“. Заблаговременно они приглашаютъ къ себѣ карта и ўссѣ помощника, котораго называютъ иначе „паша йынг“, дѣловой человѣкъ; т. е. при жертвоприношеніи исполняющій всѣ нужныя дѣла. Къ тому времени, когда должны придти картъ и ўссѣ, у домохозяина столъ бываетъ покрытъ скатертью, и на столъ кладется непочатый коровай ржаного хлѣба, и ставится ведро пива, или медовой сыты. Для принятія ихъ лавка за столомъ бываетъ покрыта войлокомъ; пришедшихъ гостей хозяинъ встрѣчаетъ вѣжливо и ласково, и сажаетъ ихъ на войлокъ.

Какъ въ этотъ праздникъ, такъ и въ другіе, восковыя свѣчи у черемисъ не покупаются изъ лавки, или изъ церкви, но они сами сучатъ свѣчи изъ своего воска, а свѣтильны дѣлаютъ изъ кудели.

Кладутъ на сковороду немного коровьяго масла, и льютъ растопленное олово, причитывая молитву богамъ о томъ, что если жертвуемая скотина пріятна богамъ, и они ее принимаютъ, то олово вылилось бы на маслѣ на подобіе жертвуемой скотины. Если съ перваго раза не выйдетъ олово на подобіе скотины, то льютъ до трехъ разъ; если и въ третій разъ не выйдетъ какого либо подходящаго изображенія, то бросаютъ это олово въ огонь, и льютъ снова изъ другаго олова. Когда будетъ все приготовлено, кратко прочитывая молитву по своему, собираются въ рощу: въ телѣгу положить сколько нибудь сухихъ дровъ и котелъ, въ который положить зажженную гнилушку, и поведутъ съ собой скотину

*) *Примѣч.* Богу же царя дѣлаютъ иногда жертвоприношеніе изъ животныхъ обществомъ, и тогда молятся единственно за царя.

назначенную въ жертву. Во всю дорогу въ котлѣ дымится зажженная гнилушка. Ъдутъ молча, со встрѣчными ничего не говорятъ, и даже не отвѣчаютъ на ихъ вопросы. Ворота у хозяина остаются растворенными, и не затворяются три дня.

По прибытіи въ рощу къ извѣстному имъ мѣсту, т. е. къ одному дереву¹⁾, подъ которымъ совершали они жертвоприношеніе раньше, расчищаютъ мѣста, дѣлаютъ вмѣсто стола „шагъ“ въ видѣ расадника, вышиной въ поясъ, приносятъ чистой свѣжей воды, разводятъ огонь, а скотину привязываютъ къ колу, нарочно приготовленному изъ сыраго дерева²⁾.

На шагѣ ставятъ лянгусъ медовой сыты, на краю лянгуса и къ нарочно сдѣланному липовому колу прилѣпляютъ восковыя свѣчи. Потомъ какъ бы спрашиваютъ боговъ, пріятна ли имъ представленная скотина. Для этого на спину скотины поливаютъ холодной воды изъ ковша три раза, причитывая молитву о принятіи скотины такъ:

Поро кугу юмо-шамыч (или кюдурча кугу юмо), тыдэ шогалтомы воликом сай почкалтарэн колтоза, шке пашадам шке ончыза, айдэмын кид йола-вала вашак ашака-гычен, тѹрлю осал гыченат эрыктэн тобыл иштэн йоратэн алаал налза.

Добрне и велнкіе боги (или богъ грома, т. е. номинаютъ тѣхъ боговъ, которымъ приносится жертва), представляемую эту скотину хорошо встряхните, свои дѣла сами сдѣлайте³⁾, отъ оскверненія прикосновеніемъ человѣческихъ рукъ и отъ всякой нечистоты очистивши, удостойте и примите съ любовію и ласкою.

Такъ далѣе кратко причитывая въ видѣ вышеописанной молитвы, просятъ здоровья, спокойствія, прибыли и богатства.

Лишь только встрепенется скотина, тогда всѣ вдругъ скажутъ:

Ой кугу юмо шамыч, ой тау! тау! тау! йоратэн почкалтарэн, йынгын кид йола бала вашака ашакажым эрыктэн тобыл иштэн алаал налын улуда.

Ой великіе боги, ой спасибо! спасибо! спасибо! хорошо встряхнувши, отъ прикосновенія человѣческихъ рукъ оскверненіе очистивши, приняли (себѣ) съ любовію и ласкою.

¹⁾ *Примѣч.* При этомъ не слѣдуетъ смѣшивать языческія божества и кереметей съ рощами, или деревьями, подъ которыми они молятся, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые писатели, рощу, или деревья называя кереметями и богами. Священные рощи и деревья черемистъ—только избранныя мѣста для моленія и приношенія жертвъ.

²⁾ *Примѣч.* Во время общественнаго жертвоприношенія собирается изъ нѣсколькихъ деревень и околodковъ множество народа и приводится множество жертвенныхъ животныхъ. Каждая скотина приносится въ честь одного только бога, и для cadaго штата боговъ бываетъ отдѣльные карты, костры и скотины.

³⁾ *Свои дѣла сами сдѣлайте* значитъ—заставить вздрогнуть и принять ваше дѣло, вы сами принимайте и заставьте вздрогнуть.

Если скотина не вдрогнетъ съ перваго раза, поливаютъ ей по спинѣ до девяти разъ, при каждомъ приѣмѣ по три ковшы, и каждый разъ умоляютъ боговъ о принятіи ея такими же словами¹⁾. Если же и въ девятый разъ не удастся заставить скотину вдрогнуть, тогда ее уводятъ изъ роши домой. Если найдутъ другую скотину въ замѣнѣ уведенной, то приводятъ ее въ рошу; если же не найдется другой, то дѣлаютъ общаніе. Общаніе это называютъ вучуктэн-кодому—ожидать оставлено. Послѣ въ другой разъ въ удобное время, или на другой годъ, поѣдутъ въ рошу въ другой разъ, тогда въ жертву ведутъ и скотину другую.

Когда приготовленная въ жертву скотина встрепенется, тогда рѣжутъ ее не картъ, но его помощникъ ұссь съ помощію другихъ. При рѣзаніи скотины подъ первую струю крови подставляютъ нарочно приготовленное изпещренное лыко, которое называютъ алача ұшто—пестрый поясъ. Зарѣзавъ скотину, свѣчи на время гасятъ до приготовленія жертвы. Затѣмъ снимаютъ шкуру и варятъ обыкновенно. До моленія никто не смѣетъ отвѣдать ни мяса, ни супа. Когда сварится въ жертву приготовленное мясо, и все необходимое къ жертвѣ будетъ готово и поставлено на шагъ, снова зажигаютъ погашенныя свѣчи и на шагъ ставятъ медовую сыту, и по порядку девять ковшей и девять хлѣбцевъ; у каждого хлѣбца на серединѣ сдѣланы пупочки величиной съ трехкопѣчную старинную монету. Число девять зависитъ отъ числа боговъ и піамбаровъ. Штатъ боговъ слѣдующій: кугу юмо, абажа²⁾, пуйршо, абажа, шочын аба, піамбар, абажа, виднезе, сукса.

Если каждому изъ штата боговъ приносится отдѣльная жертва при отдѣльномъ ко-стрѣ, и тогда также ставятъ девять ковшей. Жертвы богамъ бываютъ не одинаковы: изъ вышеописаннаго штата боговъ каждому главному богу юмо жертвуется—лошадь, пуйршо—корова, аба—корова, піамбару—быкъ, виднезе и сукса—баранъ или гусь.

Которому богу приносится жертва, въ честь того бога изъ девяти въ одинъ ковшъ кладутъ по крошкѣ отъ всѣхъ главныхъ частей тѣла и внутренностей жертвуемой скотины: отъ сердца, легкихъ, печени, языка, губъ, ушей, глазныхъ мякишей и ногъ. А въ остальные ковши кладутъ съ каждого хлѣбца пупочки, и вливаютъ медовую сыту. Затѣмъ для молитвы встаютъ рядомъ. Въ первый разъ молитву читаетъ—чокла картъ³⁾, стоя въ

¹⁾ У горно-Козмодемьянскихъ черемисъ бывало, если не вдрогнетъ скотина съ перваго раза, то поливали по спинѣ холодной водой не девять разъ, но только три раза, въ каждый приѣмъ тоже по три ковшы; о принятіи же скотины просили такъ:

Ирсыржым ирикте, вичкэн яратэн нал.

Нечистоту очисти, съ ласкою и любовію прими.

Если же не удавалось и въ третій разъ заставить скотину вдрогнуть, то ее отпускали, или рѣзали для себя на мясо.

²⁾ А ба значитъ мать; абаже—мать его т. е. прежде упомянутаго божества.

³⁾ Прочитываніе молитвы называется „чоклаш“ т. е. дѣлать приношеніе, а жертва называется „чок“.

шапкѣ, а остальные всѣ стоятъ съ обнаженными головами, и при каждомъ оборотѣ его рѣчи говорятъ: „амен, амен, амен, тугэ лиже—аминь, аминь, аминь, да будетъ такъ“. Картъ же, поминая имя того бога, которому приносится жертва, молитву читаетъ такъ:

Поро кугу юмо! Воликан озаже, поро тангжы-шамыч дэнэ кангашен ик арня ожно уверам пуэн-да, нунон шюдэмошто почеш мэ толын улуна; мэ толмына годом тудон капкаже вишыле; пѳртѳшкыжо пуромына годом ѳстэлжы ѳмбалан ош шобычом шарен ыле, ош шобыче ѳмбалан тычмаш киндом пыштэн, тычмаш кугу кѳрагам-шѳрбам тэмен, кугу ши сортам пѳтѳурэн вучен шога ыле.

Поро кугу юмо! Йолташ-шамыч дэнэ кангашен, ши булном виышна, ттудо тычмаш кѳрагам тэмен, тычмаш киндэм палын, кугу ши сортам пѳтѳурэн, кугу шыгшым кучышна-да, кугу ши-шураи ушкюжым вюдэн, йолташ-шамыч дэнэ лэктон отошко толна.

Отошка толменгына кугу шагым шогалтэн, шагыжо ѳмбалан тычмаш киндом пыштэн, тычмаш кѳрагам шындэн, кугу ши-сортам чѳктэн, кугу под менгым керлын, кугу подом сакышна. Чыла тычмаш пындыменге, йолташ-шамыч дэнэ кангашен, кугу ши шуран ѳшкюжым отошко кучен пуртошна.

Боже великій и добрый! хозяинъ скотины, посовѣтовавшись съ добрыми друзьями своими, извѣстилъ насъ за недѣлю; по приглашенію его, мы пришли къ нему; когда мы пришли къ нему, ворота его были открыты; когда мы вошли въ избу къ нему, на столѣ у него была постлана бѣлая скатерть, и на бѣлой скатерти былъ положенъ непочатой коровай хлѣба и стояла полная, налитая пивомъ, посудина, а самъ въ то время, ожидая насъ, сучилъ большую серебряную свѣчу.

Боже великій и добрый! съ друзьями своими посовѣтовавшись, мы серебряное олово растопивши, ту посуду (кѳрагу) наполнивши, непочатой хлѣбъ взявши, ссучивши большую серебряную свѣчу, взяли большой дымъ (головню), да большого съ серебряными рогами быка поймавши, съ друзьями своими пошли въ рощу.

По прибытіи въ рощу, постлавши большія лавки, на лавкахъ положивши непочатой хлѣбъ, поставивши полную посуду пива, зажгши большую серебряную свѣчу, большой колъ воткнувши, большой котелъ повѣсили. По установкѣ всего полного (непочатаго), съ друзьями своими посовѣтовавшись, съ серебряными рогами большого быка поймавши, въ рощу привели.

Поро кугу юмо! кугу ши-шур-
ран ушкыжом тый рюзалтарэнат; ту-
дом кюктэн тыдэ чыла тычмаш кин-
дэ, тычмаш кӧряга и поро волик ўм-
бачын поро юмо гычен йодона: йеш
перкем, киндэ перкем, волик перкем...

И затѣмъ говорится молитва, записанная выше на стран. 12—16.

Послѣ сего картѣ, взявъ дымящуюся головню, идетъ впереди, а помощникъ его ўссѣ, взявъ топоръ и ножикъ, и постукивая ножомъ по топору, идетъ позади карта, и оба обходятъ вокругъ приготовленной жертвы по солнцу три раза; во время этого шествія говорятъ такъ:

Шинчыдэ¹⁾ ушышко налдэ, коч-
кон йѹын манын, ида ман; товыл иш-
тэн тыдэ воликом йоратэн налза.
Шкендан кюртню юкда дэнэ сайжым
тэмбагы сабырза, шыгышда дэне
прля осалжом поктол колтоза шке.

Тиньсылком, тазалыком, шулы-
ком, кинда перкем, йеш перкем и во-
лик перкемат пуза.

Послѣ того, какъ обойдутъ въ третій разъ, головню ту, съ которой они обходили, кладутъ въ костеръ.

Затѣмъ по окончаніи молитвы, картѣ подходитъ къ костру, а помощникъ его ўссѣ въ то время подноситъ къ нему съ шаги вышесказанные ковши; картѣ, принимая первый ковшъ съ жертвенными частичками отъ животныхъ, кладетъ ихъ въ огонь, а потомъ остальные ковши съ медовой сытой и съ пупочками отъ лепешекъ, тоже опрастываетъ въ огонь со словами:

Боже великій и добрый! съ серебря-
ными рогами быка ты встряхнулъ, а мы надъ
этими непочатыми предложеніями—непоча-
тымъ хлѣбомъ, полной корягой пива и хо-
рошимъ животнымъ просимъ: прибыли се-
мейства, прибыли хлѣба, прибыли скота...

Не говорите, что ѣли и пили, не зная
и не обращая вниманія (чье это); сдѣлавъ
милоу, съ любовію примите эту скотину.
Звукомъ желѣза вашего добрыхъ привора-
чивайте сюда (къ намъ), а злыхъ отго-
няйте вмѣстѣ съ дымомъ вашимъ.

Дайте миръ, спокойствіе, здоровье,
прибыль хлѣба, прибыль семейства и при-
быль скота.

¹⁾ Козмодемьянскіе черемисы, когда обходили вокругъ приготовленной жертвы съ дымящеюся головнею, постукивая ножомъ по топору приговаривали такъ:

шишдэ кодэ ида-код. шинчыдэ ида-ли;
ужын колын лида, вичкен яратэн налда; тул гаяя
ирэ лиже.

Не оставайтесь не догадавшимися, не слышавшими, и не будьте не знавшими; но будьте видѣвшими и слышавшими, съ любовію и ласкою примите (жертву), да будетъ чиста какъ огонь.

Тул водож! шыгшет кужу, йыл-
мет писе: тӧрсыржам тӧрлэн, налын
міэн виктарэн шуктэн пу. Юмон вид-
незыжо! тӧрсыржым тӧрлэн. налын
міэн виктарэн шуктэн пу¹⁾.

Огненный духъ, дымъ твой длиннѣ,
и языкъ твой остеръ; что не правильно,
поправивши, представивши и разъяснивши
передай. Божій докладчикъ! что непра-
вильно, поправивши представивши и разъ-
яснивши передай.

Затѣмъ картъ и всѣ прочіе встаютъ на колѣни и молятся еще усиленнѣе, кладутъ
предъ собой шапки, и надъ ними кладутъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ. По окон-
чаніи молитвы, картъ рѣжетъ на разостланной скатерти липовыя и пихтовыя вѣтви, что-
бы привязать ихъ къ священному дереву, приговаривая такъ:

кугу индэш шултышетом кугун то-
было.

большихъ девять отрѣзковъ прими съ уни-
леніемъ.

Если отрѣзываемыя вѣтви внутренней стороною т. е. лицевой падаютъ вверхъ, то
это считается добрымъ признакомъ и означаетъ, что жертва богамъ пріятна. Вѣтвей этихъ
картъ прикладываетъ къ священному дереву девять пониже листьями вверхъ и пять
или семь, листьями внизъ повыше и опоясываетъ ихъ къ дереву вышеупомянутымъ
жертвенной кровью омоченнымъ, испещреннымъ лыкомъ, на высотѣ около трехъ аршинъ;
къ этому лыку привѣшиваетъ вышесказанное олово, вылитое на подобіе жертвует-
мой скотины. Это опоясанное дерево называется „она-пу“²⁾—хань дерево. Лыко, ис-
пещренное по корѣ нарѣзками, называется „олача ѱштэ“—пестрый поясъ; вѣтви—Йол-
ва, значить кисточки, и еще называютъ парча—вѣтви или бляха; олово называютъ
кугу ши булно—большое серебряное олово, и еще называютъ тѣсыжо—подобіе т. е.
подобіе жертвуетой скотины.

По препоясаніи дерева лыкомъ съ вѣтвями, помощникъ карта ѱссѳ ложкой черпаетъ
жертвеннаго супа изъ котла и подноситъ карту, а карта, взявши ложку, съ благоговѣніемъ и

¹⁾ Козмодемьянскіе черемисы, когда выливали пиво и медъ, и высыпали жертвенныя частички, го-
ворили такъ:

Тул авя! тынь тумадла; тӧрсыржом тӧрло,
ырсыржом ырыкто, налын міэн шоктэн, виктарэн
пу.

Мать огня! ты пересказывай; что не ладно
поправь, что не чисто очисти, представивши и
разъяснивши передай.

²⁾ У Козмодемьянскихъ черемисъ на моленіяхъ такихъ препоясанныхъ деревьевъ не было. Козмо-
демьянскіе черемисы и молодые подростки эти деревья называютъ а н а-п у, или а н а-т у м—молодой дубъ.
Такъ какъ въ черемисскихъ моленіяхъ татарское слово х а н произносится онъ: то можно пола-
гать, что а н а-п у значить х а нъ деревьевъ, т. е. что оно отличалось и возвеличилось предъ прочими
деревьями.

страхомъ подходить къ сна-пу и, три раза обѣими руками приподнявши ложку, всплескиваетъ на привязанныя вѣтви; затѣмъ ѣссѣ подноситъ еще другую и третью ложку, а картъ такимъ же образомъ всплескиваетъ на привѣшанныя вѣтви со словами:

Кугуи тобыло; кугу гычмаш киндом, кугу ши сортам тобыло, кугу шыл подым тобыло; мѣ кузе рюзалтѣна (кышкалтарѣна), тыйат тугѣ рюзалтѣ ындѣ шке.

Съ большимъ умиленіемъ прими; большой непочатой хлѣбъ, большую серебряную свѣчу прими, большой котелъ съ мясомъ прими; какъ мы всплескиваемъ, и ты также самъ всплесни (на насъ твое благословеніе).

Къ этимъ словамъ присоединяется прошеніе о счастіи, спокойствіи, здоровьи, прибыли и богатствѣ. Послѣ этого ѣссѣ подноситъ карту медовую сыту въ ковшѣ, которую картъ такимъ же образомъ всплескиваетъ къ вѣтвямъ.

Затѣмъ еще разъ усиленно помолившись, отвѣдываютъ сами жертвеннаго мяса и супу. Послѣ чего встаютъ въ другой разъ въ строй, и молятся такимъ же образомъ на колѣняхъ съ земными поклонами, и причитываютъ вышеписанную же молитву, но только при второмъ моленіи не бываетъ въ ковшахъ жертвенныхъ частицъ и обхожденія вокругъ жертвы съ головашкою, ни постукиванія ножомъ по топору.

По окончаніи причитыванія молитвы, дѣлаютъ сборъ за жертвенную скотину. При этомъ нужно замѣтить, что, если жертвуемая скотина приносится обществомъ за народъ, то денегъ кладутъ по многу: иные кладутъ по 50 к., по 1 руб., иногда и больше. Но бываетъ на оборотъ, если хозяинъ дѣлаетъ частное жертвоприношеніе отъ себя; тогда прикладъ бываетъ самый ничтожный. Довьги, полученные въ прикладъ, называются „надыр“.

По собраніи надыра, картъ молится за жертвователей съ колѣнопреклоненіемъ, поминая всѣхъ ихъ поименно, молитву же прочитывать кратко начинается такъ:

Поро кугу юмо (или каба кугу юмо, или мѣр юмо, смотря потому какому богу приносилась жертва), кугу ши надыр дѣне тыйм пагалѣп, тыйн шѣр кудышкет толын улут, тый нуном йоратѣп ли... и такъ далѣе.

Добрый великій боже (или великій богъ кабы, или великій богъ народовъ), большимъ серебрянымъ прикладомъ почитая тебя, пришли къ (празднику) твоему костру, а ты ихъ полюби...

Причитывая кратко вышеписанную молитву, просить имъ здоровье, спокойствіе, прибыль хлѣба, прибыль денегъ, прибыль семейства и умноженіе скота и т. д.

Послѣ того картъ садится на приличное ему мѣсто—на срединѣ, а помощникъ его

ѣсѣ крошить жертвенное мясо, наливаетъ въ большую чашку супъ, и рѣжетъ ржаной хлѣбъ, призывая имена боговъ. Затѣмъ, обыкновенно сидя въ шапкахъ, начинаютъ хлебать супъ и ѣсть жертвенное мясо, и угощаться медовой сытой.

Если во время обѣда явятся съ надыромъ новыя лица, то картъ встаетъ и вновь молится за нихъ такимъ же образомъ, и ихъ поминаетъ по именамъ.

Всѣ собранныя деньги отдаются хозяину за скотину; а хозяинъ даетъ карту только одну монету, которую картъ завернувъ въ рубашку завязываетъ ниткой на груди своей, въ видѣ медали, и носитъ ее такимъ образомъ три дня; завернутая монета называется „медал“. По прошествіи трехъ-дневнаго срока, эта монета употребляется на покупку чего либо съѣдобнаго.

Когда всѣ наѣдятся и напьются, тогда костеръ разводятъ жарче, и въ него кладутъ всѣ крошки и кости, оставшіеся отъ жертвенной скотины. Для того чтобы не остался слѣдъ крови жертвенной скотины, и не были остатки попираемы, или не лизали ихъ собаки, выкапываютъ кровь и бросаютъ въ огонь, или на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣзали скотину, разводятъ нарочно другой костеръ. Отъ жертвенной лошади, или жеребенка шкуры не берутъ себѣ, но сожигаютъ на томъ же кострѣ. Для того, чтобы шкура скорѣе сгорѣла, нарочно приготовленныя лычныя веревки привязываютъ къ хвосту, головѣ и ногамъ; потомъ растягиваютъ ее горизонтально надъ сильно пылающимъ костромъ; когда шкура загорится тогда и веревки бросаютъ въ огонь. При сожиганіи шкуры, держаніе веревокъ не имѣетъ ни какой религіозной мысли.

Отъ жертвенныхъ коровъ, быковъ, овецъ и барановъ шкуры не сожигаются, а употребляютъ ихъ въ дѣло. Отдаютъ ихъ для выдѣлки овчинникамъ, или изъ сыромятной кожи дѣлаютъ себѣ пояса вмѣсто кушака, или маленькія и большія сумы для употребленія вмѣсто мѣшковъ. Эти сумы называютъ „шубышъ;“ кромѣ того сыромятные ремни идутъ на лошадиную сбрую. Продать кожу жертвенной скотины татарину считается за нечестіе.

Когда все уберутъ въ рощѣ, тогда дѣлаютъ благодареніе: встаютъ въ послѣдній разъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, и прочитываютъ вышеписанную молитву стоя въ шапкахъ и на колѣняхъ съ нѣсколькими земными поклонами; а по окончаніи молитвы, всѣ встаютъ съ обнаженными головами, и прокрикиваютъ три раза въ одинъ голосъ: „Ой тау! ой тау! ой тау! — ой спасибо! ой спасибо! ой спасибо! Этимъ кончается весь обрядъ жертвоприношенія въ рощѣ.

Во время общественнаго жертвоприношенія, все оставшееся жертвенное мясо и супъ дѣлятся между тѣми лицами, которые клали деньги въ надыръ за жертвенныхъ животныхъ. Но мясо отпускается не съ костями, а ихъ отдѣляютъ и сожигаютъ въ кострѣ. По возвращеніи изъ рощи домой, всѣ домохозяева на краю лянгуса съ пивомъ и у иконы

зажигаютъ восковыя свѣчи, а на столѣ ставятъ чашку блиновъ, или кладутъ приготовленныя лепешки и молятся, причитывая вышеписанную молитву, по окончаніи которой ѣдятъ принесенное мясо со своими домочадцами.

При жертвоприношеніи въ рошѣ, черемисы не напиваются до пьяна, даже дѣлаютъ выговоръ и тому, кто приходитъ пьяный.

По возвращеніи изъ роши картъ и его помощникъ ѣсѣ съ прочими желающими идутъ къ хозяину скотины. На столѣ у него ставятъ медовую сыту въ лянгушѣ, чашку блиновъ и кладутъ каравай хлѣба. На краю лянгуса и у иконы ставятъ восковыя свѣчи. Затѣмъ молятся такимъ же образомъ, какъ и въ рошѣ, причитывая въ молитвѣ тѣ же прошенія, которыя причитывались въ рошѣ. Послѣ чего картъ садится за столъ на первое мѣсто, а хозяинъ угощаетъ ихъ и всѣхъ приходящихъ.

Когда жертвоприношеніе дѣлаютъ обществомъ и скотина жертвуется за народъ, то у хозяина скотины долго не пируютъ. Если моленіе бываетъ семейное, то при такихъ моленіяхъ празднованіе продолжается три дня. Для сего созываются въ гости сосѣди и родственники, и каждый изъ приглашенныхъ приноситъ отъ себя „надырныхъ денегъ“ одну копейку или двѣ. Въ продолженіи этихъ дней свѣчи постоянно горятъ у иконы и на краю лянгуса съ пивомъ, ворота стоятъ растворены, и присутствующіе постоянно находятся въ шапкахъ. Приходящимъ гостямъ при входѣ картъ подаетъ хлѣбъ, или лепешку съ творожникомъ (сырцемъ), и гости, привѣтствуя хозяевъ и предсѣдающихъ, отвѣдываютъ хлѣба. Такіе праздники при частныхъ жертвоприношеніяхъ, кромѣ скотины, стоятъ 30 или 40 рублей.

Когда картъ съ прочими гостями собирается домой, предъ тѣмъ какъ выходить, встаетъ за столомъ, а хозяинъ съ семействомъ садится на скамейкѣ въ противоположной сторонѣ стола, и картъ начинаетъ говорить въ благодареніе то же, что въ молитвѣ просилъ отъ бога, слѣдующими словами:

Арня ожно уверым иштэн улуда-
да, тэндан шюдумыда почеш мэ тол-
на; мэ толмына годом капкат виш-
ыле, пѳртѳшко пуромына годом, ѣс-
тэл ѣмбалан ош шобычем шарен, ош
шобыче ѣмбалан тычмаш киндом пыш-
тэн, тычмаш кугу кѳрягам тѣмен, ку-
гу ши сортам пѣтѣрен вучен шогат
ыле. Мом шонэн коптонат гынят,

Вы за недѣлю извѣстили насъ, а мы
по вашему извѣщенію пришли къ вамъ;
когда мы шли къ вамъ, вы дожидали насъ,
ворота у васъ были отворены; когда вхо-
дили мы въ избу, на столѣ была настлана
бѣлая скатерть, на бѣлой скатерти поло-
женъ былъ непочатой каравай хлѣба, на-
полнена была большая посудина пивомъ, а
самъ дожидая насъ стоялъ, суча большую

тыйн тудо шонометом Юмо пужо, перкеан ли.

Ши вулном (вэлэн) пэльтэшна-да йолдаш-шамыч дэнэ кангашен тычмаш киндом налын, тычмаш кӧрягам тэмен, кугу шыгшым кучышна, кугу шуран ўшкюжом йолдаш-шамыч дэнэ кучен, отошко лэктон мийшна; отошка мименге, кугу шагым шалатэшна, шагы ўмбалам тычмаш киндом пыштэшна, тычмаш кӧрягам шындышна, кугу ши сортам чюктэшна, олача ўштом ўшталтэшна, кугу подмэнгем керлна, кугу подом сакышна, чыла тычмаш шындэменге, йолдаш-шамыч дэнэ кангашен кугу ши шуран*) ўшкюжом отошко вўдэн пуртошна.

Кугу ши шуран ушкюжом поро кугу юмо кудо пель могыржом рюзалтарэн налынат.

Тудо йодмына, казна перкем пужо, казна перкеан лиза**).

Чыла тычмаш киндэ ўмбачын, тычмаш кӧряга шорба ўмбачын, тыйн

серебряную свѣчу. Что желалъ ты, то твое желаніе да дастъ тебѣ богъ, будь имѣющимъ прибыль.

Посовѣтовавшись съ друзьями своими, мы растопили серебряное олово, взяли непочатый каравай хлѣба и полную посуду пива, взяли большой дымъ (дымящуюся головню), поймали большого съ серебряными рогами быка и увели его въ рощу; по прибытіи въ рощу устроили большой столъ, на столъ положили непочатой каравай хлѣба, поставили полную посудину пива, зажгли большую серебряную свѣчу, пестрымъ поясомъ опоясали (дерево), для котла воткнули большія колы и большой котелъ повѣсили; по предложеніи всѣхъ полныхъ непочатыхъ (предметовъ), съ друзьями своими посовѣтовавшись, большого съ серебряными рогами быка поймавши, въ рощу ввели.

Богъ великій и добрый, большого серебряно-рогатаго быка любя, съ которой ни есть стороны стряхнувши, принялъ.

Какое изобиліе и прибыль мы просили, да дастъ то изобиліе и прибыль; будьте имѣющими прибыль.

Чего просили мы, предложивъ все не початое — каравай хлѣба и полную

*) При религиозныхъ обрядахъ встрѣчается много горно-Черемисскихъ словъ, которые не употребляются въ разговорѣ; потому молодежь, изрѣдка и старики, не понимаютъ значеніе слова.

**) При словахъ карта „перкеан ли“ и при каждомъ оборотѣ рѣчи до конца благодаренія хозинъ отвѣчаетъ: „амень, амень; туге лиже“—аминь, аминь, да будетъ такъ.

поро воликет ѳмбачын, йодмынам: йеш перкем, тазалыком, йешетлан тннысь-лыком, тазалыком, и чыла тўрлю перкем пужо; перкеан лида, и чыла перке гычен тэндaм йыбыртэктожы.

Нур шерышко луктон колтомы воликет-шамычлан тазалыком, тннысь-лыком поро кугу юмо пужо; воликет-шамычлан кочкишыштом йўшыштом ашлыком вiаном иштэжо; воликет-шамычам нур шерышко луктон колто-менгет поро кугу юмо аралыжо-саклы-жо, осал мардэж-гычен, кэлыгы корэм гычен, лабра гычен, осал шинча гы-чен, йылмы-гычен, локтозы тушман-гычен, маска-гычен и чыла тўрлю осал кючан кайк гычен поро кугу юмо аралыжо-саклыжо; перкеан лиза.

Поро кугу юмо исыр воликетом тўжым иштэжо, кангажым коям иш-тэжо, и чыла тўрлю воликетом тўль-вуйном иштэжо; поро кугу юмо чыла тўрлю волик гычен тыйм йыбыртэк-тожы; перкеан ли, поян ли.

Шошым шуменге пасушко лэктон поро воликет дэнэ курал ўдэмо кин-дэтом поро кугу юмо вожшым лапкам иштэжо, кыдалжом пешкыдом иштэже, вуйжом ши полтош гаям тутом иш-тэже, ўдэмо киндэлан поро кугу юмо

посеудину пива, и добрую твою скотину, да дастъ тебѣ то богъ: прибыль семейства, здоровье, прибыль скота, прибыль хлѣба, семейству твоему миръ, здоровье; будьте имѣющими всякую прибыль; да обрадуетъ васъ отъ всякихъ прибылей.

На пастбище отпущеннымъ скотамъ твоимъ добрый великій богъ да дастъ здо-ровье, миръ; твоимъ скотамъ пищу да сдѣ-лаетъ питательной; твоимъ скотамъ паст-бища да сдѣлаетъ привольными; когда ты скотъ свой отпускаешь на волю въ паст-бище, добрый великій богъ да сохранить его отъ вредныхъ вѣтровъ, отъ глубокихъ овраговъ и грязи, отъ нехорошихъ глазъ и языковъ, отъ колдуновъ и порчи, отъ волковъ и медвѣдей и отъ всякихъ хищныхъ (съ когтями) звѣрей да сохранить добрый и великій богъ; будьте имѣющими прибыль.

Добрый и великій богъ да сдѣлаетъ безплодный твой скотъ плодовитымъ, худо-щавый твой скотъ да сдѣлаетъ жирнымъ, всякій скотъ твой да сдѣлаетъ плодови-тымъ; добрый и великій богъ да обрадуетъ тебя прибылью всякой скотины; будь имѣ-ющимъ прибыль, будь богатъ.

По наступленіи весны, когда ты, вы-ѣхавши на поле, добрыми скотами твоими распашешь (землю), посѣянному твоему хлѣбу великій добрый богъ да сдѣлаетъ корни ши-рокими, стебли крѣпкими, колосья полны-ми подобно серебряной пуговицѣ; добрый и

лэвэ юрым юрыктожы, юд ўмыром пужэ, шолэм гычен, йўшто гычен шокшо гычен, осал талы мардэж гыченат аралыжо-саклыжо. Пасуэш ўдэмо киндэтом поро кугу юмо сай чебер кюктэн шуктоменгежо, тудом тўрэдашет поро куда-йешетлан тазалыком тннысьлыком пужо; перкеан ли, поян ли*).

Иштэмы киндэтлан: кылташетат, копнашетат, кабанэшетат, сапонды коклашетат поро кугу юмо тыйланэт перкем пуэн шогожы. Киндо перке гычен тыйм ймыртэктожы ыле, тыйланэт тазалыком, поянлыком піалым пужо; перкеан ли.

Поро кугу юмо гычен йодмына мюкш перкем, мю перкем тыйланэт пужэ, мюкш перке гычен и мю перке гычен тыйм ймыртэктожы; перкеан ли.

Пасушка и кожлашкы пикш йонгэжым ўшталын лэктон коштмет годом, чыла тўрлю кайк дэнэ поро кугу юмо тыйм ваш иштэжо, чыла тўрлю кайк перке гычен тыйм ймыртэктожы; перкеан ли.

Сату дэнэ кугижан пазарышко лэктон каймет годомат, поро имнет-

великий богъ да одождитъ твой посѣянный хлѣбъ теплымъ дождемъ, да дастъ ночную тишину, да сохранить отъ градовъ, отъ холода и жаровъ, да сохранить отъ бурь и сильныхъ вѣтровъ. Добрый и великий богъ на полѣ посѣянные тобою хлѣба да возраститъ хорошо и благополучно. Жать тотъ хлѣбъ великий и добрый богъ доброму твоему семейству да дастъ здоровье, миръ. Будь имѣющимъ прибыль и богатство.

Тобю обработанному хлѣбу добрый и великий богъ да дастъ прибыль постоянно: въ снопахъ, и копнахъ, и владяхъ, и подъ цѣпами. Да обрадуетъ тебя прибылью хлѣба. Да дастъ тебѣ здоровья, богатства и счастья; будь имѣющимъ прибыль.

Да дастъ тебѣ прибыль пчелъ и меду; да обрадуетъ тебя прибылью пчелъ и меда; будь имѣющимъ прибыль, что мы просили отъ великаго добраго бога.

Когда ты, опоясавшись въ лукъ со стрѣлами, выходишь въ поле и въ лѣсъ, добрый великий богъ да приведетъ тебѣ тогда встрѣтиться со всякими птицами и звѣрями, да обрадуетъ тебя всякою прибылью птицъ и звѣрей; будь имѣющимъ прибыль.

Когда ты съ товарами выѣдешь на царскій базаръ, да дастъ доброй твоей ло-

*) Эти молитвы и причитанья читаются и составлены людьми неграмотными, записываются также со словъ людей неграмотныхъ; потому и не слѣдуетъ удивляться, что иное предложенье построено неправильно, т. е. нѣтъ или подлежащаго, или сказуемаго, или другаго важнаго для ясности рѣчи слова. Это замѣчаніе дѣлается для тѣхъ, кто будетъ разбирать каждое слово черемисскаго текста и сравнивать съ переводомъ.

лан тазалыком пужо, шкеланэт уш-
акылом пужо; Кугижан кугу купыща
дэнэ ваш иштэжо, кугижан ши пундо
перке-гычен поро юмо тыйм йыбыртэк-
тожы; перкеан ли.

Поро кудо йешет дэнэ, родо-ша-
мычет дэнэ, шымылу шым тангэт дэнат
кочкин йу́н йыбыртэн куанэн иляшэт
тыйланэт поро кугу юмо тугандэмо
чыла ту́рлю перкем тыйланэт пужо
ыле; перкеан ли.

Поро кугу юмо шке кюшнышо
туту́ражым у́лыко волтожы, мландо
туту́рам кюшко кюзыктоже; кок ту́-
тура коклаш тыйн у́дэма киндэтлан
перкем пужо; перкеан ли.

Киндэтлан у́мыр мардэжым тнысь-
лыком пужэ, чыла кум ту́рлю волик
перкем пужэ; перкеан ли.

Воликэт-шамыч ту́ль вуян лиш-
тэ, воликэт-шамычлан тнысьлыком
тазалыком пужэ, куда-йеш перкем пу-
жэ, куда-йешетлан тнысьлыком та-
залыком иужэ; перкеан ли.

Поро кугу юмо шокшы-гычен
(тул-гычен), йу́што-гычен, вюд гычен
тыйм аралыжа; перкеан пiалан ли.

Мэ ырвеза-да ырвеза шыгыш йы-
мал калык улуна; мэ ала шенгелан

шади здоровья, да дасть тебѣ самому ума-
разума, да приведетъ тебѣ встрѣтится съ
царскимъ великимъ купцомъ; добрый вели-
кій богъ да обрадуетъ тебя царской сереб-
ряной казной; будь имѣющимъ прибыль.

Съ добрымъ твоимъ семействомъ, род-
ственниками твоими и съ семьдесятъ семью
друзьями твоими тебѣ, съ радостію весе-
ліемъ пируя жить да дасть тебѣ; да дасть
тебѣ неистощимую прибыль; будь имѣющимъ
прибыль.

Великій и добрый богъ да ниспослетъ
небесную свою росу, земную да вознесетъ;
посрединѣ двухъ росъ да дасть посѣянному
твоему хлѣбу прибыль; будь имѣющимъ
прибыль.

Да дасть хлѣбу твоему тихій вѣтеръ,
миръ; да дасть тебѣ всѣхъ трехъ породъ
скотины; будь имѣющимъ прибыль.

Скотъ твой да будетъ плодовитымъ,
да дасть скоту твоему миръ и здоровье, да
дасть семьѣ прибыль, да дасть семейству
твоему миръ и здоровье; будь имѣющимъ
прибыль.

Великій добрый богъ да сохранить
тебя отъ жара (отъ огня), отъ холода и
воды, будь счастливъ имѣющимъ прибыль!

Мы молоды, даже молодежь подь-
ымная. Можетъ быть, что нужно было

каласышашлыкшом ончылан каласышна, а ончылан каласышашлыкшом шенгелян каласышна; кугу юмо мамнам кумалмынам сай иштэн налжэ, тыйланэт перкем пужо; перкеан ли.

Тэланда уш—акылом пужо, шулыком тазалыком, тнысьлыком, ласкалыком пужэ, шулыкан таза лиза; перкеан лиза.

Поро кугу юмо! ындэ кечы гая волгалтон, тўлзы гая нўльталалтон, тэмын шычышы тэнгыж гая, чыла тўрлю тўрлю киндо перке гычен, йеш перке-гычат, волик перке гычен, ши пундо казна перке гычын, чыла тўрлю кайк перке-гычен и чыла тўрлю перке гычат поро кугу юмо тэндам йыбыртэктожы; перкеан лиза.

Поро кугу юмо тэланда, тнысьлыком, тазалыком шулыком пужо, перкеан кужу куруман лиза.

Послѣ карта говоритъ помощникъ его ўсѣсъ, потомъ сомыл йынг-шамыч—участвующіе въ моленіи; благодареніе говорятъ не четное число лицъ, но пять, семь или девять, а затѣмъ расходятся.

Примѣчаніе. Частныя жертвоприношенія совершаются тѣмъ же порядкомъ; они бывають разновременно: во время сюрэма, осенью и зимой. Отъ жертвенной скотины кости не теряють, но берегутъ какъ святыню, пока не съѣдятъ мясо; собирая ихъ кладутъ все вмѣстѣ. Когда мясо жертвенной скотины будетъ съѣдено, тогда собранныя кости унесутъ въ ту же рощу, и на томъ же кострѣ сожгутъ ихъ.

При наступленіи дня, въ который долженъ совершиться обрядъ сюрэма и изгнаніе бѣсовъ, молодые парни нарочно идутъ въ лѣсъ снимать толстыя лутшки для трубъ, и

сказать впередъ, то мы сказали назади, а что нужно было сказать назади, то сказали впередъ. Наше поклоненіе великій богъ да приметъ за хорошее; да дастъ тебѣ прибыли, будь имѣющимъ прибыль.

А вамъ да дастъ ума-разума, здоровья, миръ и вѣжливость, будьте здоровы; будьте имѣющими прибыль.

Великій и добрый божѣ! вотъ теперь подобно солнцу освѣтившись (обрадовавшись), какъ мѣсяцъ поднявшись, какъ море наполнившись, полное стоитъ, подобно тому отъ всякихъ породъ прибыли: хлѣба, прибылью семейства, прибылью скота, прибылью серебра-казны, прибылью всякихъ породъ птицъ и звѣрей да обрадуетъ васъ добрый и великій богъ; будьте имѣющими прибыль.

Добрый великій богъ да дастъ вамъ миръ, здоровье и да сдѣлаетъ васъ долготѣнными и имѣющими прибыль.

съ березъ бересту. Береста снимается какъ лента, и обвертывается вокругъ снятой лутошки. Трубы эти бывають длиною въ два и три аршина. Женщины между тѣмъ пекутъ блины и маленькія лепешки, готовятъ сырцы. Послѣ полдня на то мѣсто въ полѣ, гдѣ долженъ быть сюрэмъ, съѣзжаются черемиса изъ ближнихъ околдовъ и привозятъ съ собою узлы кушаній; черемиса же самой ближней деревни выносятъ столы, женщины кушанья, а молодые ребята и мужчины съѣзжаются верхомъ для скачки. Кушанья состоятъ изъ каравайя чернаго хлѣба, ватрушекъ, лепешекъ, луку и сырцовъ, и устанавливаются въ чашкахъ по порядку на принесенныхъ столахъ. Когда всѣ эти узлы съ кушаньями будутъ установлены, тогда начинаютъ молиться надъ ними и призывать имена боговъ; при моленіи снимають шапки, прикладываютъ ихъ къ груди три раза, и кланяются, а потомъ поднимають чашки со стола три раза. Во время этого моленія нѣсколько парней и молодыхъ мужчинъ начинаютъ скакать, скачкѣ же не придають религіознаго значенія. Для этого отъѣзжаютъ отъ съѣхавшейся толпы народа примѣрно на версту, и оттуда скачутъ во весь опоръ къ толпѣ. Впередъ прискакавшую лошадь хвалятъ, но награды при этомъ не бываетъ. Во время этого моленія между собравшимися тишины не бываетъ: звукъ трубъ, крикъ скачущихъ, смѣхъ и ругань непечатными словами сливаются въ одно.

По окончаніи моленія подчуютъ другъ друга блинами и прочими кушаньями. Въ продолженіи этого времени верховые ѣздоки стараются выказать свою ловкость и быстроту лошади, при помощи плети чуть ли не съ палецъ толщиной. Чтобы видѣть издалека скачущихъ, какъ мужчины, такъ и женщины встають на телѣги, тарантасы и прясла, вообще туда, откуда видно дальше. И эта церемонія продолжается часа четыре и болѣе. По угощеніи другъ другъ пожилые мужчины встають въ другой разъ къ столамъ и, призывая боговъ, дѣлають благодареніе: снимають шапки, прикладываютъ ихъ три раза къ груди и три раза поклонившись всѣ громко въ одинъ голосъ кричатъ три раза: тау! тау! тау!—спасибо! спасибо! спасибо! Между тѣмъ верховые объѣзжаютъ три раза вокругъ народа; послѣ чего всѣ расходятся и разъѣзжаются домой.

Спустя нѣсколько времени въ одномъ изъ крайнихъ домовъ собираются парни и ребята; у каждого изъ нихъ кнутъ для изгнанія шайтановъ—бѣсовъ. Между тѣмъ какъ два пожилые мужчины трубятъ у окошекъ въ трубы—одинъ съ уличнаго окна, а другой со двора, чтобы испугать въ избѣ находящихся бѣсовъ; ребята бьютъ кнутомъ ворота, заборы, вбѣгаютъ въ избу, бьютъ стѣны, лавки, столы, стулья, печку и проч. Если на лавкахъ случится одежда и вещи, все это сбрасываютъ на полъ при крикахъ: іу! уу! уй! у! Когда ребята начинаютъ выходить изъ избы, домохозяинъ даетъ имъ посудину молока со сливками, и пива, блиновъ, ватрушекъ и лепешекъ.

Пройдя нѣсколько дворовъ, когда наберется довольно пива, молока и блиновъ, оста-

навливаются на одномъ дворѣ, устанавливаютъ лавки изъ досокъ и столы. На столахъ ставятъ набранныя кушанья, и молятся подобно тому, какъ на полѣ; разница только та, что три, или четыре женщины и одинъ мужчина встаютъ на колѣни, а по окончаніи моленія хозяинъ двора подчуется стоящими на столѣ кушаньями и пивомъ. Не желающіе ѣсть трубятъ въ трубы и играютъ.

Наѣввшись и напившись, благодарятъ хозяина двора, хватая его за подолъ и ударяя по подолу кнутами, приговариваютъ: тау! тау! тау! рахмат!—спасибо. Последнее слово рахмат—татарское.

Это изгнаніе бѣсовъ продолжается до поздней ночи; если же не успѣютъ обойти всѣ дома, то оставляютъ до другаго дня. На другой день утромъ опять выходятъ на поле, на то самое мѣсто, гдѣ былъ сюрэмъ въ первый день; молодые мужчины выѣзжаютъ также опять верхомъ для скаканія. Но въ этотъ день не бываетъ моленія, какъ въ первый. Проскакавъ нѣсколько разъ, возвращаются въ деревню, гдѣ и начинается опять обрядъ изгнанія бѣсовъ изъ остальныхъ домовъ. По окончаніи говенія, какъ было описано выше, собираются въ одинъ домъ, а оттуда, наѣввшись и напившись, ѣдутъ верхомъ во весь опоръ на луга близъ лѣсу—ломать трубы. Дорогою кричатъ дикимъ голосомъ: іу! уи! уу! уа! Для уничтоженія трубъ близъ лѣса есть опредѣленный пенекъ, подбѣжавъ къ которому, разбиваютъ ихъ, и бросаютъ, говоря:—шайтаны бѣсы ушли въ лѣсъ. Затѣмъ ѣдутъ назадъ также во весь опоръ. Этимъ и кончается обрядъ сюрэма. Потомъ начинаютъ пировать въ продолженіи трехъ, или четырехъ дней.

О Б Р Я Д Ъ

изгнанія бѣсовъ у горно-Козмодемьянскихъ Черемисъ.

У горно-Козмодемьянскихъ Черемисъ обрядъ изгнанія бѣсовъ былъ назадъ тому годовъ около двадцати пяти, или тридцати, но только не лѣтомъ во время Петрова дня, а весной, на канунъ Вербнаго Воскресенія, въ Лазареву субботу.

Они не праздновали такъ, какъ празднуютъ Царевококшайскіе луговые черемисы деревни У. праздникъ сюрэмъ; не дѣлали и жертвоприношеній, подобно имъ. По мнѣнію горныхъ черемисъ, бѣсы будто бы не могутъ подходить близко къ рябинѣ, и боятся ея. Поэтому, бывало, когда черемисы оставались въ лѣсу на ночь, клали подъ голову рябиновыя прутья, и если когда случалось имъ слышать, или видѣть какое либо страшилище, тогда прибѣгали къ рябинѣ, прутья коей клали въ огонь (какъ ладонѣ).

Намѣреваясь совершать обрядъ изгнанія бѣсовъ, наканунѣ Вербнаго Воскресенія

нарочно ходили въ лѣсъ за рябиновыми прутьями. Когда мнѣ было около 10, или 14-ти лѣтъ, я и самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ нѣсколько разъ. Изъ набранныхъ прутьевъ вязали пучечки въ два, или три прута, какъ будто для наказанія кого либо, кромѣ того, чтобы сдѣлать болѣе шуму дѣлали трещетки. При наступленіи сумерекъ собирались въ самый крайній домъ на концѣ деревни. Оттуда, начиная шумѣть, кричать и вертѣть трещетками, шумною толпою ходили въ оврагъ для хлестанія рябиновыми прутьями одного стараго дерева. Отхлеставъ дерево, возвращались опять въ тотъ домъ, куда собирались до хлестанія, и потомъ уже начинали ходить по порядку въ каждый домъ и хлестать ворота и все строеніе; входили въ избу, и хлестали хозяевъ дома. Инне плуты, для озорства вымаравъ прутья грязью, били ими строенія, при этомъ кричали, у кого на сколько хватало силъ: „вляръ-вилэцъ“ т. е. съ мѣста (чтобы бѣсы убѣжали съ мѣста). Этотъ шумъ и трескотня въ ночной тишинѣ на морозѣ были слышны на большое разстояніе. При этомъ изъ каждаго дома получали по яйцу и лепешекъ, или по блину.

По окончаніи изгнанія бѣсовъ, ходили въ оврагъ и молились тамъ съ полученными лепешками и блинами. Одну лепешку и яйцо бросали въ оврагъ, со словами:

оценэ кянисыр кельтэмашвля Шургач, юл гач, тангыж гач шылын ке-эшто.

искусители враги бѣсы да бѣжать и спрячутся за (рѣку) Суру, за Волгу и за море.

Съ сими словами всё бросали изъ рукъ и рябиновыя прутья. Наѣввшись лепешекъ и яицъ, расходились по домамъ. Отъ этого времени оставшіеся рябиновые пруточки, черемисы, какъ святыню, сохраняли до другаго года, втыкая ихъ надъ дверями и окнами, чтобы бѣсы не могли къ нимъ входить чрезъ рябиновыя прутья въ домъ.

Благодаря трудамъ священниковъ и переводамъ священныхъ книгъ о. Альбинскаго, горные черемисы повидимому просвѣтились свѣтомъ христіанской вѣры, и стали жить — по христіански, стали притѣснять даже другихъ закоренѣлыхъ черемисъ. Нынѣ горно-Козмодемьянскіе черемисы, рассказывая о древнихъ своихъ обычаяхъ молодому поколѣнію, сами смѣются надъ этими обычаями, и самимъ же кажется все это весьма страннымъ и безумнымъ.

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

при важнѣйшихъ событіяхъ жизни Черемисъ.

Важнѣйшія событія въ жизни человѣка, какъ-то: рожденіе младенца, бракъ и смерть, у всѣхъ народовъ освящаются религіозными моленіями и разными обрядами, унаслѣдован-

ними отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Есть и у черемисъ молитвенныя призыванія боговъ во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ человѣческой жизни; только у Черемисъ моленія въ этихъ случаяхъ по большей части не имѣютъ характера отдѣльной религіозной церемоніи, а тѣсно связаны съ житейскими обрядами, свойственными тому, или другому случаю жизни. Религіозную часть обряда составляютъ только молитвенные приговоры иногда краткіе, а иногда длинные, при совершеніи обыкновенныхъ житейскихъ дѣйствій, какъ то: при входѣ или выходѣ извѣстнаго лица, при подачѣ или принятіи ковши пива и т. п. поэтому и въ разсказѣ объ этихъ обрядахъ чисто религіозную часть нельзя отдѣлить отъ бытовой, а приводится разсказывать все въ томъ порядкѣ, какъ что дѣлается у черемисъ въ дѣйствительности, отъ начала до конца.

Нареченіе имени младенцу.

При рожденіи младенца у луговыхъ черемисъ, кромѣ нареченія имени, особыхъ обрядовъ не бываетъ: не бываетъ ни пировъ, ни молитвенныхъ церемоній, только повивальная бабка, когда отрѣзываетъ пупокъ, съ согласія родителей, нарекаетъ новорожденному имя. Если младенецъ родится въ пятницу, которая называется по черемиски кугарня т. е. кугу-арня—большая недѣля, то и имя младенца нарекаютъ больше съ прибавкой слова кугу; если родился мальчикъ, то называютъ кугэрга—большой сынъ, если дѣвочка кугу-ѹдюр—большая дочь. Четвергъ по черемиски изярня т. е. изи арня—малая недѣля; по этому въ четвергъ родившихся называютъ или изи эргэ—малый сынъ, или изи ѹдюр—младшая дочь. Суббота по черемиски шумат кечы; по этому въ субботу родившемуся иногда даютъ имя „шумат“. Въ прочіе же дни, какіе имена заблагоразсудится, такія и даютъ. Другой пріемъ при выборѣ имени младенцу, преимущественно у некрещенныхъ тотъ, что стараются оставить въ имени новорожденного начальный звукъ имени отца, дѣда и старшихъ сыновей своихъ. Отъ этого все родство одного дома имѣетъ имена, начинающіяся съ одной буквы, или такъ сказать, сходно—звучныя. Вотъ для примѣра нѣсколько языческихъ семействъ, мнѣ извѣстныхъ: отецъ Вачокъ, сынъ его Вачи, внукъ Вайди.

Отецъ Епимъ. сынъ Епсутка, у него первый сынъ Онтропъ, 2-й сынъ Орслан, 3-й сынъ Орска, 4-й Очи.

Отецъ Микшка, первый сынъ Мичаш, 2-й Мичакъ, 3-й Мича, племянники ихъ: Миктъ, Миклай, Микла и Микыбырь.

Отецъ Онтропъ, сынъ Осипъ, его дѣти Васиньга, 2-й Васа.

Отецъ Токтауль, сынъ Токплатъ, внукъ Тойблатъ.

При нареченіи имени дѣвочкамъ тоже придерживаются перваго звука имени матерей, или бабушекъ ихъ.

У крещенныхъ черемисъ пупочное имя даютъ и христіанское, и языческое, а когда принесутъ къ священнику крестить, просятъ, чтобы священникъ далъ имя младенцу по ихъ желанію. Такъ какъ ихъ имя бываетъ или языческое, или, если и христіанское, то исковеркано такъ, что его и узнать нельзя: то священникъ, не знающій ихъ обычаевъ, нарекаетъ имя младенцу по святцамъ. Но черемисы рѣдко принимаютъ имя, данное при крещеніи; въ домашнемъ быту большею частію зовутъ новаго члена семейства своимъ именемъ, а христіанское остается только оффиціальнымъ, на бумагѣ. Оттого между черемисами встрѣчается много лицъ дву-именныхъ. Для примѣра такихъ дву-именныхъ приведу нѣсколько стариковъ изъ своего прихода. У иныхъ два имени русскихъ, у другихъ одно имя языческое, другое христіанское.

Кугэргы—Максимъ, Изэргы—Василій, Шуматъ—Михаилъ, Ветка—Григорій, Акпарсъ—Филиппъ; Кельшка—Никита, Йыбашка—Никита, Ванишка—Сергѣй, Актэршъ—Петръ, Аксыбы—Максимъ, Яшпакто—Тарасъ, Пайгашъ—Семенъ, Чукай—Яковъ; Иванъ—Романъ, Осипъ—Капитонъ, Захаръ—Прохоръ, Егорка—Романъ.

Изъ молодыхъ ребятъ двухъ-именные встрѣчаются рѣже, потому что, подъ вліяніемъ христіанства, пупочныя имена оставлять сами черемисы находятъ неудобнымъ.

О Б Р Я Д Ы

п р и б р а к ѣ Ч е р е м и с ѣ .

Дѣйствующія лица на свадьбѣ у луговыхъ черемисъ: карт, кугу-венгы, сабус, пюряш-мари, пюряш-вата, кіамат-ача, кіамат-аба, шюбурзы и тѣмбурзы.

Карт—почетное лицо изъ стариковъ, занимающее на свадьбѣ первое мѣсто. Онъ въ опредѣленные обычаемъ времена причитываетъ молитвы богамъ. Въ иныхъ мѣстахъ это лицо называютъ сюан вуѣ—голова свадьбы.

Кугу-венгы—большой-зять, предводитель жениха, или наблюдающій за женихомъ и указывающій весь порядокъ свадьбы.

Сабус распоряжающій свадебными дѣлами, отчасти и самолично, исполнительное лицо.

Пюряш-мари, пюряш-вата мужъ и жена; по пріѣздѣ къ невестѣ жениха, постоянно при ней присутствующія лица; съ ними невеста должна пріѣхать и въ домъ жениха.

Кіамат ача и аба посаженные отецъ и мать, которыхъ называютъ отцемъ и матерью

кіамата. Кіаматъ по арабски—воскресеніе мертвыхъ. По татарски кіаматлык, или кіаматче—сваха, провожающая невѣсту. Обязанность матери кіамата—обертывать волосы молодухи, надѣть на голову ея женскій уборъ, и, при раздачѣ подарковъ, вмѣстѣ съ молодухой вставать на колѣни предъ жениховыми родителями и родственниками. Новобрачные, отъ дня свадьбы всю жизнь, почитаютъ кіаматъ—отца и мать, какъ родныхъ родителей; и даже заочно никогда не называютъ ихъ по имени, а всегда отцемъ и матерью.

Шюбурзы—пузырщикъ, играющій на волынкѣ.

Тумурзы—барабанщикъ. Эти два лица въ продолженіи всей свадьбы исполняютъ должность музыкантовъ.

Всѣ вышеозначенныя лица приглашаются со стороны жениха, по родству, а большею частію по хлѣбосольству.

Бракъ, какъ важнѣйшее изъ событій въ жизни человѣка, и у Черемисъ совершается съ разными обрядами, наслѣдованными отъ предковъ, имѣющими отчасти характеръ религіозный, а чаще выражающими ихъ суевѣріе. Особой религіозной церемоніи брака у нихъ нѣтъ; но всѣ обычаи отъ сватовства невѣсты до совершенія брака соединены съ разными молитвами, благословеніями и благожеланіями, произносимыми всегда неизмѣнно одинаково. Потому и въ описаніи брака отдѣлить религіозные обряды отъ суевѣрій и обычаевъ не возможно, а приводится разсказать, что какъ дѣлается, все по порядку.

Прежде чѣмъ начать настоящее сватовство, отъ жениха посылаютъ кого либо разузнать стороною, нравится ли женихъ невѣстѣ, и какъ бы не послѣдовало обиднаго отказа. У луговыхъ черемисъ здѣшней мѣстности не заведено, чтобы ѣхали сватать невѣсту родители, или братья; а самъ женихъ беретъ съ собою одного сосѣда, какъ товарища, и ѣдетъ къ невѣстѣ. Въ кожаной сумкѣ онъ везетъ гостинцы: одинъ каравай хлѣба, одинъ тварожникъ, около пяти лепешекъ и жаренаго гуся, или утку. Заѣдутъ къ сватуну, который называется „ончыч-коштшы“—ходатай, и пошлутъ его къ родителямъ невѣсты спросить, дозволятъ ли они жениху заѣхать къ нимъ, или нѣтъ. Но родители невѣсты для приличія отказываютъ подъ предлогомъ, что они не желаютъ нынче выдавать дочь свою замужъ. Однако не смотря на ихъ отказъ, женихъ со сватунами зайдутъ къ нимъ. Женихъ и пріѣхавшій съ нимъ сватунъ, его сосѣдъ, все время сидятъ въ шапкахъ. Сватанье съ обѣихъ сторонъ происходитъ обменовенно, какъ и у русскихъ, съ различными поговорками, которыя писать нѣтъ надобности. Невѣста въ это время скрывается гдѣ либо въ сосѣдяхъ у подругъ. Если женихъ нравится родителямъ невѣсты, и дѣло идетъ къ соглашенію, сперва начинаютъ пить женихово вино; а потомъ сватунъ розыщетъ невѣсту, приведетъ ее, и заставитъ нарядиться въ праздничную одежду и пить вино.

Бываетъ и такъ, что родитель невѣсты не соглашается, но мать невѣсты и сама невѣста согласны. Въ такомъ случаѣ, безъ принужденій, невѣста нарядившись, сама входитъ въ избу, гдѣ, по предложенію сватуна, выпиваетъ сколько нибудь вина изъ рюмки въ знакъ того, что она согласна выдти за этого человѣка замужъ. Видя это, родители невѣсты скажутъ ей, что если сама избрала себѣ жениха, то пусть послѣ на нихъ не ропщеть, и затѣмъ всѣ начинаютъ пить вино. Сперва жениху и невѣстѣ даютъ по рюмкѣ вина: они встаютъ на колѣни предъ столомъ на срединѣ избы и, перемежая рюмки между собою, выпиваютъ обѣ пополамъ; потомъ начинаютъ подчивать по порядку и другихъ. Когда починаютъ привезенные женихомъ гостинцы, кто либо изъ стариковъ, стоя за столомъ, причитываетъ краткую общепринятую молитву, въ которой проситъ новонареченнымъ здоровья, спокойствія, семейнаго счастья, прибыли хлѣба, денегъ и долгой жизни. На привезенный въ гостинецъ каравай хлѣба женихъ положить денегъ, по состоянію, своему до 10-ти рублей. При сватовствѣ больше обрядовъ не бываетъ, пируютъ обыкновенно, какъ и у русскихъ, но различіе есть только въ томъ, что во все время женихъ сидитъ въ шапкѣ. Хотя и другіе сидятъ въ шапкахъ, но для тѣхъ это не обязательно, они могутъ и снять.

Когда женихъ начинаетъ собираться домой, невѣста даритъ полотенцами его и съ нимъ пріѣхавшаго сватуна—его сосѣда.

При этомъ сватовствѣ не назначается ни запросъ за невѣсту отъ жениха (калымъ), ни приданое „кузык“, которое будетъ дано за невѣстой. Черезъ нѣсколько дней жениховъ отецъ самъ ѣдетъ разузнать, какъ великъ назначаютъ за невѣсту запросъ. Новонареченные сваты тогда станутъ торговаться между собой, какъ на рынкѣ. Если за невѣсту назначаютъ дорого т. е. рублей 80 или 100, то и жениховъ отецъ спрашиваетъ много приданого: лошадей, тарантасъ на желѣзномъ ходу, корову, овецъ, женихову семейству и ближнимъ родственникамъ его каждому по рубахѣ, и для невѣсты требуютъ много одежды. Потомъ убавляютъ съ обѣихъ сторонъ по немножку, и такимъ образомъ, угощая другъ друга, торгуются нѣсколько часовъ, пока не согласятся окончательно.

Предъ свадьбой бываетъ особый сговоръ для назначенія дня свадьбы; сговоръ этотъ называется „пунчал-пумо“.

Когда настанетъ назначенный день для свадьбы, жениховы родители обыкновенно приглашаютъ сосѣдей и родственниковъ, чтобы ѣхать за невѣстой. Собравшихся гостей хозяинъ сажаетъ по порядку и обноситъ пивомъ раза по три, или по четыре, также и виномъ. Потомъ изъ почтенныхъ стариковъ кого либо приглашаетъ быть картомъ для произношенія молитвъ во время отъѣзда и пріѣзда свадебнаго поѣзда. Выбранный картъ садится за столомъ въ шапкѣ. При свадьбѣ бываетъ еще сюан-сабус т. е. распо-

рядитель свадьбы, обязанность котораго носить пиво, ходить впередъ и распорядиться кое-какими свадебными дѣлами. Еще бываетъ предводитель жениха, котораго называютъ *кугу-венге*; во время свадьбы онъ долженъ находится постоянно при женихѣ, и женихъ не долженъ отлучаться отъ него никуда; какъ предлагаемую пищу, такъ и питье предвзрительно долженъ отвѣдать *кугу-венге*, за нимъ уже и женихъ. Когда приглашенные гости соберутся всѣ, картъ, стоя въ шапкѣ, прочитываетъ краткую національную черемисскую молитву, принятую ими отъ пращуровъ, въ которой просятъ отъ *шым Йод кугу юмо*, *шым Йод кугу пуйршо*—великаго бога семи странъ свѣта, и великаго предопредѣлителя судьбы изъ семи странъ свѣта (см. стр. 11) здоровья, спокойствія, счастія, прибыли хлѣба и денегъ, благополучно сыграть свадьбу, избавленія отъ колдуновъ, порчи, отъ хищныхъ звѣрей, отъ коштановъ татаръ и русскихъ, новонареченнымъ семейнаго счастія, долгой жизни, богатства и имѣть имъ девять сыновей и семь дочерей. Во время чтенія сей молитвы картомъ, всѣ присутствующіе стоятъ съ обнаженными головами. Послѣ молитвы не хозяинъ уже угощаетъ гостей, а картъ. Не сходя съ мѣста, стоя за столомъ въ шапкѣ, онъ приглашаетъ *кугу-венге*—предводителя жениха вѣстѣ съ женихомъ, *сабуса*—распорядителя свадьбы, затѣмъ и всѣхъ прочихъ по порядку, по одиночкѣ, къ столу. *Сабусъ* приглашаемыхъ картомъ подводитъ за руку къ столу, а картъ угощаетъ ихъ пивомъ и виномъ. Когда кончится рядъ угощенія, картъ говоритъ громко, что если кого онъ обошелъ и кто остался безъ угощенія, тотъ пусть закашляетъ.

Подавши всѣмъ вина и пива, картъ обращается къ хозяину съ докладомъ, что онъ угостилъ всѣхъ. Что хозяинъ прикажетъ дѣлать гостямъ? Не угодно ли хозяину, чтобы гости поиграли и повеселились? На предложеніе карта хозяинъ прикажетъ гостямъ веселиться. Тогда начинаютъ играть на волынкахъ и бить въ барабанъ, первый пляшетъ *сабусъ*—распорядитель свадьбы, за нимъ по порядку прочіе.

Предъ тѣмъ, какъ выѣхать повѣзду за невестой, съ картомъ рядомъ садятся за столомъ почтенные старики, имъ нальютъ всѣмъ по ковшу пива; перестаютъ играть и шумѣть, сдѣлается тишина, дабы было слышно, что будетъ говорить картъ. Тогда картъ обратится къ хозяину съ слѣдующими словами:

*Ик арня ожно мемнам ѳжын улу-
да, тачат ѳжында-да, тэндан шѳдэ-
мыда почеш мэ ындэ толын улуна,
тэндан тычмаш киндодам кочкин,
тычмаш пуродамат йѳн, тэндан шю-
дэмыда почеш мэ ындэ модна. Тыдэ*

Такъ какъ приглашали вы насъ за
недѣлю раньше, приглашали и сегодня, по-
тому, по вашему приглашенію пришедши,
мы непочатаго хлѣба вашего ѣли, непо-
чатаго пива вашего пили, и по вашему
приказанію поиграли и повеселились. Такъ

киндо шынчалдам кочменгына, йѣменгына, ындэ мэмнам кушко колтэт? Мо пашам ишташ шюдэт ындэ мэланна? Шудом солаш колтэт гыня, шудом солаш кайна; тѣредаш колтэт гыня, тѣредаш кайна; чодрашко пырням руаш колтэт гыня, пырням руаш кайна; корношка колтэт гыня, корношкат кайна; керек—кушко колтэт гынят, мэ ындэ кайна.

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Мэ шукершен шонэн коштона ыле шкэнан эргыланна курумлан йоршѣ йешым налаш; шкэнан эргыланна ындэ (имя жениха) йешлан йорышо лиже манын, кангашен (тудон) ѣдюржом (имя невесты) сѣрянэн улуна; нэмнан эргыланна курмлан йорышо йешым налын кондаш тушка тэндам колтэна.

Затѣмъ начинаютъ бить въ барабанъ, играть въ пузырь и пѣть пѣсни, выйдутъ изъ избы и поѣдутъ за невестой.

Послѣ выѣзда, за столомъ оставшіеся старики, причитывая черемисскую національную молитву, испиваютъ налитого имъ пива.

Выѣхавшій за невестой поѣздъ не прямо поѣдетъ въ домъ родителя невесты, а заѣзжаетъ прежде къ сватуну. Надъ предложенными хлѣбомъ и лепешками у сватуна, по черемисскому обычаю, картъ молится богамъ, и начинаютъ пировать. Сватуна посылаютъ съ докладомъ къ родителямъ невесты. Если запросъ (калымъ) за невесту не пополненъ, то родители невесты не приказываютъ пріѣхать къ нимъ поѣзду до тѣхъ поръ, пока съ невестинными родителями не раздѣлаются. Въ продолженіи этого времени поѣзжане пируютъ у сватуна. Женихъ даритъ сватуну за хлопоты по сватовству невесты рубля 3, или 4. Попировавъ у сватуна, ѣдутъ къ невестѣ. Пріѣхавшій поѣздъ не пускаютъ прямо въ домъ невесты, но задерживаютъ у воротъ.

Сабусъ три раза сходить въ избу, и каждый разъ привѣтствуетъ домохозяина словами: сай илэда кутурэда? Тошто силаш тау.

какъ хлѣбъ соль вашу ѣли мы и пили мы, теперь куда пошлешь насъ, или что намъ теперь поручишь дѣлать? Если сѣно косить пошлешь насъ, пойдѣмъ сѣно косить; если жать пошлешь, пойдѣмъ и жать; если пошлешь въ лѣсъ бревна рубить, пойдѣмъ бревна рубить; если въ дорогу пошлешь (въ извозъ), въ дорогу пойдѣмъ; куда ни пошлешь, вотъ мы готовы ѣхать.

Издавна желали мы сыну нашему (имя жениха) на всю жизнь пригодную семью взять, а потомъ, посовѣтовавшись, засватали (у такого то) дочь (имя невесты), съ тѣмъ чтобы она пригodiлась сыну нашему на всю жизнь; а васъ посылаемъ сыну нашему на всю жизнь пригодную семью (жену) привести.

хорошо ли живете и бесѣдуете? Спасибо за старое угощеніе.

Хозяинъ отвѣчаетъ:

сай илэна кутурэна, юмолан тау; тол тышкэ.

Затѣмъ даютъ сабусу лепешку съ сырцомъ (тварожникомъ); отвѣдавъ лепешки и отдавая, онъ говоритъ:

тунар уна-шамыч дэнэ погонэн тэн-дан дэмы мэ толон улуна; тэ мемнам пурташ шонэда, али укэ?

хорошо живемъ и бесѣдуемъ, слава богу; пожалуйста сюда.

собравши столько гостей, пріѣхали мы къ вамъ; вы насъ примете, или нѣтъ?

Хозяинъ спрашиваетъ:

сай толон улуда ма? корношто ни мо сіанат лин огол ма? Имнида вургемда чыла уло, чыла тѣрюс ма? Упшдам пиждам ала корнэш йомдарэн улуда, арверда (ѣжгарда) чыла уло ма?

хорошо ли пріѣхали? не случилось ли съ съ вами какого либо несчастія на дорогѣ? лошади ваши, одежда ваша все ли цѣло? шапки и рукавицы ваши не потеряли ли на дорогѣ? всѣ ли вещи ваши цѣлы?

Сабусъ отвѣчаетъ:

нимат йомын огол чыла уло: (имя жениха напимѣръ) Николаян эргын Василин гына пижгомже шужуран'огол, иктожы йомын-да, тудлан тунары калык дэнэ тудон йомша пижгомжым*) кычалаш толын улуна, пижгомжы тэн-дан дэнэ уло ма?

ничего не потеряно, все цѣло; только у того то (имя жениха) рукавицы не пары: одна потеряна, а потому съ столькими людьми пріѣхали мы розыскать его пропавшую рукавицу; нѣтъ ли ея у васъ?

Послѣ третьяго прихода сабуса хозяинъ позволяетъ поѣзду заѣхать на дворъ; кому было поручено задержать поѣздъ въ воротахъ, тотъ получаетъ за входъ скольконибудь денегъ. Вѣѣхавшій на дворъ женихъ со своимъ предводителемъ (кугу-венге) три раза объѣзжаютъ вокругъ двора по солнцу, а вышедшая на встрѣчу жениха неvěста, съ лянтусомъ пива, когда женихъ проѣзжаетъ мимо ея, наступаетъ на слѣдъ его телѣги. Затѣмъ входятъ въ избу чинно: впередъ сватунъ, за нимъ картъ, а потомъ предводитель жениха, женихъ, сабусъ и прочіе поѣзжане. Не снимая шапокъ, хозяина привѣтствуютъ такъ:

илэмаш кутурмаш сай ма? Тошто си-

хорошо ли живете-бесѣдуете? Спасибо за

*) Или примѣнительно къ тому скажетъ какую либо другую вещь.

лан тау. Сургда поян лиже, киндэ шынчалда перкеан лиже, куда йешда, воликедә тўль-вуян лиже.

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Йора, сай кызытлан, юмолан тау; субында пужо, сай лиже.

старое угощеніе. Да будетъ домъ вашъ богатъ, хлѣбъ-соль ваши да умножаются, да будетъ семейство ваше и скотъ вашъ плодовитъ.

въ настоящее время хорошо и благополучно, слава богу, да исполнится благословеніе ваше, да будетъ хорошо.

Затѣмъ хозяинъ даетъ по порядку лепешку и сырецъ карту, пріѣхавшему со свадьбой, кугу-венге, жениху, сабусу и всѣмъ прочимъ. Когда всѣ отвѣдаютъ лепешки и сырца, тогда обносятъ ихъ всѣхъ пивомъ. Во все это время вся свадьба стоитъ на ногахъ, не снимая шапокъ. Когда всѣхъ обнесутъ пивомъ, тогда уже хозяева пріѣхавшимъ гостямъ уступаютъ мѣста: картъ садится за столъ, за нимъ кугу-венге—предводитель жениха и у конца стола женихъ. На столѣ уже стоитъ полная чашка блиновъ, заблаговременно приготовленныхъ невѣстиной подругой. Пріѣхавшіе картъ и кугу-венге молятся богамъ блинами, стоя въ шапкахъ, остальные же, которые не причитываютъ молитвъ, всѣ стоятъ съ обнаженными головами. Молитва же говорится такая:

Шым йод пуйршо поро кугуюмо! толшы уна-шамыч дэнэ, йырге погынашы пошкудо уна-шамыч дэнат прля, сай йўн кочкин сюаном сай тнысьшптанш полшо. Осал тушман-гычен, осал шинча-гычен, йылмы тытак-гычен арало, сулукошко ит пурто, сюан мари калыклан тнысьшыком пу: озан киндо шынчалан перкем пуэн мемнам йыбыртэкто.

Изъ семи странъ свѣта судьбу приводящій добрый великій божѣ! пріѣхавшимъ гостямъ, и изъ круга сосѣдей собравшимся гостямъ, помощи, хорошо попивши-поѣвши, мирно благополучно свадьбу сыграть (сдѣлать). Сохрани отъ всѣхъ колдуновъ, отъ худыхъ глазъ, отъ вредныхъ языковъ, не введи во грѣхъ. Миръ дай свадебному народу. Хозяйскому хлѣбу и соли подававши прибыль, обрадуй насъ.

Если кто умѣетъ, тотъ больше причитываетъ изъ того, что выше написано въ полпой молитвѣ. Затѣмъ пируютъ обыкновенно, поютъ пѣсни, играютъ въ пузырь, бьютъ въ барабанъ и пляшутъ.

Иные расходятся, кто куда захочетъ, къ сосѣдямъ, или знакомымъ, по приглашенію.

Предъ тѣмъ, какъ выѣзжать обратно поѣзду уже съ невѣстой, въ особой избѣ наряжаютъ молодого парня въ невѣстино платье; при этомъ со стороны жениха находится мужчина и женщина, которыхъ называютъ: „пюряш мари и пюряш вата“. Изъ прі-

Въѣхавшихъ на свадьбу со стороны жениха больше не пускаютъ никого; если кто не знавши зайдетъ случайно, у того отнимаютъ шапку и заставляютъ платить деньги за то, что вошелъ. Одѣтаго въ невѣстино платье парня называютъ „первой ѱдюор“—первая невѣста. Это дѣлаютъ для того, чтобы всѣ худые взоры и всякое колдовство злыхъ людей не подѣйствовали на настоящую невѣсту, обратилось бы ни во что; преобразовавшагося въ невѣсту парня приведетъ сватунъ въ среду гостей, и обведетъ три раза вокругъ стола невѣстинаго родителя, потомъ отведетъ назадъ въ ту избу, гдѣ находится невѣста; пришедши туда, парень снимаетъ невѣстинъ костюмъ, и отдаетъ ей самой Затѣмъ невѣста сама одѣвается, и ее поведутъ къ родителямъ. Она на отца и на мать надѣнетъ рубашки въ подарокъ, и потомъ сама садится за столъ среди ихъ, а они дарятъ ее деньгами. Въ то время поставятъ на столъ кашу, которую называютъ „корно-пучумышо“—дорожная каша. Этой каши невѣста и женихъ и вся свадьба отвѣдываютъ по немножку; затѣмъ родители скажутъ своей дочери благословеніе, послѣ чего женихъ беретъ невѣсту за руку и выведетъ. Подошедши къ тарантасу, она не садится въ него прямо, но три раза наступаетъ на подножку и каждый разъ пятится назадъ. Тогда подойдетъ къ ней „сюан-сабус“, и три раза ударитъ ее кнутомъ по спинѣ; тогда уже она садится въ тарантасъ со свахой рядомъ, а женихъ садится на козлы. Сѣвши, невѣста вынимаетъ коротенькое полотенце, которое называютъ „сап-солык“—полотенце возжей, и женихъ съ невѣстой, обернувъ полотенцемъ возжи, подергиваютъ по три раза; затѣмъ женихъ полотенце возьметъ себѣ, и выѣдутъ изъ воротъ.

Выѣхавши на поле, въ первые попавшіеся полевые ворота воткнуть иголку со словами:	
осал тушманжы, нэлэлыкшо тышакен	чтобы остались здѣсь колдовство и всякая
кодшо.	тяжесть.

Съ невѣстой пріѣхавшій тарантасъ остановится у воротъ женихова дома; на встрѣчу имъ вынесутъ лепешку и творожникъ, или коровьяго масла. Пріѣхавшіе съ невѣстой всѣ отвѣдываютъ лепешки и сыра, или масла. Затѣмъ взявъ иголку, сабусъ залѣзетъ на ворота, и воткнетъ иголку со словами:

осал тушман йынгжы пурэн инже	чтобы злые люди колдуны не могли вхо-
керт, кюртню почы лиже.	дить, да будетъ для нихъ желѣзный запоръ.

Въ это время жениховы родители съ пришедшими с ариками-сосѣдями сидятъ за столомъ. Сабусъ три раза входитъ къ жениховымъ родителямъ съ докладомъ. Въ первый разъ скажетъ:

тэндан шюдомыда почеш тунар калык	по приказанію вашему, съ столькими людъ-
дэнэ каэн, тэланда шешкылыкклан (ту-	ми съѣздивши, въ снохи вамъ вотъ мы

дон) *удюржом* кондэн улуна; шешкы-
ланда мом пуаш сореда-ындэ, тудом
колнэжо.

привезли дѣвицу (такого то) дочь; что
желаете дать будущей снохѣ вашей, жела-
тельно ей знать.

Жениховы родители посылаютъ сказать, что они даютъ ей домъ. Второй разъ входитъ *сабусъ* съ докладомъ и скажетъ, что она не соглашается на это; тогда пошлутъ сказать ей, что даютъ ей лошадь, или корову. Потомъ въ третій разъ входитъ *сабусъ* и скажетъ, что она и на это не соглашается; тогда пошлутъ сказать, что они даютъ сына своего (такого то) ей въ мужа. Когда она услышитъ, что даютъ сына, тотъ часъ же слезаетъ съ тарантаса. Чтобы ступить въ первый разъ, подъ ноги ей положить деньги и она надъ деньгами обернется три раза по солнцу. Потомъ входятъ въ избу; впередъ *кугу-венге*—предводитель жениха, за нимъ идетъ, ухвативши его подолъ, женихъ, за женихомъ, ухвативши его подолъ, идетъ невеста, а за ней, также держась за подолъ, идетъ та дѣвица, которая должна ухаживать за невестой. Вошедшіе поѣзжане по обычаю привѣтствуютъ домохозяина, а хозяинъ въ свою очередь спрашиваетъ ихъ, благополучно ли они съѣздили? Начиная отъ жениха и невесты, обнесутъ ихъ всѣхъ лепешкою, тварожникомъ и пивомъ. Затѣмъ невеста даритъ жениховымъ родителямъ по рубахѣ, которыя называютъ „*опса лондэм тувур*“—рубахи порога; т. е. первый подарокъ по вступленіи чрезъ порогъ. Жениховымъ родителямъ *сабусъ* наливаетъ по ковшу пива и, взявъ приготовленные рубахи, предъ каждымъ по три раза приподнимая говорить: саламалыком, саламалыком, саламалыком! и положить имъ рубахи на руку. Въ это время женихъ, невеста, посаженная мать—„*кіамат аба*“ и за невестой ухаживающая дѣвица, въ четверомъ, встаютъ на колѣна предъ жениховыми родителями, а они, родители, спрашиваютъ, зачѣмъ она подарила имъ рубахи. Невеста скажетъ, что почитая ихъ отцомъ и матерью, (надѣла на нихъ рубахи) подарила ихъ рубахами. Они берутъ невестины рубахи и выпиваютъ поставленные предъ ними ковши пива. Потомъ и родители нальютъ имъ пива, положить въ нихъ коп. по 20 серебряныхъ денегъ и, подавая ковши пива, говорятъ такъ: *ныллу ик тупманом йол йымакыда тошкалын, ныллу ик пором налын кынельза*.

на сорокъ одного врага-колдуна наступивши и сорокъ одно благополучіе получивши, вставайте.

Пиво они выпиваютъ на колѣняхъ и, вставши, въ ковши положенныя деньги возьмутъ и положатъ въ чашку съ хлѣбомъ, которая стоитъ на столѣ.

Послѣ сего подносятъ жениху и невестѣ въ маленькомъ блюдечкѣ лапшу, которую называютъ „*шиюргы почмо лашка*“ т. е. лапша открытія лица, потому что невеста въ жениховомъ домѣ находится до того времени подъ покрываломъ, а при этомъ открываетъ лице свое въ первый разъ. Лепешку эту женихъ съ невестой должны съѣсть одни.

Затѣмъ картъ встаетъ за столомъ, и надъ приготовленными кушаньями прочитываетъ краткую молитву, въ которой проситъ *шым йод кугу юмо, шым йод кугу пуйршо* — великаго бога семи странъ свѣта, великаго предопредѣлителя судьбы изъ семи странъ свѣта (см. на стр. 11) сошедшимся молодымъ людямъ дать здоровье, спокойствіе, прибыль семейства, дать имъ девять сыновей и семь дочерей, размноженіе скотины, неистощимую прибыль хлѣба, прибыль денегъ, неистощимаго богатства; проситъ долгой жизни молодымъ, съ семидесяти семью друзьями наслаждаться и т. д. какъ въ прочихъ молитвахъ. Во время чтенія этой молитвы, картъ стоитъ въ шапкѣ, а остальные съ обнаженными головами; при каждомъ оборотѣ рѣчи карта, всѣ повторяютъ: амен, амен. По прочтеніи картомъ молитвы, сабусъ на столъ поставленные блины разрѣзываетъ крестообразно, на четыре части; изъ двухъ блюдовъ возьметъ по три куска и поднесетъ жениху и невестѣ, а затѣмъ прочимъ присутствующимъ.

Послѣ того, посаженная мать — *кіамат аба* невесту ведетъ въ клѣтъ надѣвать на голову женскій уборъ. Этотъ уборъ въ нашихъ мѣстахъ называютъ „шымакшо“, въ другихъ мѣстахъ другой формы уборъ „шарпан нашмак“, или „чубыла“. Головной нарядъ замужнихъ женщинъ, въ разныхъ мѣстахъ называемый различно, имѣетъ и различную форму, которая живущимъ въ средѣ черемисъ, конечно, извѣстна. Сверхъ шымакша на голову молодухи надѣваютъ красную шапку съ лисьей опушкой, которую называютъ „рыбыжь упш“ — лисья шапка. Какъ только надѣнуть на голову молодухи женскій уборъ, первымъ долгомъ она въ этомъ уборѣ идетъ за водой въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ. Пришедши къ роднику, бросаетъ въ него три зерна бисера, говоря такъ:

мыйлан эм кошташэм эрыкан лиже,	ходить мнѣ (за водой) да будетъ спокойно,
осал инжэ-пиж.	да не пристанетъ зло.

Затѣмъ обдарить бисеромъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя пришли съ ней за водой. По возвращеніи оттуда, изъ принесенной воды варить лапшу. Когда лапша будетъ готова, ѣсть ее начинаетъ за ней ухаживающая дѣвица, посаженная мать, сама молодуха и женихъ; потомъ подчуютъ всѣхъ присутствующихъ молодыхъ людей, пока не кончатъ всю. Первой лапшой молодухи не подчуютъ стариковъ, не заведено. Этой лапшой заканчивается дѣвичья жизнь молодой. Вслѣдъ затѣмъ молодыхъ съ пивомъ, разными кушаньями, и пляской и разной домашней музыкой отводятъ въ особую клѣтъ, гдѣ и запираютъ на $\frac{1}{2}$ часа, или на часъ ¹⁾. При этомъ также соблюдается не мало разныхъ порядковъ унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Заключение новобрачныхъ въ клѣтъ у Черемисъ не имѣетъ того значенія, какъ у Русскихъ. Супружескія отношенія между новобрачными начинаются не ранѣе трехъ дней послѣ свадьбы, а часто и гораздо позже. Точно также въ средѣ Черемисъ никогда не бываетъ всенародныхъ скандаловъ,

По возвращеніи молодыхъ изъ клѣти съ посаженной матерью и съ *сабусомъ*, принесутъ пригвоенныя молодухой для подарковъ рубахи и полотенца, и начинаютъ дарить кого слѣдуетъ. Тѣ, которые должны получить подарки, сидятъ за столомъ чинно, а *сабусъ* наливаетъ имъ всѣмъ по ковшу пива. Предъ каждымъ по три раза приподнявъ подарокъ, *сабусъ* говоритъ: саламалыком, саламалыком, саламалыком! и кладетъ на руки каждому, кому что приготовлено: ближайшимъ родственникамъ жениха—отцу и матери (родители жениха вторично получаютъ) по рубахѣ, братьямъ и сестрамъ по рубахѣ, а остальнымъ по полотенцу. Молодые, посаженная мать ихъ (*кіамат-аба*), и за невѣстой ухаживающая дѣвица четверо встаютъ на колѣни. Съ подарками сидящіе за столомъ спрашиваютъ ихъ, за что ихъ молодая подарила? Родителямъ жениха она отвѣчаетъ, что почитая ихъ отцемъ и матерью подарила. Братьямъ и сестрамъ жениха отвѣчаетъ, что почитая ихъ братьями и сестрами подарила имъ. Потомъ спросятъ ее, чистосердечно ли подарила, не будетъ ли требовать обратно? На это отвѣчаетъ она, что подарила чистосердечно и требовать обратно не будетъ. Жениховы родственники, получивъ подарки, выпиваютъ предъ ними поставленное пиво, а потомъ сами наливаютъ пива въ ковши, положить въ нихъ по серебряной монетѣ, и подносятъ молодымъ со словами:

ныллу ик тушманон йол йымако тош-
калон, ныллу ик пором налын, кы-
нилза.

сорокъ одного колдуна врага подъ ноги
поправши, (наступивши), и сорокъ одно
блага получивши, вставайте.

Молодые, посаженная мать ихъ, и за молодухой ухаживающая дѣвица, выпивъ поданные имъ ковши пива, встаютъ, а деньги кладутъ въ хлѣбную чашку. Затѣмъ дарятъ полотенцемъ *сабуса*, пузырьщика-музыканта и барабанщика. Полученными полотенцами и рубахами утирая лице свое, они говорятъ:

индэш эрган, шым ѳдюран индэш
шешкан кужу куруман лишто.

да будутъ имѣющими девять сыновей и
семь дочерей, девять снохъ, и долголѣчны.

Подарками отъ молодухи оканчивается свадебная церемонія. Далѣе слѣдуетъ обыкновенная пировня, долѣе или короче, смотря по средствамъ жениха. По окончаніи пира, у крещеныхъ черемисъ женихъ и невѣста ѳдутъ вѣнчаться. Если женихъ живетъ не далеко отъ церкви, то вѣнчаются по принятіи невѣсты въ домъ; иногда случается и такъ, что вѣнчаются заблаговременно до свадьбы.

Примѣчаніе. Я описалъ такую свадьбу, при которой соблюдается приличіе и по-

если сдѣлаются извѣстны дѣвичьи грѣхи новобрачной (что бываетъ рѣдко): дѣло оканчивается семейно, безъ шума.

рядокъ. Бываютъ и такія свадьбы, когда, женихъ и невѣста другъ другу понравятся, но родители невѣсты на такой бракъ не согласны. Въ такомъ случаѣ невѣста, проводивъ свою одежду при помощи сосѣдей, убѣгаетъ къ жениху тайкомъ отъ своихъ родителей. Въ домѣ жениха съиграютъ свадьбу, надѣнутъ на голову бѣглянки¹⁾ шымакшо, или шарпан, и потомъ извѣщаютъ ея родителей. Новые сватья сперва побранятся, и потомъ помирятся. Жениховъ отецъ уплачиваетъ „калым“, невѣстины родители выдадутъ приданое, и начнутъ пировать вмѣстѣ. Но этотъ пиръ бываетъ гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ при открытой свадьбѣ. Это такъ называемая краденая свадьба. Кража невѣсты бываетъ двухъ родовъ. Или дѣйствительно возьмутъ невѣсту противу желанія ея отца (прежде бывало, что и противъ желанія невѣсты; теперь это вывелось); въ этомъ случаѣ между двумя домами дѣйствительно на короткое время бываетъ вражда, всегда, впрочемъ, кончающаяся примиреніемъ. Или, въ нынѣшніе года при обѣдненіи народа, родители жениха и невѣсты съ намѣреніемъ закрываютъ глаза на дѣйствіе дѣтокъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ избѣжать очень чувствительныхъ расходовъ на пиры, если бы исправлять свадьбу открыто.

Нѣкоторыя отличія въ свадебныхъ обрядахъ у горно-Козмодемьянскихъ Черемисъ.

Козмодемьянскіе крещенные черемиса въ настоящее время оставляютъ многія языческія вѣрованія и унаслѣдованные отъ пращуровъ обычаи. Съ принятіемъ христіанскаго образа жизни и внѣшней обстановки, у нихъ многое перемѣнилось. Порядокъ гостепріимства и музыка болѣе сходны съ русскими крестьянскими обычаями: въ настоящее время въ праздники и на свадьбахъ на волынкахъ они играютъ мало, а больше на скрипкѣ и на гармоніи. У Козмодемьянскихъ черемисъ свадебные обряды почти тѣ же были, что и у луговыхъ. Обряды эти и въ настоящее время не совсѣмъ искоренились, но только у нихъ не было причитыванія молитвъ отдѣльнымъ лицомъ—картомъ. Когда же молились, то молитвы причитывали всѣ вмѣстѣ. Лице, занимающее мѣсто карта, называлось у нихъ *сюан-вуй*—голова свадьбы; и у луговыхъ черемисъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карта замѣняетъ—*сюан-вуй*. Мѣсто сабуса занимаютъ у горныхъ два лица, коихъ называютъ „ор-вингы“.

¹⁾ При этомъ нужно замѣтить, что тайкомъ убѣгаютъ отъ родителей замужъ дѣвицы не развратной жизни, но честныя и цѣломудренныя, такъ какъ у черемисъ здѣшней мѣстности издавна ведется такъ выходить замужъ, а потому это у нихъ не считается за позоръ. У черемисъ цѣломудріе сохраняется болѣе, чѣмъ у русскихъ; у черемисъ нѣтъ развратныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ здѣшнемъ обществѣ, состоящемъ изъ 9-ти починковъ, въ 15-ть лѣтъ былъ только одинъ несчастный случай, что дѣвица родила до замужества, и то послѣ смерти матери, потому что была безъ надзора.

У нихъ есть также „кого-вингы“—предводитель жениха, и за невѣстой ухаживающая дѣвица *ѹдрь-кудынь*“. Но только нѣтъ посаженной матери (*кіамат-аба*—для обвертыванія головы молодухи), и ея названнаго мужа *кіамат-ача*. Голову молодухи у Козмодемьянскихъ черемисъ обертываетъ сопровождающая сваха, ея же старшая сестра, или сноха, которая не считается матерью какъ у луговыхъ черемисъ, а остается безъ особаго значенія.

Для принятія свадебнаго поѣзда ставится у нихъ среди двора столъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ лавками изъ половыхъ досокъ; это мѣсто называется „*шимлык*“. Вслѣдствіе стеченія множества народа, приѣзжающихъ за невѣстой гостей никогда не принимаютъ въ избѣ; даже и зимой всегда принимаютъ въ „*шимлык*“.

На свадьбу приглашаютъ *ор-вингы*, которые ѣздятъ верхомъ съ пѣснями; являясь въ домъ, они привѣтствуютъ хозяевъ словами „*саламалыком*“! Потомъ причитываютъ хозяевамъ приглашеніе на свадьбу такъ:

Николай Иванын эргыже Петр,
Василій Данилан ѹдржым Марфам
сѹрясен. Сюан калыклан кочкаш, йѹ-
аш пушын кошташ ситѣно срам ям-
долэныт, алдор доно йѹаш ситыпо
аракам ямдылэныт. Шоношыжо сюа-
нышка цыла мишто манын, ѹжаш
колтэныт ылэ.

Ивана Николаевича сынъ Петръ за-
сваталъ себѣ Данила Васильевича дочь
Марфу. Для свадебнаго народа приготовили
они ѣсть и пить; пива (наварили), мож-
но плавать въ лодкѣ, вино можно пить
большимъ ковшомъ. Послали насъ звать
для того, чтобы желающіе всѣ приѣхали на
свадѣбу.

Не слѣзая съ лошадей, дружки (*ор-вингы*) объѣзжаютъ всѣ дома, изъ которыхъ поручено хозяиномъ приглашать гостей на свадьбу. Затѣмъ собравшіеся поѣзжане обыкновенно, какъ у луговыхъ, попиrowsавши и повеселившись въ домѣ жениха, ѣдутъ за невѣстой прямо въ домъ ея родителей. У горныхъ черемисъ за невѣстой ѣдутъ даже и не приглашенные на свадьбу, а всѣ желающіе, такъ что наберется иногда поѣзжанъ—телѣтъ 30, или 40. Приѣхавшіе къ воротамъ невѣсты, по обычаю, задерживаются у воротъ около часа, а въ это время веселятся, поютъ, пляшутъ, барабанятъ и играютъ на волынкахъ. Первый пляшетъ *ор-винга* (дружка), а за нимъ прочіе по порядку. За входъ свадьбы на дворъ, какъ и у луговыхъ, дружка платитъ деньги. Когда отворятъ ворота, въѣхавшая свадьба объѣзжаетъ по двору вокругъ „*шимлыка*“ три раза по солнцу, играя на волынкахъ съ барабаннымъ боемъ и съ пѣснями. Въсподшіе въ *шимлык*, поѣзжане сидятъ до тѣхъ поръ на лавкахъ, пока хозяинъ не угоститъ и не накормитъ ихъ, занимаясь разговорами. По обычномъ угощеніи, глава свадьбы—(*сюан-вуй*) посылаетъ дружку къ

хозяину съ ковшомъ пива за разрѣшеніемъ веселиться. По полученіи отъ хозяина позволенія, снова начнутъ играть на волыкахъ, барабанить, пѣть пѣсни и плясать по череду мужчины и женщины.

У Козмодемьянскихъ черемисъ за невѣстой пріѣхавшіе поѣзжанае, въ сравненіи съ луговыми, у невѣсты пируютъ не долго: часа чрезъ четыре сватья со стороны невѣсты запрягутъ лошадей и станутъ класть ея имущество. Тогда тронутся всѣ и такимъ же образомъ, какъ и по пріѣздѣ, объѣхавъ по двору вокругъ „пилыка“ три раза по солнцу съ пѣнями и музыкой, выѣдутъ со двора обратно.

Въ продолженіе всего этого времени невѣста остается подъ покрываломъ, и къ жениху ѣдетъ также закрытою. Въ домѣ жениха, чтобы принять ее, стелятъ войлокъ, а на него кладутъ или серебряную монету, или какія либо женскіе наряды, обвѣшанные серебряными монетами, чтобы въ первый разъ наступить ей на серебро. Придерживающіеся старинныхъ черемисскихъ обычаевъ Козмодемьянскіе черемиса, по пріѣздѣ къ жениху, предъ принятіемъ пищи и питья также молились по языческому обычаю, какъ и луговые. Что дѣлается на ихъ свадьбѣ, я не описываю подробно, потому что все видно изъ описанія луговой черемисской свадьбы. Перехожу прямо къ раздачѣ невѣстою подарковъ.

Когда обвертятъ голову молодухи женскимъ уборомъ, который называется у нихъ шарпан-нашмак, она даритъ жениховымъ родителямъ, будущимъ братьямъ и сестрамъ по рубахѣ, а дальнимъ родственникамъ по полотенцу, или аршина по 4—5 холста. Какъ и у луговыхъ черемисъ, получающіе подарки всѣ сидятъ за столомъ чинно. Со стороны невѣсты свать и сваха нальютъ имъ по ковшу пива, поставятъ предъ ними, и положить имъ всѣмъ подарки на руки, кому что назначено. Невѣста со свахой предъ жениховыми родителями и родственниками, поклонившись, лежатъ ницъ лицомъ, а свать отъ лица молодухи каждому говорятъ такъ:

Тамдан у шешкыда манэш: автан мурумешкы кунчалам шыдрэн-шыдрэн, юд оем кюрын кюрын толашэн, минерым иштэн, тѣрлэн и ургэн толашэн тугрм иштэн тямдам опимдэ-пам ындэ, миньн. Чиктомы тугрэм яратэн налыда, али укэ, келесыда? Ак-яра манын келесыш ата-тошт гыня, хотъ кахралтода ыле, манэш.

Новая невѣстка вапа говоритъ: до пѣнія пѣтуховъ старательно прывши кудель, ночной сонъ отгоняя, старательно сдѣлавъ новины, вышивавши старательно и сшивъ (сдѣлавъ) эти рубахи, надѣвъ на васъ я теперь обѣлила васъ. Примете ли съ любовію мною надѣтыя рубахи, или нѣтъ, скажите,—говоритъ она. Если не осмѣлитесь сказать, что они не удобны, то хотя кашляните.

Тотъ, кого свать спрашиваетъ отъ лица молодухи, отвѣчаетъ:

Тугр яжо, миниланэм яра. Юмо кужу курумым пужа нунолан; поян лиштэк ронгыж вуян, ронгыжъ пондашан лимешкышто, минергыня ошешкошто илэшто; тыдэ тугрышто маняра шырта пырца уло, тунара и ылышто; шым эрган, шым удран, шым пешкан лишто; унукаштон унукаштом ужаш шошто.

Рубаха хороша, мнѣ ладно. Да дасть имъ богъ долгую жизнь, да будутъ богаты, да доживуть до сѣдыхъ волосъ и до сѣдой бороды; какъ холстъ бѣлъ, до такой бѣлизны (сѣдины) да доживуть: сколько въ этой рубахѣ нитокъ, столько годовъ пусть проживуть; да будутъ имѣющими семь сыновей, семь дочерей и семь снохъ, да достигнуть видѣть отъ внуковъ внуковъ.

Потомъ еще отъ лица молодухи спрашиваетъ свать такъ:

У пешкыда манэш: тямдам почи-таен, тугрым чиктэн, тямдам опемто-ным ындэ; миним жеплэн магаа кужыком пуаш шонэда?—колнэм ыле, манэш. Имним пуаш сѣреда, али никалым пуаш сѣреда, али шарыком пуаш сѣреда, али комбом пуаш сѣреда, али лудом пуаш сѣреда, али цывым пуаш сѣреда, мам пуаш сѣреда ындэ? келесыда ыле, манэш.

Новая невѣстка ваша говорить: почитая васъ, надѣвши рубахи, я теперь обѣлила васъ; а вы какими отдарками желаете меня почтить?—теперь желательно бы мнѣ слышать, говорить. Желаете ли отдарить лошадыю, или желаете отдарить коровой, или желаете отдарить овцой, или желаете отдарить гусемъ, или желаете отдарить уткой, или желаете отдарить курицей, чѣмъ желаете отдарить?—сказали бы теперь.

Такимъ порядкомъ отъ лица молодухи свать распроситъ по одиночкѣ всѣхъ. Если женихъ единственный сынъ у отца, родители скажутъ, что доставятъ все имѣніе, а если дѣтей много, то назначаютъ изъ строеній и скотины поименно, что даруютъ новобрачному сыну. Остальные получившіе подарки, общають что либо изъ скотины. Затѣмъ поставленные ковши пива выпивають, и молодая со свахой встають.

По раздачѣ подарковъ пируютъ обыкновенно: поютъ пѣсни и пляшутъ подъ звуки волыпки и барабана. Когда сопровождавшіе сватя уѣзжаютъ обратно домой, молодуха даритъ братьямъ и замужнимъ сестрамъ своимъ по рубахѣ, прочимъ же по полотенцу, и затѣмъ провожаетъ обыкновенно.

На другой день свадьбы утромъ пошлуть молодухку за водой, въ сопровожденіи за ней ухаживающей дѣвицы. Пришедши къ колодцу, она бросаетъ въ него копѣчную

монету, для того чтобы *мать воды*, или *вюдь водыжъ*—духъ воды не причинили ей никакихъ болѣзней. Принесши воду, она сварить первую лапшу на молокѣ, которую называютъ *шышеран* *ляшкѣ*—молочная лапша. Ёсть лапшу эту приглашаютъ сосѣдей и родственниковъ своихъ. За лапшу кладутъ молодущкѣ деньги, богатые родители по серебряному рублю, остальные—кто сколько можетъ. (У луговыхъ же черемисъ эта лапша варится въ первый день свадьбы, и молодущкѣ не кладутъ денегъ за лапшу).

Похоронныя языческіе обряды.

Когда старикъ, или старуха, находятся при смерти, дѣти обыкновенно просятъ, чтобы умирающій сказалъ свое благословеніе, или доброжеланіе дѣтямъ и внукамъ. Послѣ смерти омываютъ покойника и гробъ дѣлаютъ также, какъ и у русскихъ, только съ одного бока дѣлаютъ покойнику окно т. е. квадратное отверстіе величиною вершка въ $1\frac{1}{2}$. Одѣваютъ покойника въ чистую одежду и обуваютъ въ новые лапти. Когда покойника кладутъ, то называя его по имени, говорятъ такъ: „верет шокшо лиже—мѣсто твое да будетъ теплое“. Покрываютъ его холстомъ, и на холстъ кладутъ шелковыя, или шерстяныя нитки длиною во весь ростъ, со словами: *люнгалтошетлан лиже*—да будетъ тебѣ для качели. Снохи, родственницы и сосѣдки покойника приносятъ каждая отъ себя холста, по $\frac{1}{2}$ арш. примѣрно, и кладутъ на лице покойника со словами:

Иыван кугузай (или кочай), тѣбе
ындѣ тыдѣ шюрго леведышетлан лиже!

Дядюшка Иванъ (или дѣдушка), вотъ
это да будетъ покрываломъ лица твоего!

Потомъ ставятъ свѣчи на краю гроба и къ порожней чашкѣ, нарочно въ честь покойника поставленной. Взявъ блины, которые пекутся по этому случаю, каждый отъ себя бросаетъ крошечками въ чашку со словами:

тыдѣ мѣлла тыйланѣт шужо, кочдѣ
йфудѣ шужен ит-кошт...

блинъ этотъ да дойдетъ до тебя, не ходи
не ѣвши и не пивши, голодая.

Примѣчаніе. Это причитыванье довольно длинно, и повторяться будетъ много разъ съ небольшими измѣненіями. Здѣсь будутъ печататься только тѣ фразы, которыми это причитываніе соединяется съ какимъ либо дѣйствіемъ, а въ полномъ составѣ оно помѣщено будетъ при описаніи общаго поминовенія покойниковъ.

Если есть пиво и вино, также по немножку выливаютъ изъ ковша въ чашку съ тѣми же словами. О прощеніи грѣховъ и о водвореніи со святыми вовсе не молятся.

Когда всё помянутъ блинами, тогда вынеши поставятъ гробъ на телѣгѣ, и подергивая за подолъ покойника, говорятъ:

шке дэнэт прля піалэтом палын ит-
кай; мэланна піалэтом кодо.

счастье твое не увози съ собою; оставь
намъ счастье свое.

Предъ выѣздомъ на томъ мѣстѣ, откуда должны тронуться въ путь съ покойникомъ, рѣжутъ курицу со словами:

тыдо вюръ дэнэ шке вюретом азырэн
гычен сулэн лук.

этою кровью выкупи свою кровь отъ смер-
ти.

Если покойникъ крещеный, то его сперва везутъ въ церковь отпѣвать, а язычника прямо на языческое кладбище. Когда, по отпѣтіи священникомъ, привезутъ покойника на кладбище, предъ тѣмъ какъ спускать въ землю надѣвають на покойника шапку, рукавицы, въ пазуху положить куска три блиновъ, и бросятъ въ могилу копѣйку со словами: тыдэ окса мландом налашет лиже—деньги эти пусть будутъ тебѣ на покупку земли. Потомъ на веревкахъ, для этого нарочно свитыхъ, спускаютъ покойника со словами: верет шокпю лиже—мѣсто твое да будетъ тепло. Когда поставятъ гробъ на мѣсто, то, три раза тѣми же веревками немножко приподнимая и опуская гробъ, говорятъ: ит-люд, ит-люд, ит-люд!—не бойся, не бойся, не бойся! и веревки бросаютъ туда же. Когда начнутъ зарывать покойника, сперва бросая черной земли съ верхняго слоя, говорятъ такъ: шем ракет лиже—да будетъ тебѣ черная земля, и зарываютъ обыкновенно. Лопаты, которыми рыли и зарывали могилу, оставляютъ тамъ же. Уходя домой, дотрагиваются руками до могилы и говорятъ:

нэлыжо тошто колошо-шамычлан ли-
же, тыйланэт ынже ли.

тяжесть (земли) да будетъ на древнихъ
покойникахъ, а не на тебѣ.

По возвращеніи съ кладбища, телѣгу, на которой возили покойника, оставляютъ на три дня на улицѣ у воротъ. Стружки и щепки отъ гроба бросаютъ въ оврагъ.

По возвращеніи домой съ похоронъ поминаютъ его вышеописаннымъ же образомъ блинами и виномъ. Сосѣдямъ и родственникамъ своимъ, которые были на похоронахъ, раздаютъ всемъ по копѣйкѣ. Когда ѣсядятся обѣдать, въ честь покойника кладутъ въ маленькую чашку по немногу всего того, что сами ѣдятъ, и ставятъ ее въ сторону. Это продолжается до 40 дней, при каждомъ завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ.

Поминки покойника въ 3-й, 7-й и въ 40-й день.

Поминовеніе покойника дѣлаютъ въ 3-й, 7-й и 40-й день. Поминая въ третій

день, ставить три свѣчи, въ седьмой день семь свѣчь, а въ сороковой день четыре свѣчи.

Для поминовенія въ 40-й день варятъ пиво, покупаютъ вина ведра два, а богатые и три; рѣжутъ барана, либо овцу, а одну курицу обязательно, и приглашаютъ всѣхъ родственниковъ и сосѣдей. Въ тотъ день, въ который должны совершать сорокодневныя поминки около заката солнца ѣдутъ на могилу приглашать покойника: положить на телѣгу для покойника подушку, возмутъ каравай хлѣба или блиновъ, и бутылку вина. Приѣхавши на кладбище, поминая покойника, въ честь его отламываютъ хлѣба крошечками, и кладутъ на его могилу, также и вина поливаютъ по немножку со словами „шу-жо“ — да дойдетъ до тебя.

Потомъ приглашаютъ покойника на поминки такъ:

тѣйн ындэ ныллу пайрамет шун; пайраметлан ми ындэ. Кочай, кубабай, кугузай и кубай-шамыч чыла лиза. Кіамат вуйлык, кіамат тѳрл, кіамат сабус пайрамошкожы тудом колгоза ындэ, пайрамошкожы шкеат прл лиза.

вотъ насталь сороковой твой праздникъ; приходи на свой праздникъ. Дѣдушки, бабушки, дядюшки и тетуски и родственники всѣ приходите. Начальникъ того свѣта, судья и распорядитель того свѣта отпустите его на его праздникъ, и сами на его праздникъ приходите вмѣстѣ.

Когда ѣздившіе возвращаются домой, по принятому обычаю, кто либо изъ семейства выходитъ встрѣчать покойника, а тѣ, которые ѣздили на могилу, говорятъ: вотъ мы привезли въ гости того то, (называютъ по имени покойника), а вы встрѣчайте его, позовите въ избу. На встрѣчу вышедшій, называя по имени покойника, говоритъ:

ныллу пайраметлан тол, пѳртышко пу-ро, ныллу пайраметом ындэ иштэна.

приди на сороковой твой праздникъ, войди въ избу, вотъ мы дѣлаемъ сороковой твой праздникъ.

Потомъ взявъ подушку, внесетъ ее въ избу, и положить на то мѣсто, гдѣ должны быть поставлены посуды въ честь покойника, и затепливаетъ свѣчи. Когда кладетъ подушку на лавку, говоритъ:

Тэве ындэ, йыван кугузай, мэ тѣйн ныллу пайраметом иштэна; тол ындэ тышкы, тѣдэ кыпчык ѳмбалан шыч, уна ли, тѣдэ пайрам тѣйланэт

Дядюшка (или дѣдушка) Иванъ! вотъ мы дѣлаемъ твой сороковой праздникъ, вотъ поди сюда, садись на эту подушку, будь гость, этотъ праздникъ да дойдетъ

шужо, суап лиже тыйланэт, мамыр-
лыкышто илает лиже тыйланэт.

Когда все приглашенные гости и сосѣди соберутся, къ поставленнымъ въ честь покойника посудинамъ присядетъ одинъ изъ опытныхъ стариковъ, какъ картъ, причитывать поминовение. Прилѣпивъ свѣчи къ порожней чашкѣ, или къ полѣнцу нарочно положенному, и зажигая свѣчи, этотъ старикъ говоритъ такъ:

Алексѣй кугузай, (или кочай)!
тэве тыйн ныллу пайраметом иштена,
тыйланэт кугу ши сортам чѣктэна,
тыдэ сорта тыйланэт шужо, пычке-
мыш тѣнят (сандалыкет) тыйланэт
волгодо лиже, тыйланэт суаплик ли-
же, мамырлыкышто илэ.

до тебя, да будетъ тебѣ блаженство, и жить
тебѣ въ удовольствіи.

Дядюшка, или дѣдушка (смотря по
возрасту умершаго) Алексѣй! вотъ теперь
мы дѣлаемъ сороковой твой праздникъ,
ставимъ тебѣ большую серебряную свѣчу,
свѣча эта да дойдетъ до тебя, темный
міръ твой да будетъ тебѣ свѣтлымъ, да
будетъ тебѣ блаженство, живи въ удоволь-
ствіи.

И прочимъ прежде умершимъ родителямъ, родственникамъ и сосѣдямъ также ставятъ свѣчи, думая, что они пришли на его сорочины. Причитывающій старикъ, обламывая и бросая по крошечкѣ блины въ чашку, и наливая по немножку пива и вина, повторяетъ тѣ слова въ другой разъ и называя по имени покойника, прибавляетъ:

тэве ындэ тыйн ныллу пайраметом
иштэна, тыдэ си кочкиш йѣш тый-
ланэт шужо, кочкашет йѣашет шуко
лиже, суап лиже тыйланэт, мамырлы-
кышто илэ.

вотъ теперь мы дѣлаемъ сороковой твой
праздникъ, это угощеніе—пища и питье—да
дойдетъ до тебя, ѣсть и пить тебѣ да бу-
детъ много, да будетъ тебѣ блаженство,
живи въ удовольствіи.

Послѣ его причитыванія, и другіе присутствующіе, также причитывая, поминаютъ. Раскрошиваютъ крошечками курятину и яица, и кладутъ съ тѣми же словами; оставшимися отъ поминовения блинами и куратиной обносятъ всехъ, и когда все отвѣдаютъ, ставятъ ихъ на столъ.

Сосѣди также несутъ отъ себя на сорочины блиновъ, бутылку вина, нѣкоторые вареную курицу. Причивающій, принимая принесенныя ими кушанья и вино, говоритъ такъ:

тэве пошкудэт (имя принесшаго) тыйм
пагалэн, тыйм йоратэн, си кочшым
кондэн; тыдэ си кочкиш тыйланэт
шужо и т. д.

вотъ сосѣдъ твой (имя принесшаго), почи-
тая и любя тебя, принесъ угощенье-ку-
шанье; это угощенье-кушанье да дойдетъ
до тебя и т. д.

Потомъ и тѣ, которые принесли кушанья, сами также поминаютъ, а послѣ поминавешя всѣхъ обносятъ, чтобы отвѣдали, а затѣмъ принесенныя кушанья и вино ставятъ на столъ. Во время этихъ причитываній покойнику играютъ на гусляхъ, или на волынкахъ, но не пляшутъ и пѣсенъ не поютъ.

Когда помянутъ всѣ, и поставленныя свѣчи догорятъ, берутъ чашку покойника съ набросанными разными кушаньями, лянгусъ пива, бутылку вина, и съ пѣснями играя въ пузырь, всѣ выйдутъ на дворъ. Дойдя до забора, или до стѣны амбара, бросаютъ ту чашку, и называя покойника по имени, говорятъ:

тыдэ си—кочкаш йѹш тыйланэт шу-
жо; кочдэ йѹдэ шужен ит копт, и
кочкашет. йѹашет шуко лиже; суаплы-
кошто, мамырлыкошто илэ...

это угощенье пища и питье да дойдетъ до
тебя; не ходи не пивши не ѣвши, пищи и
питья у тебя да будетъ много, живи въ
блаженствѣ и удовольствіи...

При этомъ поминаютъ и прочихъ прежде умершихъ родителей и родственниковъ, думая, что и они пришли на сороковой праздникъ недавно умершаго. Потомъ просятъ начальника кіамата—того свѣта судью и сабуса—распорядителя о томъ, чтобы они поминаемаго покойника держали бы крѣпко, не отпускали бы домой пугать живыхъ домашнихъ, или дѣлать какой либо вредъ имъ.

Вынесенную чашку ломаютъ на томъ мѣстѣ; а пиво, выливши въ честь покойника изъ лянгуса по немножку нѣсколько разъ, допьютъ сами и лянгусъ ломаютъ. Съ бутылкой вина поступаютъ также.

Въ то время, когда всѣ выйдутъ провожать покойника, кто либо, назначенный покойникомъ предъ смертію, наряжается въ его одежду. Взявъ съ перекладки тихонько для этого нарочно приготовленную праздничную одежду и рубаху покойнаго, вышедши на дворъ, онъ одѣнется въ нихъ и будетъ изъ себя представлять на поминки пришедшаго покойника. Провожавшіе покойника войдутъ всѣ въ избу, а онъ останется на крыльцѣ. Тѣ, называя его по имени покойника, нѣжнымъ голосомъ приглашаютъ его такъ:

ой йыван кугузай! паїрамышкет тол-
нат улмаш; тол, пѳртошка пуро мем-
нан дэнэ прля йѹаш; умалэн эр-дэнэ
кай.

ой дядюшка Иванъ! ты уже пришелъ на
свой праздникъ, пойдика взойди въ избу
съ нами пировать; ночевавши, уйдешь за-
втра утромъ.

Выйдутъ на встрѣчу ему всѣ, зовутъ, а онъ упрямится неидетъ; вынесутъ вина и пива, и подчуютъ въ сѣняхъ; когда онъ войдетъ въ избу, посадятъ его на первое мѣсто. Всѣ станутъ его звать именемъ покойника; если же жива жена покойника, она будетъ

звать его своимъ старикомъ, а дѣти покойника—отцемъ. И онъ отъ лица поминаемаго покойника, будетъ дѣтей умершаго называть дѣтьми своими, и жену—своей женой. Играютъ на волынкѣ, или на гусляхъ, и представляющаго собою покойника—старика позовутъ плясать, говоря такъ:

тѣйн ныллу пайрамет; шке ныллу пайрамыштѣт первой шке кушто.	твой сороковой праздникъ; на своемъ сороковомъ праздникѣ сначала самъ пляши.
---	---

Тотъ выйдетъ плясать, но пляшетъ не такъ, какъ живые, а иначе, только обернется три раза по солнцу. За нимъ и другіе станутъ плясать по череду, какъ обыкновенно у нихъ ведется и на прочихъ праздникахъ, и будутъ пѣть пѣсни. Предъ каждымъ принатиѣмъ пищи и питья непременно поминаютъ покойника вышесказанными словами. Пропировавши почти всю ночь, переряженный снимаетъ съ себя одежды умершаго, и этимъ заканчивается обрядъ поминокъ въ 40-й день.

Когда дѣлаютъ сорочины по молодымъ ребятамъ и дѣвочкамъ, то никто не наряжается въ ихъ одежды.

О Т Л И Ч І Е

въ поминальныхъ обрядахъ у горныхъ Черемисъ.

На моей родинѣ Козмодемьянскаго уѣзда, крещенные черемисы начали жить похристіански позже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Когда мнѣ было около 14, или 15-ти лѣтъ, тогда еще ни одно семейство не приняло христіанскіе обряды, поэтому мнѣ хорошо извѣстны старинные козмодемьянскіе обряды похоронъ и поминавенія покойниковъ.

Горно-Козмодемьянскіе черемисы, за исключеніемъ немногихъ мѣстныхъ обычаевъ, поминали и провожали покойниковъ своихъ также, какъ и луговые. Предъ выѣздомъ съ покойникомъ курицу не рѣзали, какъ луговые, но вмѣсто того клали покойнику въ карманъ деньги со словами: *тыдѣ окса азрен ыццын вюретом сулашет лиже*—деньги эти да будутъ тебѣ на выкупъ крови твоей отъ смерти. На покойника клали шелковыя нитки во весь ростъ, и въ ноздри втыкали шелкъ. Такъ какъ за втыканіе шелку въ ноздри, при отпѣваніи, священники ихъ бранили, то многіе исполняли это по отпѣтіи на кладбищѣ. Когда отпѣвали мою бабушку, за втыканіе въ ноздри шелку, бранилъ моего отца покойный священникъ о. С—ій; отецъ мой нѣсколько разъ рассказывалъ объ этомъ. На кладбище же приносили шапку¹⁾, ножикъ, кочедыкъ, иногда и маленькій топорикъ, и клали

¹⁾ Послѣ похоронъ 6-ти лѣтняго моего брата Артемія, мать моя видѣла во снѣ, будто покойный братъ мой Артемій, пришедши, бросилъ въ калитку шапку, въ которой его похоронили, и сказалъ при

въ гробъ покойнику, думая, что все это будетъ нужно ему и тамъ. На крестъ привѣшивали длинную шелковую нитку¹⁾ до гробовой доски, со словами: кузашет волашет лиже—чтобы было тебѣ (за что) схватившись влѣзать и слѣзать. Послѣ похоронъ до сороковаго дня, также какъ луговые, изъ того, что сами ѣли, клали для покойника въ маленькую чашку каждый день за обѣдомъ и ужиномъ, и поставляли куда либо въ стору.

Къ сорочинамъ для покойника дѣлали маленькій квадратный столикъ 7 или 8-ми вершковъ изъ доски, на одной ножкѣ, уносили его въ оврагъ на то мѣсто, гдѣ были поставлены прежнимъ покойникамъ такіе же столики, и ножку столика утверждали въ землю. Этотъ столикъ назывался „колопо-стѣл“—столъ покойника. Столики эти стояли на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока сгниютъ ножки. Когда я маленькій игралъ съ товарищами въ оврагѣ, подходить къ этимъ столикамъ мы боялись, и старики не велѣли намъ прикасаться, чтобы покойники не осердились на насъ, и у насъ не болѣлъ бы животъ. Потому не далеко отъ столика чрезъ протекающую близъ деревни рѣку клали жерди, или доску для перехода покойникамъ; этотъ переходъ назывался „колопо-кыверъ“—мостъ покойниковъ.

При поминовеніи въ сороковой день, также какъ и луговые черемисы, играли во что либо—въ балалайку, гусли, или пузырь, пѣли и плясали. По окончаніи поминовенія, провожать покойника ходили съ пѣнями въ оврагъ къ сказанному столику; пришедши туда, разбивали тамъ принесенныя посуды съ разными кушаньями въ честь покойника по крошечкѣ накладенными. Въ одежду покойника, какъ у луговыхъ черемисъ, никто не наряжался, и не изображалъ покойника.

Общее поминовеніе покойниковъ у луговыхъ Черемисъ.

Великую среду на страстной недѣлѣ черемисы называютъ кон-кечы (горно-Козмодемьянскіе черемисы называютъ конон-кечы). Въ этотъ день черемисы съ утра до вечера ничего не работаютъ, ни печки не топятъ, ни полъ не метутъ, подобно тому какъ еврей въ субботу ничего не дѣлаетъ. Особенно же въ этотъ день не берутъ въ руки палку, говоря, что если возьмешь палку, то увидишь лѣтомъ змѣю, которая укуситъ; тѣмъ болѣе не возьмутъ въ руки веретено, думая, что и оно обратится въ змѣю. Козмодемьянскіе

этомъ, что эта шапка не нужна ему, такъ какъ у него есть хорошая. Мать моя, рассказывая объ этомъ, плакала и раскаявалась, что похоронили его въ шапкѣ.

¹⁾ Когда похоронили мою бабушку, также привѣсили на крестъ шелковую нитку; это произвело на меня впечатлѣніе; я будучи еще мальчикомъ, долго думалъ объ этомъ.

Черемисы дѣлали точно также. У горныхъ черемисъ этихъ повѣрій меньше въ настоящее время, но можетъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь есть. На другой день, въ великій четвертокъ, дѣлають колоша-пайрам, иначе называя его тошто-мари пайрам, или еще сорта-пайрам, т. е. праздникъ умершихъ людей, или древнихъ людей, или же праздникъ свѣчи, потому что при поминовении по покойникамъ ставятъ свѣчи. Такой праздникъ бываетъ въ году три раза, а именно: на страстной недѣлѣ въ великій четвертокъ, въ среду предъ праздникомъ Пятидесятницы, и въ третій разъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ.

Въ эти праздники покупають вина, пекутъ блины, ватрушки, пирожки и варятъ яйца. Всѣ эти кушанья кладутъ на столъ, и вокругъ этихъ кушаній, чтобы ѣсть покойникамъ, кладутъ ложки и ковши; пиво въ лянгусъ и вино также ставятъ на столъ. Одинъ изъ старшихъ въ семействѣ садится въ шапкѣ на стулъ, и, до собранія сосѣдей, молится одинъ со своимъ семействомъ. При этомъ говоритъ слѣдующія слова:

Тамык¹ сабусыжа, тамык вуйжа, кіамат төряжа! Тэвэ мэ пайрамым иштэна тэ люмешда, толза, кочза, йүза; кочдэ йүдэ ида кай. Шуже тэвэ тьдэ кочкин тэланда; тазалыком тнысьлыком, перкем, полянлыком, пуза; волик-шамычам, имни-шанычам ушкал-шамычам, шорок-шамычам, мюкш-шамычам молومات туль вулым иштыза. Волик шамычам, молومات ида сусыртэ, тазалыком, сайлыком, тныськыком пуза, киндомат сай шочыктэза, сай мотор мардэжым кондыза, перкем полянлыком пуза, тычмашто иляш полшыза.

Распорядитель ада, начальникъ ада, судья въ адѣ! вотъ мы дѣлаемъ въ честь васъ праздникъ; придите, ѣште, пейте, не ѣвши, не пивши не уходите. Эта пища да дойдетъ до васъ (или пусть удовлетворитъ васъ); дайте намъ здоровье, миръ, прибыль, богатство; расплодите число головъ нашего скота: лошадей, коровъ, овецъ и пчелъ; скотинѣ и прочимъ не вредите, а дайте здоровье, благополучіе и миръ; посѣянный хлѣбъ хорошо уродите, пригоните благотворный, хорошій вѣтеръ, дайте прибыль и богатство, и въ полномъ богатствѣ жить намъ помогайте.

Потомъ начинаютъ поминать родителей и родственниковъ слѣдующими словами: ачи шуже, абай шуже; тэвэ ындэ ме пайрамым иштэна, толза кочда, йүза; кочдэ йүдэ ида кошт, т. е. бабушка, пусть дойдетъ это до тебя, матушка, пусть дойдетъ это до тебя; вамъ мы дѣлаемъ праздникъ; придите, ѣште и пейте, а не ѣвши и не пивши не уходите... и проч., подобно выше изложеннымъ обращеніямъ къ тамык сабусу, тамык вуйжу и кіамат-төрѣ.

¹) Тамык—татарское слово, значитъ адъ; сабус по изъясненію черемисъ—распорядитель ада, тамык вуй—голова ада, или начальникъ ада. Кіамат слово арабское значитъ воскресеніе мертвыхъ къ страшному суду, будущая жизнь, төря—судья (по мнѣнію черемисъ кіамат төря—въ адѣ распоряжающійся и судящій).

Такимъ образомъ одинъ изъ старшихъ въ семействѣ сидитъ около получаса за столомъ, поминая и умолая, какъ боговъ¹⁾, своихъ родственниковъ, сосѣдей и другихъ по имени.

Во время этихъ праздниковъ мужчины и женщины, какъ въ гостяхъ, такъ и дома предъ принятіемъ пищи всегда поминаютъ покойниковъ вышеписанными словами сокращенно, какъ будто читаютъ молитву. Это—домашнее семейное поминовение, до сбора въ домъ сосѣдей. По сборѣ же въ домъ поминовение продолжается нѣсколько иначе.

Собираются двѣнадцать, или болѣе, семействъ вмѣстѣ въ одинъ домъ. Когда соберутся все, то положатъ около двери на лавкѣ полѣно, поставятъ лянгусъ, т. е. ведро пива и чашку, и еще порожній лянгусъ; въ чашку кладутъ блины, лицъ около десятка, а къ положенному полѣну прилѣпляютъ восковыя свѣчи, по числу собравшихся семействъ; свѣчи ставятъ [на имя тамук-сабуца, тамык-вуя и кіамат-тѳря—распорядителя ада, начальника ада и судьи кіамата. Потомъ ставятъ свѣчи на имя умершихъ родителей, родственниковъ, дѣтей и сосѣдей своихъ. Когда ставятъ свѣчи, тогда говорятъ такъ: *шужо*, пычкемыш тунят волгодо лиже, сайлык лиже, суап лиже т. е. пусть дойдетъ до васъ, темный міръ вашъ да будетъ свѣтомъ, да будетъ вамъ блаженство, да будетъ награда, и прочее подобно тому, какъ выше писано. Потомъ въ приготовленный порожній лянгусъ наливаютъ пива, а блины, отламывая кусочками съ края, бросаютъ въ чашку. Первый кусокъ бросается тамык-сабуслан, второй тамык-вуйжылан и третій кіамат-тѳряжлан. Потомъ бросаютъ куски на имя родителей, дѣтей, родственниковъ и сосѣдей. Наливая пиво и отламывая крошечками съ края блины, говорятъ:

шуже! Кочдэ, йѳдэ, шужен, кылмеп ида кошт; мамырлыкыштэ плыза; пычкемыш (сандалыкда) тѳняда волгоды лиже, ѳмбалнысе рокда купитолго лиже; эсендыком, тазалыком, тнясылыком пуза; сайн иляш полшыза, перкем-полнлыком пуза; тычмапшто, полнлыкышто иляш полшыза, чыла очынэ гычен, канысыр гычен аралыза-саклыза; тул гычен, вюд гычен, очынэ кюлтымаш гычен аралыза; волик-шамычым, имни шамычом, ушкал шамы-

пусть дойдетъ до васъ (или: да удовлетвори-
ритъ васъ)! Не ѳвши, не пивши, голод-
ные, холодные не ходите, живите пышно,
роскошно; темный міръ вашъ да будетъ
свѣтелъ, надъ вами лежащая земля да бу-
детъ легкой; дайте намъ здоровье и миръ,
помогайте жить благополучно, дайте при-
были и богатства, помогайте жить въ пол-
номъ богатствѣ, отъ всѣхъ золъ и напа-
стей избавляйте, сохраняйте отъ воды и
огня, сохраняйте отъ повреждающихъ злыхъ
духовъ; скотину нашу—лошадей, коровъ,

¹⁾ Нѣкоторые толковые черемисы, покойниковъ не умоляютъ какъ боговъ, но только поминаютъ.

чом, шорок шамычем, мюкш шамычем, моломат тўль вўным иштэза; волик-шамычлан, икшыбо-шамычлан ида логал (ида сусыртэ). Волик-шамычом сайн ончаш полшыза, канысырышкэ ида пуртэ, пасуштосы киндом сайн шочыктыза; осал мардэж гычен, iан-шолэман юр гычен аралыза, перкем пуза; тычмаштэ, поянышто иляш полшыза. Тэвэ ындэ мэ тэидан люмешда пайрамом иштэна, сай кочкин йўн йыбыртэн кайза.

Съ сими словами каждый отъ себя льетъ изъ ковша пиво, и, отламывая крошечками блины, бросаетъ во имя каждаго изъ своихъ умершихъ. Если кто умѣетъ, тотъ противъ вышеписаннаго причитываетъ много больше, а кто не умѣетъ, тотъ не причитываетъ и столько.

Затѣмъ берутъ вареную курятину, и, разрѣзывая ее на мелкіе кусочки, бросаютъ съ тѣми же словами. Потомъ, когда уже прилѣпленные къ полѣну свѣчи всѣ догорятъ, тогда четверо, или пятеро черемисъ выходятъ на дворъ. Одинъ беретъ лянгусъ съ налитымъ во имя мертвыхъ пивомъ, другой чашку съ набросанными блинами, яицами и куратиной, и выносятъ на дворъ, за ними идетъ одинъ съ пузыремъ и играетъ. Начиная отъ избы и до назначеннаго мѣста, гдѣ они должны бросить блины и курятину, идя по двору бросаютъ блины и льютъ по немногу пиво на землю; затѣмъ, дошедши до извѣстнаго мѣста на дворѣ, бросаютъ все оставшееся; пива одну половину выпиваютъ сами, а другую выливаютъ на землю, яица вынесенныя въ чашкѣ съѣдаютъ всѣ, и оставляютъ только одно.

У нихъ есть особое суѣверіе, что если будешь пить налитое мертвымъ пиво и ѣсть блины, то будто бы не будутъ болѣть зубы.

Потомъ выходившіе на дворъ для поминокъ черемисы, возвратясь въ избу, говорятъ оставшимся, которые сидятъ за столомъ, что древніе мертвые люди благословеніе свое сказали такъ:

сай илэза: киндэшда перке лиже, суртда поян лиже, воликда шуко лиже, ватада шамыч йыгыр азам иштэшто, йешда шуко лиже, сай тнысь илэза.

овецъ, пчелъ и прочее расплодите; дѣтей нашихъ и скотину не трогайте; за скотиной хорошо ухаживать помогайте, въ напасть (или во вредъ) не вводите; посѣянный хлѣбъ на полѣ хорошо урожайте, отъ вредныхъ вѣтровъ и градовъ избавляйте; дайте намъ прибыль, въ полномъ богатствѣ жить помогайте. Вотъ мы во имя ваше (въ честь вашу) дѣлаемъ праздникъ; хорошо наѣвшись и напившись, идите съ радостью.

живите счастливо: въ хлѣбѣ вашемъ да будетъ прибыль, дома ваши да будутъ богаты, скота у васъ да будетъ много, жены ваши пусть родятъ вамъ двойни, семейства ваши да будутъ многочисленны, живите хорошо и благополучно.

А тѣ, которые сидятъ за столомъ, по окончаніи рѣчи ихъ отвѣчаютъ имъ: Йора, сай лиже — ладно, пусть будетъ такъ. Затѣмъ по порядку идутъ въ другіе дома.

По окончаніи поминовенія начинаютъ пировать; при томъ бываетъ пляска, пѣсни и игра на пузырьѣ. На страстной недѣлѣ поминовеніе, начиная съ среды, продолжается до субботы. Во время поминокъ между пожилыми мало встрѣчаются трезвыхъ. Кромѣ того поминки бываютъ и въ семикъ и осенью по снятіи хлѣба; поминовеніе совершается одинаково, но только меньше пируютъ.

По рассказамъ черемисъ видно, что точно также дѣлается у черемисъ Уржумскаго и Мамадышскаго уѣздовъ.

Общее поминовеніе у горныхъ черемисъ.

Горно-Козмодемьянскіе черемисы дѣлали поминовеніе покойниковъ прежде точно также, но только однимъ своимъ семействомъ; а не собирались такъ, какъ луговые, изъ нѣсколькихъ домовъ. Обычай этотъ нынѣ едва существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Козмодемьянскаго края.

Горно-Козмодемьянскіе черемисы поминовеніе дѣлали не въ одно время, а кто когда вздумалъ, предъ Пасхой и послѣ Пасхи. Подобно Царевококшайскимъ черемисамъ, мертвыхъ своихъ, какъ боговъ они не просили. Горно-Козмодемьянскіе черемисы поминовеніе дѣлали слѣдующимъ образомъ.

Во имя мертвыхъ своихъ варили пиво; при наступленіи дня поминовенія пекли блины, ватрушки и варили яица. При двери втыкали лучину, а на лучинѣ во имя cadaго мертваго своего прилѣпляли восковую свѣчу, съ сими словами:

Оти, шожа! пцкемыш сандалыкет
сота лиже, вилвал ракет куштулга
лиже. Ави, шожа! пцкемыш саидалы-
кет сота сиже, вилвал ракет куштолго
лиже.

Батюшка, пусть дойдетъ до тебя! Тем-
ный міръ твой да будетъ свѣтель, на тебѣ
лежащая земля да будетъ легкою. Маминька,
 пусть дойдетъ до тебя! Темный міръ твой
да будетъ свѣтель, на тебѣ лежащая земля
да будетъ легкою.

И прочимъ покойникамъ ставили свѣчи съ сими же словами.

Зажегши свѣчи во имя cadaго мертваго, въ особо приготовленную посуду бросали отламывая крошечками блины съ слѣдующими словами:

шоже! кочдэ, юдэ шужен кижен ида
кошт, намярлыкошта илэда; пцкемыш
сандалыкда сота лиже, вилвал рокда

пусть удовлетворитъ васъ! Не ѣвши, не
пивши, голодные, холодные не ходите, пыш-
но роскошно живите; темный міръ вашъ

куштолга лиже, кочкашда, юашда шу-
ко лиже; шюменш, мокшенш, волик цыр-
лыкеш ида тукналышт. Качдэ, юдэ
ида кез! Качкын, юн, цевер сусулын
кезда, мамырлыкышто илэда.

да будетъ свѣтелъ, надъ вами лежащая
земля да будетъ легкою, пищи и питья у
васъ да будетъ много; сердцу, печени и
скотинѣ¹⁾ не вредите (не прикасайтесь). Не
ѣвши, не пивши не уходите, но наѣвшись
и напившись съ радостію торжественно воз-
вращайтесь и живите въ роскоши.

Такимъ образомъ кончивъ поминовеніе родныхъ всѣхъ, выносили набросанные въ чашку блины на дворъ, и бросали скотинѣ и собакамъ; бросивъ кусочки, входили въ избу обратно, и разломавши еще одинъ блинъ на кусочки бросали, забытымъ на поминове-
ніи, и тѣмъ, которыхъ никто не поминаетъ. Этимъ и заканчивалось поминовеніе.

Горно-Козмодемьянскіе черемисы не пировали на страстной недѣлѣ такъ, какъ Ца-
ревококшайскіе черемисы.

О к е р е м е т я х ъ.

Многіе изслѣдователи и писатели объ языческой религіи, и русскіе, живущіе между черемисъ, смѣшиваютъ божество юмо съ кереметами; но керемети вовсе не относятся къ божествамъ. Черемисы и сами всѣ признаютъ, что керемети — духи нечистые. Названія ке-
реметей не вездѣ одинаковы; почти каждая черемисская мѣстность имѣетъ подъ особымъ
названіемъ особыхъ кереметей. Равно также вездѣ признаютъ ихъ духами нечистыми. Раз-
досадованный черемисинъ, когда желаетъ кого либо оскорбить, того называетъ подобно
кереметямъ грубымъ, злымъ и негоднымъ. Кереметь какъ у черемисъ, такъ и у другихъ
инородцевъ нашего края, не въ почетѣ. Добрый совѣтливый черемисинъ даже поминаетъ
кереметя предъ людьми считаетъ за стыдъ. Въ рощѣ, въ которой молятся богамъ, мо-
лятся кереметямъ считаютъ за грѣхъ; во время жертвоприношеній богамъ никогда не
поминаютъ кереметя. Для жертвоприношеній кереметямъ у нихъ есть отдѣльныя рощи,
мѣстечки и деревья, подъ которыми они приносятъ имъ жертву. При большихъ деревьяхъ
такихъ рощъ и мѣстечекъ бываетъ по нѣскольку. Напримѣръ въ Ц. уѣздѣ, въ дер. N,
кромѣ рощъ посвященныхъ богамъ, есть еще 9 рощъ и мѣстечекъ для жертвоприношеній
кереметямъ, въ комхъ, по указанію ворожеекъ, во время болѣзни приносятъ жертвы кере-

¹⁾ Когда заболитъ брюхо, или сердце, то черемисы говорятъ, что это вредятъ покойники. Есть
также повѣріе, какъ у луговыхъ, такъ и у горныхъ черемисъ: если скотина долгое время пропадаетъ,
то говорятъ, что мертвые люди скрываютъ ее отъ насъ; тогда дѣлаютъ обѣщаніе покойникамъ сдѣлать
поминовеніе.

метямъ. Тотъ же черемисинъ, который, ненавидя керемета, считаетъ за стыдъ и поминаетъ керемета предъ людьми, когда захвораетъ отъ какой либо простой причины, хотя отъ простуды, по простотѣ своей думаетъ, что болѣзни причиняетъ кереметь. Въмѣсто того, чтобы съ вѣрою прибѣгать къ истинному Богу, обращается къ знахаркѣ, а та, по дѣйствию діавола, для прельщенія людей, гадаетъ въ пользу керемета, при этомъ скажетъ, какому керемету и какую принести жертву. Тогда бѣдный черемисинъ со страхомъ и стыдомъ отъ людей для жертвоприношенія керемету ведетъ послѣднюю свою скотину въ рощу, или лѣсъ; или послѣднія свои деньги удерживаетъ на покупку жертвы для керемета. Умоляетъ его тамъ, чтобы кереметь исцѣлилъ и помиловалъ отъ причиненной имъ болѣзни, а также не наносилъ бы никакихъ болѣзней ни семейству, ни скотинѣ.

Имена кереметей у луговыхъ черемисъ въ дер. Уньжѣ слѣдующія:

1) Курук-кугу-Йынг.
Виднезежо.

Горный большой человѣкъ.
При немъ докладчикъ.

2) Кўвар-кугузай.
Виднезежо.

Мостовой дядя.
При немъ докладчикъ.

3) Курук-тўр-керемет.
Виднезежо.

Кереметь края горы.
При немъ докладчикъ.

4) У-керемет.
Виднезежо.

Новый кереметь.
При немъ докладчикъ.

5) Мюкшпурт керемет.
Виднезежо.

Пчелиный шыр¹⁾т кереметь.
При немъ докладчикъ.

6) Ял ѡмбац коштыш керемет.
Виднезежо.

По деревнѣ ходящій кереметь.
При немъ докладчикъ.

7) Кудо водож.

Кереметь шалаша, или корня шалаша.

¹⁾ Подъ названіемъ шыр^т у горно-Козмодемьянскихъ черемисъ былъ старинный, маленькій кереметь.—По разсказу моего дѣдушки, въ старинные годы черемисы боялись шыр^та, а въ послѣдствіи слово шыр^т употреблялось только въ брани. Само по себѣ слово шыр^т въ черемисскомъ языкѣ значенія не имѣетъ.

По рассказамъ черемисъ видно, что черемисы Уржумскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, а также и вотяки, приносятъ жертвы этимъ же кереметямъ.

Изъ этихъ кереметей главными считаются курук-кугу-йынг и кѣвар-кугузай, а самымъ злымъ у-керемет, который, по мнѣнію черемисъ, втирается при всѣхъ удобныхъ случаяхъ въ людскія дѣла, и причиняетъ разныя болѣзни, а потому ни одинъ день не остается безъ жертвы.

Курук-кугу-йынг кереметю жертвуютъ жеребенка, быка и утку, а также шорба—сыченаго пива, иногда и вина, и ставятъ восковую свѣчу. Виднезе—его докладчику—зимой зайца, лѣтомъ—утку. При жертвоприношеніи вмѣсто ана-пу¹⁾—молодаго дерева ставятъ небольшую хворостину, со словами: тэвэ кугу ана-пуэт—вотъ большое почетное твое дерево; также опоясываютъ се, но только безъ олова и вѣтвей, а по окончаніи жертвоприношенія сожигаютъ.

Прежде чѣмъ зарѣзать скотину, также поливаютъ ее водой, и просятъ, чтобы кереметь принялъ животное и заставилъ встрепенуться въ знакъ принятія, т. е. поступаютъ также, какъ и при общественномъ жертвоприношеніи.

Когда приносятъ въ жертву жеребенка, то шкуру его сожигаютъ на томъ же кострѣ; а когда жертвуютъ быка, или другаго животнаго, то шкуру берутъ для продажи, или для домашняго употребленія. Принося въ жертву жеребенка другимъ кереметямъ, шкуру его берутъ себѣ, а не сожигаютъ.

Кюбар-кугуза кереметь по старшинству считается равнымъ съ курук-кугу-йынг кереметемъ, и жертва ему бываетъ таже. За этими кереметами по своему достоинству и вредности слѣдуютъ: у-керемет и курук-тѣр керемет. Имъ тоже жертвуютъ жеребенка, или бычка, медовое, и ставятъ восковую свѣчу, а докладчикамъ и виднезамъ ихъ—зайцевъ, утокъ, а иногда барановъ. Остальные керемети считаются меньшими.

Ял-ѣмбач-коштыны кереметю жертвуютъ дятла, кулика, галку и голубей—застрѣленныхъ.

Кудо-водож считается наименьшимъ, а потому ему и жертвуютъ только кашу.

Жертвы для кереметей повсемѣстно не бываютъ одинаковы, а гдѣ какъ заведено, или какъ укажетъ ворожейка. При жертвоприношеніи кереметю, не просятъ его подобно богамъ вышписанной молитвой (стр. 12—18), а только умоляютъ, какъ злодѣя-разбойника, чтобы онъ, принявши жертву, исцѣлилъ отъ причиненной имъ тяжелой болѣзни, избавилъ бы отъ будущихъ непріятностей, не наносилъ бы послѣ этого ни какихъ болѣзней семей-

¹⁾ Смотри обрядъ Сюрем'а стр. 38.

ству и скотинѣ, и не прикасался бы къ нимъ. Хотя кереметю и молятся, приносятъ жертвы; но въ то же время и ненавидятъ его, считая ненавистникомъ и врагомъ людей. Общественныхъ жертвоприношеній кереметямъ не бываетъ, а только частныхъ.

Когда законенѣлаго черемисина станешь увѣщавать не молиться кереметю, а жить по христіански, и молиться только одному Богу, на это бѣдный черемисинъ обыкновенно отвѣчаетъ жалобнымъ тономъ: „что же дѣлать? безъ того мы жить не можемъ. Если не будемъ умолять его, то онъ всѣхъ насъ переломаетъ,—всѣ перемремъ. Умирать не охота; когда захворашь, то по неволѣ будешь кереметямъ молиться“. Затѣмъ, какъ виновный, больше ничего не скажетъ вамъ. Между черемисами есть и такіе, которые ругаютъ кереметь непечатными словами.

Между черемисами ходитъ такой разсказъ о кереметѣ. Въ какой-то деревнѣ Уржумскаго уѣзда былъ одинъ очень злой кереметь, который не давалъ черемисамъ покою, причинялъ имъ постоянно разныя болѣзни, и наконецъ вывелъ изъ терпѣнія. Одинъ черемисинъ, по имени Моисей, и придумалъ избавиться отъ него. Для этого онъ и другіе сосѣди, наклавъ вокругъ его рощицы разнаго хвороста, а сверхъ того соломы, лѣтомъ въ сухое жаркое время вдругъ зажгли эти матеріалы со всѣхъ сторонъ, а сами встали съ рычагами, чтобы не выпустить изъ рощи кереметя. Когда разгорѣлась солома и хворостъ, тогда въ рощѣ начало кидаться во всѣ стороны какое то животное, на подобіе собаки, но не давъ ему выскочить оттуда, они убили его рычагами и сожгли. По мнѣнію Черемисъ, это былъ кереметь, который не догадался о предстоящей бѣдѣ, а можетъ быть и спалъ въ то время. Послѣ того онъ будто-бы являлся нѣкоторымъ во снѣ, и говорилъ, что жилище его сожгли и самого его убили, а потому онъ и удаляется оттуда вовсе. Послѣ того, какъ говорятъ черемисы, онъ не сталъ причинять никакихъ болѣзней, и они избавились отъ злаго врага. По этому поводу и въ другихъ мѣстахъ черемисы говорятъ, что *у-кереметя* нужно сожечь, потому что онъ очень золъ.

Нѣкоторые черемисы, бывая въ г. Казани, принимаютъ за кереметя—*курук-кугу-йинг*—памятникъ Державина, потому что поэтъ на памятникѣ изображенъ большимъ чело-вѣкомъ, а въ черемисскомъ языкѣ *кугу-йинг* значитъ большой чело-вѣкъ.

Кереметя *курук-кугу-йинг* называютъ еще сѣвернымъ царемъ. По мнѣнію черемисъ, у него есть невидимое войско, которое помогаетъ во время войны русскому царю, вслѣдствіе чего и царь-де молится ему; если же царь не будетъ ему молиться, то онъ станетъ помогать противнику. Не молясь ему, никто не можетъ жить, и русскіе молятся ему; въ доказательство чего скажутъ: *пюнчы-тунг черкыштат курук-кугу-йинг уло*, т. е. и въ церкви у корня сосны есть образъ *курук-кугу-йинг*. Церковью у корня сосны называется Кизическій монастырь; большую икону нерукотвореннаго образа Спасителя при

дорогѣ у колокольни, принимаютъ за образъ керемети *курук-кугу-йынг'*а. И у насъ въ деревнѣ частенько спрашиваютъ, гдѣ *курук-кугу-йынг*. Другіе говорятъ, что будто бы въ Вятской губерніи, гдѣ то далеко у него, т. е. у *кугу-йынг'*а, есть невидимый городъ на горѣ, который могутъ видѣть иногда только нѣкоторые изъ его любимцевъ, но стрѣльба его солдатъ бываетъ слышна иногда всѣмъ. Когда проходишь мимо той горы, гдѣ у него городъ, слѣдуетъ идти молча; а если будешь говорить про него, то захворашь и умрешь. Когда бываетъ падежъ скота, то говорятъ, что сѣверный царь (кереметь) посылаетъ своихъ солдатъ рѣзать и ѣсть скотъ. Во время падежа скота еще дѣлаютъ жертвоприношеніе керемету „Уалы“, которому жертвой бываетъ баранъ, приносимый ему на полѣ на перекресткѣ дорогъ.

О горно-Козмодемьянскихъ кереметяхъ.

Въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ у черемисъ керемети называются такъ:

1) Кюртню-водож.

Абажа.

Эргыжа.

Тылмацша, или пач кучен
коштшыжа.

Желѣзный водожъ, или кереметь.

Его мать.

Его сынъ.

Докладчикъ, или подолъ держа хо-
дящій (лакей).

2) Кюрсир водож.

Абажа.

Эргыжа.

Тылмацшы.

Лубковаго берега водожъ.

Его мать.

Его сынъ.

Его докладчикъ.

3) Яр водож.

Озерный кереметь

4) Яуш керемет.

Яуш кереметь (яуш значенія въ че-
ремисскомъ языкѣ не имѣетъ).

5) Икса керемет, или водож.

Кереметь канавы воды.

6) Макарь керемет.

Кереметь Макарь.

7) Юнгы-вуй керемет.

Кереметь верховья (рѣки) Юнги.

8) Кудо-водож.

Кереметь шалаша.

Керемети кюртню-водожд, мать его и сынъ его, Кюрсир, мать его, сынъ и до-
владчики ихъ считались за одно семейство, по этому жертвоприношеніе имъ бывало всегда
вмѣстѣ въ одинъ разъ. Жертва имъ бывала: шесть маленькихъ калачей, каждый изъ коихъ
стоилъ по 3 коп. сер., шесть шукъ, или шесть стерлядей, шесть аргамаковъ т. е. сдѣ-
ланныхъ на подобіе лошади шесть позолоченныхъ пряниковъ, иногда съ изображеніемъ
другой скотины, или птицы, полуштофъ вина простаго, наливки, рома и бальзама. Иногда
рѣзали имъ барана, или утку, и при этихъ жертвахъ покупали тоже водки. Бывало,
когда изъ членовъ семейства кто либо захвораетъ, то первымъ долгомъ даютъ керемету
общаніе, при чемъ положить въ залогъ какую нибудь вещь, которую называютъ „сукъ“.
Сукаш значитъ стоять на колѣняхъ и кланяться, сукъ значитъ поклонъ. Въ знакъ объ-
щанія поклона, часто клали рубашку больного, или другую изъ одеждъ его; при объ-
щаніи пожертвовать теленка клали въ сукъ ту веревку, или ляжку, на которой водятъ
теленка, а когда общали барана, то въ сукъ клали его шерсть. Когда общаются варить
пиво для моленія керемету, то положить въ тряпкахъ завязанныя горсть солода и мукн.
Такимъ образомъ сукъ и бываютъ изъ разныхъ вещей. Залогъ общанія привѣшивается на
подложкѣ, въ клѣти, или амбарѣ; но до исполненія общанія къ нему не прикасаются.
По исполненіи общанія, сукъ и уничтожаются. Общанія эти исполняются черемисами не-
пременно при первой же возможности.

И луговые Черемисы при общаніи дѣлаютъ такіе же сукъ и, и такъ же кладутъ
въ сукъ разные предметы. Такъ напримѣръ, когда дѣлаютъ общаніе жертвовать жере-
бенка, тогда въ сукъ привѣшиваютъ личную узду.

Описывая бытъ черемисъ, многіе писатели принимали эти суки или за самого ке-
ремета, или за идоловъ. Это не правда. Это только предметъ, напоминающій данное ке-
ремету общаніе.

Дѣдунка и бабушка мои были люди торговые. Бабушка была усердна какъ къ Богу,
такъ и къ керемету. Она молилась больше крестнымъ знаменіемъ, преимущественно Свя-
тителю Николаю: но случалось, что торговля шла неудачно, и тогда непременно купить
кереметамъ для жертвы трехъ-копѣчныхъ калачей и водки, и молить ихъ, чтобы они по-
могли торговать. Послѣ смерти бабушки моей, когда мнѣ было около четырнадцати лѣтъ,
я уже ходилъ въ церковь, слушалъ Евангеліе и наставленіе отъ крестьянина изъ чере-
мисъ Андрея Кирилловича, а родители мои еще не хотѣли жить по русски (т. е. не
переставали поклоняться кереметамъ) и соблюдать посты. Въ Августѣ мѣсяцъ захворалъ
поносомъ младшій мой братъ, шестилѣтній мальчикъ Артемій. Родители мои, не зная
что дѣлать, обратились къ ворожеямъ, а онѣ, повороживъ, сказали, что причиняютъ
болѣзнь три керемета: Яр-водожд, Яуш-керемет и Икса-керемет. Чтобы умиловить

ихъ, имъ троицѣ нужно пожертвовать три теленка. Въ то время было у насъ своихъ три теленка, а потому отецъ мой, ни сколько не медля, зарѣзалъ ихъ и принесть въ жертву, но больному не было легче. Отецъ опять обратился къ ворожейкѣ, а она на этотъ разъ говорить, что нужно принести въ жертву три барана;—было сдѣлано и это. По указанію ворожейки, были принесены жертвы и другимъ кереметямъ, но все безъ пользы,—мальчикъ не выздоравливалъ. Тогда ворожейки сказали, что яр-водажемъ, яуш-кереметемъ и Икса-кереметемъ жертвы не приняты, потому мальчикъ и не выздоравливаетъ. Но вновь пожертвовать у насъ не было своихъ телятъ, а потому ворожейки посоветовали, вмѣсто живыхъ телятъ, купить на базарѣ у мясника три телячьи головы, съ ними ноги и сердце ихъ, и пожертвовать ихъ кереметямъ. Когда телячьи головы были готовы, то нужно было для сожиганія ихъ идти въ оврагъ. Дровъ нести было не кому, а я не хотѣлъ идти, отговариваясь, что не буду поклоняться кереметямъ, потому что они бѣсы, не понесу дровъ и не пойду. Но всетаки меня уговорили только отнести дрова, а затѣмъ удалиться оттуда. Принесши беремя дровъ, я прилегъ къ сторонѣ и смотрю, что будетъ дѣлать отецъ. Онъ развелъ костеръ, положилъ головы по порядку и, стоя на колѣняхъ, началъ умолять кереметей, чтобы они съ любовію и ласкою приняли ихъ, а потомъ, какъ живыхъ, поливалъ ихъ водою, чтобы встрепенулись въ знакъ ихъ принятія кереметами; затѣмъ, стоя на колѣнкахъ и положивши нѣсколько поклоновъ, взялъ своею рукою и потрясъ каждую изъ головъ со словами: вичкен, яратэн налда, ыр-сыржым ыркытда!—*Съ ласкою и любовію примите и нечистоту очистите!* А потомъ сказалъ: „тау, тау, тау, ырзятарышта!“—спасибо, спасибо, спасибо, что заставили встрепенуться.

Во время этого дѣйствія его, мнѣ показалось очень смѣшнымъ, что отецъ мой, какъ будтобы играетъ этими телячьими головами, и въ тоже время обманываетъ керемета, какъ глупаго ребенка: отрѣзанныя головы самъ потрясъ своею рукою, и говоритъ спасибо, спасибо, спасибо, что встрепенулись. Надъ этимъ-то я разразился смѣхомъ, отъ котораго не могъ говорить, а отецъ меня бранилъ, говоря, что изъ за моего смѣха жертвы не будутъ приняты кереметами. Въ томъ году на жертвы кереметямъ было у насъ издержано около 35 руб., пользы отъ коихъ не было никакой. Послѣ того чрезъ годъ отслужили въ домѣ молебень, и все семейство наше стало соблюдать посты, ходить въ церковь, и перестало поклоняться кереметямъ.

Такимъ же образомъ и прочіе черемисы Козмодемьянскаго уѣзда, одни за другими, перестали молиться кереметямъ. Въ настоящее время, въ случаѣ болѣзни, служатъ молебень въ церкви, или дома, иногда соборуются.

Главная роща кереметей кюртня-водож, Кыр-сир, матери и сыновей были у бе-

рега рѣки Юнги, выше Троицкаго посада версты на 3, или на 4. Когда я былъ еще маленькимъ, на мѣстѣ рощи стояли только дубовыя пни, а въ настоящее время можно полагать, что и корней ихъ уже нѣтъ. Главное мѣсто Яр-водож, Яуш-керемет и Икса керемета считалось на луговой сторонѣ, по этому Козмодемьянскіе горные черемисы называли ихъ заводжскими кереметами. И при каждой деревнѣ въ оврагахъ были такіе же мѣстечки, гдѣ приносили кереметамъ жертвы.

У луговыхъ черемисъ д. У. общественнаго жертвоприношенія кереметамъ не бываетъ, а у горно-Козмодемьянскихъ черемисъ, пока не раздѣлились христіанствующіе съ язычествующими, совершалось и кереметамъ общественное приношеніе жертвъ. Когда же стали смѣяться и притѣснять другъ друга, тогда стали молиться кереметамъ скрытно. И горно-Козмодемьянскіе нѣкоторые закоренѣлые черемисы говорили, подобно луговымъ, что кюртню-водож и кюрсир ходятъ на войну помогать царю, что и царь поминаетъ ихъ во время войны.

Отъ дѣдушки и бабушки слыхалъ я слѣдующіе рассказы о происхожденіи кереметей.

Кюртню водож и кюрсир водож были бѣглые солдаты, они много разбойничали и обижали черемисъ, знали много наговоровъ, а поэтому поймать ихъ было трудно. Наконецъ, когда окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, они залѣзли на дубъ, который стоялъ на самомъ берегу Большой-Юнги, и оттуда сказали окружившимъ, что даже по смерти своей они будутъ ихъ обижать—причинять разныя болѣзни, и что, не кланяясь имъ, черемисы не могутъ и жить. Потомъ съ самой вершины соскочили въ воду. Послѣ смерти ихъ, по указанію ворожей, стали имъ приносить жертвы. Вслѣдствіе чего будто и образовался кереметь, а до того времени у черемисъ будто бы не было керемета, и они молились только богамъ.

Про Яр-водож, Яуш-керемет и Иксажа или Икса керемет, есть подобный же рассказъ, что и они изъ убитыхъ разбойниковъ сдѣлались кереметами.

О Макарь-керемети есть рассказъ, что онъ былъ изъ числа коштановъ, или кляузниковъ, и любилъ судиться. У него было четыре сына. Онъ имѣлъ споръ объ землѣ, и предъ тѣмъ, какъ придти народу на спорное мѣсто, онъ сдѣлалъ на четырехъ углахъ спорной земли четыре маленькіе погроба, въ которые посадилъ сыновей своихъ, а чтобы это было не замѣтно, закрылъ ихъ сверху дерномъ и листьями. По прибытіи народа, онъ предложилъ спросить самой земли, чья она. Народъ спросилъ землю, и сыновья его изъ погребовъ отвѣчаютъ народу, что она Макарова. Народъ, не зная что это говорятъ его сыновья, думалъ что въ самомъ дѣлѣ земля отвѣчаетъ, а потому спорную землю отдалъ Макару. Между тѣмъ Макарь не могъ проводить народъ скоро. Когда, по уходѣ народа,

Макаръ открылъ погреба, сыновья его оказались мертвыми—задохлись тамъ. Потерявъ сыновей своихъ, Макаръ и самъ тамъ же умеръ; послѣ чего и образовался на томъ мѣстѣ Макаръ-кереметь.

Не въ Козмодемьянскіе черемисы керемету-Макару приносили жертву, но только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и то небольшую.

Козмодемьянскіе черемисы, когда бранятся, часто говорятъ Макарлык т. е. тебя бы для Макара (въ жертву). И еще: Макаръ пѣтрен налын кэшаплык—Макаръ бы тебя пробравши утащилъ.

Равно также и у луговыхъ черемисъ говорятъ: кереметлык—для керемета бы тебя.

Про луговыхъ Царевококшайскихъ, Уржумскихъ и Малмыжскихъ черемисскихъ кереметей я не слыхалъ подобныхъ разсказовъ.

Ш о ч ь я л ь (Р о ж д е с т в о Х р и с т о в о).

Горно-Козмодемьянскіе черемисы праздникъ Рождества Христова называютъ Шочьяль, или Шортяль. Шочъ значитъ родись; яль селеніе или деревня; шочьяль буквально будетъ значить селеніе рожденія. Слово „Шортяль“ нѣкоторые произносятъ шоркъ-йоль,—и переводятъ овечья нога; по моему мнѣнію, это толкованіе превратное¹⁾.

Будучи самъ изъ черемисъ, я съ малолѣтства видалъ старинные обычаи черемисъ, когда еще Горные Черемисы вполнѣ не усвоили христіанскіе обряды, и когда праздникъ свой Шочьяль они праздновали въ ближайшую Пятницу къ празднику Рождества Христова, т. е. предъ праздникомъ или послѣ праздника Рождества Христова. Въ самый день черемисскаго праздника Шочьяль (Рождество Христова) въ пятницу, бывало, какъ только пѣтухи запоютъ, рано утромъ черемисы возьмутъ лопаты, пойдутъ каждый на свое гумно, и пригребутъ снѣгу на току кучками въ видѣ какъ бы вороховъ зерна, нѣсколько десятковъ кучекъ, которыя называютъ „кышыль“, т. е. ворохами, или „копна“, т. е. кладами хлѣба. Бывало дѣдушка мой и бабушка въ этотъ день рано утромъ принесутъ денегъ на столъ, копѣчныхъ, двухъ и трехъ копѣчныхъ монетъ, считая ихъ рублями; если же принесутъ рублей 10-ть мѣдныхъ денегъ; изъ нихъ изображаютъ сотни и тысячи

¹⁾ Истолкованіе автора едва ли вѣрно. Кромѣ того, что этотъ праздникъ во многихъ мѣстахъ называютъ шоркъ-йоль (овечья нога). онъ исправляется и у чувашъ. Въ Корневомъ Чувашско-русскомъ Словарѣ Золотницкаго (стр. 62—63) читаемъ: „Сорых овца. Сорыг-оры (ора нога) овечья нога, обрядъ въ третью пятницу отъ Николина дня зимняго.“—Третья пятница отъ Николина дня самая ранняя 21 Декабря, а самая поздняя — 27 Декабря. Толкованіе автора, общее у него съ его земляками, горными черемисами, интересно въ томъ отношеніи, что эти черемисы, ознаменовавшіе себя христіанскимъ усердіемъ, стараются и свое прежнее язычество приновить къ православію.

рублей. Затѣмъ посылали насъ ребятъ въ садъ подѣ яблони, и мы ходили выше колѣнъ въ снѣгу, трясли сучки у яблоней, приговаривая, что падаетъ множество яблоковъ; изображали изъ себя, будто бы собираемъ яблоки; затѣмъ ходили въ овчарню, гдѣ хватали овецъ за ноги съ словами дигиръ потямъ ыштэжы, широкъ тѣлыжо—чтобы овцы принесли агнать двойнями и расплодились бы.

Въ этотъ праздникъ всегда варили пельмени; въ которые клали копѣйки, и нарочно изъ лыка сдѣланныя маленькія лямочки, какими водятъ телятъ и обротъки (узечки). Когда станутъ ѣсть, если кому попадались деньги, то говорили, что онъ будетъ счастливъ на деньги, будетъ богатъ; если же кому попадалась обротъ, или лямочка, говорили будто этотъ будетъ счастливъ на скотину, скотъ расплодится у него.

Такъ какъ Козмодемьянскіе черемисы всѣ безъ исключенія пировали праздникъ „Шочъяль“ (Рождество), то они вечеромъ всѣ собирались въ одинъ конецъ деревни и, начавъ пировать съ крайняго дома, ходили по порядку во всѣ дома, не пропуская ни одного дома. Бывало, въ который домъ придутъ пировать по порядку, тамъ водили ребятъ въ овчарню хватать овецъ за ноги для того, чтобы овцы принесли двойни и расплодились. Старинные Козмодемьянскіе черемисы придерживались такихъ суевѣрій и думали, будто бы если въ этотъ день станутъ считать деньги—разбогачѣютъ, если будутъ прикасаться къ скотинѣ со словами: чтобы расплодилась—и расплодится, на гумнѣ если будутъ пригребать снѣжные вороха, уродится хлѣбъ и такъ далѣе.

У *луговыхъ* черемисъ Царевкокшайскаго уѣзда, и доселѣ существуютъ тѣже обычаи, но съ небольшими разностями. Также праздникъ Рождества Христова дѣлаютъ по своему въ ближайшую Пятницу къ 25 Декабря, въ этотъ день также пригребаютъ снѣжные вороха или кладутъ только на полѣ, а не на гумнѣ, какъ Горно-Козмодемьянскіе черемисы. Луговые черемисы повсемѣстно не пируютъ праздникъ „Шочъяль“—но дѣлаютъ дѣвичій праздникъ. Дѣвицы предъ праздникомъ со всѣхъ домовъ собираютъ солодъ въ одинъ домъ; тамъ варятъ пиво, и въ самый день праздника собираются въ этотъ домъ; туда же приходятъ пожилые мужчины и женщины, а дѣвицы поютъ пѣсни¹⁾, пляшутъ и угощаютъ приходящихъ пивомъ, а приходящіе за угощеніе и пляски дарятъ ихъ деньгами. При этомъ для смѣха переряжаются мужчины въ женское платье, а женщины въ мужское; иные наряжаются въ стариковъ и старухъ; этихъ называютъ *Васли-кугузай*, *Васли-кубай* т. е. дядюшка или старецъ *Василій*, тетюшка или старушка *Василиса*.

Въ Черемисскомъ праздникѣ Шочъяль больше ни какихъ выдающихся обрядовъ не бываетъ.

¹⁾ Пѣсни, какія поютъ дѣвицы въ этотъ праздникъ, напечатаны въ „Пособіи къ изученію Черемисскаго языка“ Протоіерея Васильева; желающіе тамъ и могутъ прочитать ихъ.

М а с л я н и ц а.

Къ числу Черемисскихъ праздниковъ можно отнести еще русскіе сятки и масляницу, хотя они не имѣютъ религіознаго характера, а только отличаются нѣкоторыми суевѣрными гаданьями и всеобщимъ пьянствомъ.

Луговые Царевококшайскіе черемисы масляницу празднуютъ съ понедѣльника сырной недѣли до понедѣльника первой седмицы великаго поста; при этомъ, кромѣ катанья на горахъ, ни какихъ особыхъ выдающихся обрядовъ не бываетъ; бываетъ только взаимное угощеніе.

